

61:07-7/867

Федеральное агентство по образованию

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА

На правах рукописи

Филькина Ольга Юрьевна

**ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВ В АНГЛО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (июнь 1914 г. - октябрь 1917 г.)**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 07.00.03 - всеобщая история

Научный руководитель: доктор
исторических наук, профессор **Демидов**
Сергей Владимирович

Рязань - 2007
Содержание

Введение 3

**Глава I. Английский капитал в России накануне и в начале Первой
мировой войны**

§1. Военно-экономическое сближение Англии и России в предвоенные годы	20
§2. Смена «главного кредитора» царского правительства	41
§3. Первый раунд переговоров о кредитах в Англии (октябрь - декабрь 1914 г.)	55

Глава II. Англо-российские финансовые отношения в разгар Первой мировой войны

§1. Новая фаза финансового взаимодействия союзников. Переговоры министров финансов в Париже и Лондоне в 1915 г.	71
§2. Лондонская конференция глав финансовых ведомств стран Согласия. Соглашение о кредите 1916 г.	90
§3. Рост напряжения в англо-российских финансовых отношениях. Петроградская конференция союзников января 1917г.	115

Глава III. Финансовое партнерство Англии и России после февраля 1917 года

§1. Новый взгляд Англии на Россию. Пересмотр ценности «русского союзника»	133
§2. Изменение целей финансовой политики Англии по отношению к Временному правительству	143

Заключение	179
Примечания	185
Библиография	196

Введение

Изучение истории международных финансовых отношений - одна из наиболее актуальных проблем современной историографии. Важность этого вопроса обусловлена той ролью, которую играют финансы в деле межгосударственного взаимодействия и укреплении мирового статуса государства. Повышенный интерес вызывает проблема финансового сотрудничества двух наиболее могущественных государств Европы - Великобритании и России. На

протяжении всего XX столетия их отношения не были стабильными, они менялись в зависимости от международной ситуации и их политического курса.

Британская и Российская империи в начале XX века принадлежали к числу ведущих мировых держав, как по территории и количеству населения, так и по своим военно-экономическим и стратегическим возможностям. В отношениях двух стран в этот период не осталось ни одной сферы международной жизни, где не пересекались их интересы. Наличие старинной «взаимной неприязни», многочисленных противоречий в Европе и, особенно, Азии, долгое время не позволяли Англии и России политически сблизиться. Ситуация кардинальным образом изменилась в преддверии очередного европейского конфликта. Англии и России удалось не только сгладить «вековые противоречия», но и объединить свои усилия в борьбе против общего врага - Германии. В 1907 году, когда Англия и Россия подписали Конвенцию по делам Персии, Афганистана и Тибета, был обозначен важный рубеж в мировой политике. Соглашение сыграло решающую роль в объединении двух великих европейских держав перед надвигающейся войной.

Начавшаяся Первая мировая война оказала огромное влияние на сближение Англии и России, способствовала их финансовой консолидации. В то же время она обострила поляризацию политических сил в России, приведшую к крушению монархической системы правления Романовых. Власть в России перешла в руки Временного правительства, оказавшегося совершенно нежизнеспособным в условиях внутривластного хаоса. Но и этого вре-

3

мени хватило для того, чтобы внести неразбериху в уже устоявшиеся англо-российские финансовые связи. Данное обстоятельство нашло отражение в динамике англо-российских финансовых отношений.

В настоящее время актуальность проблемы англо-российских отношений акцентируется потому, что в начале нового столетия страны в очередной раз пришли к необходимости установления долгосрочных политических и финансовых связей. В конце прошлого века Россия пережила глобальные политические преобразования. Одним из них стал распад СССР и образование нового

государства - Российской Федерации. Российское правительство трансформировало политическую систему страны и внесло серьезные поправки в свою внешнеполитическую программу. Отныне страны Западной Европы, из недавних «условных» противников периода «холодной войны», превратилась в полноценных политических и экономических партнеров. Молодому российскому государству в наследство от прежней власти остался многомиллионный государственный долг. Россия была поставлена перед необходимостью пересмотра фундаментальных основ своих финансовых взаимоотношений с западными инвесторами, опираясь на опыт предшествующих поколений.

В контексте формирования глобального мирового пространства нам крайне важен исторический опыт прошлого, который должен способствовать динамичному развитию финансовых отношений России с мировым сообществом, в том числе и с Великобританией, с которой у нее богатое финансовое прошлое.

Изучение процесса установления и развития англо-российских финансовых отношений имеет не только научную, но и большую практическую значимость, побуждая искать и находить новые точки пересечения взаимных интересов, поскольку, начиная с середины 16 века и до сегодняшнего дня, каждая из двух стран занимала и занимает чрезвычайно важное место во внешнеполитическом курсе партнера.

В наши дни Великобритания и Россия вышли на качественно новый уровень отношений. Они активно сотрудничают в культурном и экономическом плане. Полученный исторический опыт начала XX в. должен способствовать эволюционному развитию отношений между Великобританией и Россией в дальнейшем.

Хронологические рамки исследования охватывают законченный временной период с июня 1914 г. по октябрь 1917 г. Выбор периодизации обусловлен двумя важными событиями в истории стран: началом финансовой мобилизации в Англии и России в июне 1914 г. и падением Временного правительства в России в октябре 1917 г. 1914-1917 годы - время активного взаимодействия английского и российского финансовых ведомств.

Объектом исследования диссертации являются англо-российские отношения как часть международной политики в годы Первой мировой войны.

Предметом исследования диссертационной работы служат проблемы финансов в англо-российских отношениях в годы Первой мировой войны, финансовая политика правительств Англии и России в указанный период.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы проанализировать англо-российские финансовые отношения в период Первой мировой войны через призму военных, экономических и политических изменений в положении стран.

Реализация поставленной цели обуславливает необходимость решения следующих исследовательских задач:

- проанализировать военно-политическую и экономическую ситуацию в Англии и России накануне Первой мировой войны;
- выявить механизм влияния Первой мировой войны и международной обстановки на развитие англо-российских финансовых отношений;
- проследить, каким образом осуществлялись англо-российские финансовые отношения в указанный период;
- определить степень влияния внутривнутриполитической обстановки в России на динамику англо-российских финансовых отношений;
- вскрыть реакцию правящих кругов Великобритании на события февраля 1917 г. в России.

Проблема англо-российских финансовых отношений находится на междисциплинарном пересечении. При ее изучении затрагиваются вопросы зарубежной и отечественной истории. В связи с этим методологическую основу настоящего исследования составили принципы историзма и научной объективности, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, показ явлений в их развитии и контексте исторической обстановки. В процессе исследования были применены: историко-сравнительный метод, позволяющий рассмотреть процессы, происходившие в финансовой жизни России в связи с событиями Первой мировой войны; историко-генетический метод, способствующий выявлению личностных факторов, влиявших на двухсторонние финансовые отношения; проблемно-хронологический

метод, помогающий выстроить точную последовательность событий указанного периода.

Важно отметить, что научно-историческая литература, исследующая международные отношения периода Первой мировой войны, и отечественная, и зарубежная, огромна и разнообразна, она насчитывает тысячи публикаций. Тем не менее, проблематика финансового партнерства Великобритании и России этого периода изучена не в полной мере.

Представляется целесообразным разделить отечественную историографию данной проблемы на три основных этапа: военный, послевоенный (советский) и новейший (российский).

К военному этапу относится историография 1917-1918 годов. В это время появляются первые работы по истории финансов России периода Первой мировой войны.

В 1917 г. в свет выходит сборник статей «Военные займы»¹, где нашли свое отражение различные точки зрения российских экономистов (В. Идельсон, И. Кулишер, М. И. Фридман и др.) по проблеме кредитной политики Российской империи в предвоенный период. В частности, В. Идельсон³ за-

6

тронул вопрос о влиянии государственного долга Великобритании на международную финансовую систему. Он полагал, что финансовые системы различных стран подвержены одним и тем же трансформациям, и это во многом определяет их финансовое будущее.

Экономист М.И. Фридман⁴ провел исследование на тему роли займов в финансировании военных конфликтов. Ему удалось выделить несколько аспектов, которые влияют на успешную кредитную политику государств, втянутых в ту или иную военную кампанию.

Особое место среди работ рассматриваемого периода занимают монографии видного финансиста своего времени И.А. Михайлова⁵, прежде всего, его труд «Государственные доходы и расходы России во время войны». В этой работе представлен богатый фактический и статистический материал по финансовой политике царского и Временного правительств в годы Первой мировой войны.

И.А. Михайловым проведено тщательное поэтапное и погодное исследование исчисления государственных доходов и расходов в зависимости от изменения финансового курса государства, с соответствующими выкладками и итоговыми заключениями. Работы И.А. Михайлова позволяют исследователю определить место финансовых «изысканий» царского и Временного правительств в сложной и противоречивой действительности периода Первой мировой войны, проводя точную параллель между результатами финансовой политики России и проблемой покрытия расходов военного времени.

Российскими исследователями З.С. Каценеленбаумом и А.К. Пигу⁶ сделана попытка переосмыслить проблему влияния войны на финансово-экономическое положение России.

В послевоенном этапе историографии можно выделить два периода рассмотрения проблемы. Первый период приходится на 20-30-е гг. XX века. В это время появляются работы, посвященные изучению материала по истории российских финансов в предвоенный и военный периоды, а также работы в контексте Первой мировой войны. Исследования по данной проблеме проходили как в Советской России, так и за ее пределами, российскими гражданами - эмигрантами, в основном экономистами.

В 1920-1930-е гг. англо-российские отношения нашли отражение в исследовательских работах, посвященных Первой мировой войне. Для советской историографии 20-30-х годов XX века характерно, в целом, крайне враждебное отношение к царизму и его внешнеполитической деятельности. М.Н. Покровский⁷ считал, что в основе всех противоречий между странами Антанты и Германией лежали имперские стремления к территориальным завоеваниям, и Россия принимала в этом процессе самое активное участие. Историк А.М. Зайончковский⁸ придерживался схожей точки зрения, и ему не удалось обойтись без упреков в адрес царского правительства. При этом он первым достаточно широко стал использовать материалы царского МИДа, но в тот период российская дипломатическая документация была изучена еще весьма поверхностно. Несколько особняком по отношению к ним стоит Е.В. Тарле⁹, который более

объективно рассматривал роль России в международных отношениях в годы Первой мировой войны.

Исследователи этого периода не оставили без внимания и финансовую сторону конфликта, посвятив ей ряд статистических работ¹⁰.

Работы П.В. Оля и Ю.В. Готье¹¹ особенно актуальны при рассмотрении вопросов привлечения иностранного капитала в экономику России, в том числе английского капитала.

Проблемы союзного сотрудничества в деле военно-технического снаб-

12

жения русской армии затронуты в трудах Н. Козлова и А.А. Маниковского .

Одной из центральных тем русской эмиграции в исследовании англо-российских финансовых отношений стал вопрос межсоюзнических долгов в послевоенный период. Экономист А.Н. Зак¹³ провел исследование о государственных финансах за военные и предвоенные годы и попытался дать полноценное заключение по факту государственного долга России в целом за указанный период. Исследователь Ю.А. Павловский¹⁴ в своей статье «Русский государственный долг» приводит подробный расчет военного долга России перед Англией.

Значительный вклад в разработку данной проблематики внесла работа бывшего российского финансового атташе во Франции П.Н. Апостола¹⁵. В исследовании, помимо многочисленных финансовых выкладок по военной и внешней задолженности России, особое внимание уделено проблеме «русского золота». В исторической литературе изучение внешнего долга России остается одной из самых сложных и противоречивых тем по сей день.

Таким образом, в период между двумя мировыми войнами англороссийские отношения не выдвигались как отдельная проблема. Советские авторы и представители эмиграции рассматривали лишь их отдельные аспекты, таковыми были финансовая политика России в период Первой мировой войны и проблема «межсоюзнического долга». Во многом это можно объяснить тем, что советские историки межвоенного периода испытывали недостаток документального материала (архивы в то время были закрыты), поэтому они были вынуждены восполнять пробелы свидетельствами очевидцев или откровенными домыслами.

Это не способствовало объективному пониманию ситуации периода Первой мировой войны.

Следующий период всестороннего изучения англо-российских отношений начался сразу после окончания Второй мировой войны. Мы можем констатировать, что в это время значительно расширилась документальная база и проблематика исследований.

В 50-70-е гг. одним из основополагающих вопросов изучения являлись англо-российские финансовые отношения в годы Первой мировой войны сквозь призму финансовой политики России.

На 60-е годы приходится пик отечественной исторической мысли в деле англо-российских финансовых отношений. Историки А.П. Погребинский и А.Л. Сидоров¹⁶ провели анализ финансовой политики царского правительства и восстановили точную хронологию развития двухсторонних финансовых отношений. По мнению авторов, именно Англия сделала все возможное для

9

финансового закабаления России и способствовала развалу Российской империи. Несмотря на ярко выраженную тенденциозность этих исследований, они содержат, безусловно, важную информацию по обозначенной проблеме. Прежде всего, это касается трудов А.Л. Сидорова¹⁷, которому удалось осветить период Первой мировой войны разносторонне.

Важные вопросы межсоюзнического финансового взаимодействия (организация регулирования кредитных операций, общие тенденции финансового сотрудничества двух стран) нашли свое отражение в работах советских экономистов Б.Б. Ривкина и В.П. Дьяченко¹⁸.

Для создания общей атмосферы происходившего в России и мировом сообществе в период Первой мировой войны показательны обзорные работы М.Э. Айрапетяна, П.Ф. Кабанова и др.¹⁹

Значительное количество работ в советской исторической науке посвящено политике Временного правительства как отдельной проблеме англороссийских финансовых отношений. Историки В.С. Васюков, А.Е. Иоффе, Н.Л. Рубинштейн²⁰ по преимуществу рассматривали взаимоотношения России и ее союзников в

предреволюционный период. Они подробно изучили основные аспекты политики России накануне и после крушения самодержавия, а также осветили позицию правящих кругов стран Антанты и Четверного Союза к Февральской революции.

Непосредственно проблемой финансовой деятельности Временного правительства занимался П.В. Волобуев. Он провел глубокий анализ экономической политики Временного правительства в деле государственных финансов и пришел к выводу, что бездарная финансовая деятельность Временного правительства не лучшим образом сказалась на англо-российских финансовых отношениях и привела к полному экономическому хаосу внутри страны.

В то же время у России появилась возможность упрочить свои финансовые контакты с правительством Соединенных Штатов. В работе Р.Ш. Ганелина ^{уу} подробнейшим образом изложена предыстория этих отношений. По мнению автора, американо-российские финансовые отношения имели прямое

10

отношение к англо-российским, поскольку в годы Первой мировой войны эти страны находились в непосредственном финансовом контакте.

В 60-е годы перед историками возникла необходимость выделить основные этапы и обосновать критерии периодизации англо-российских финансовых отношений в годы Первой мировой войны, для чего было важно охарактеризовать каждый период в отдельности. В этом направлении работал крупнейший специалист по внешней политике России начала XX века А.В. Игнатьев²³. Историк пришел к выводу, что реальное осуществление англороссийских финансовых отношений началось после подписания соглашения 1907 года и продолжалось вплоть до октября 1917 г. Здесь четко определились два периода: довоенный (1907 - 1914 гг.) и период Первой мировой войны (1914 - октябрь 1917 гг.). Проблемой англо-российского соглашения 1907 г., ставшего поворотным в отношениях двух стран, занимались А.Ф. Остальцева и Н.П. Погодаев²⁴.

Историки А.И. Звавич и П.А. Николаев²⁵ акцентировали внимание на англо-российских финансовых контактах периода 1909-1916 гг.

Таким образом, в 1950-е гг., и особенно 1960-е гг., появилась возможность, благодаря частым публикациям документов в СССР и открытому доступу в архивы, внести новые положения в изучение проблемы.

Радикальные изменения в социально-политической и экономической жизни страны на рубеже 80-90-х гг. обусловили заметные сдвиги в исследованиях российских ученых и привели к активному росту интереса к прошлому российских финансов. Историки приступили как к пересмотру уже известных проблем англо-российских отношений, так и к разработке новой проблематики.

В 1990-е годы историки попытались переосмыслить некоторые аспекты проблемы англо-российских финансовых отношений. Стали появляться работы, проливающие свет на ранее неизвестные или не до конца изученные события. Среди таких работ можно выделить монографию И.В. Алексеевой
л/
«Агония Сердечного Соглашения». Цель своей работы она видела в определе-

11

нии истоков англо-российского сотрудничества, что является немаловажным фактом для понимания сути финансовых проблем изучаемого периода.

Несомненный вклад в изучение данной проблемы внес исследователь С.Г. Беляев²⁷, сконцентрировавший свое внимание на переговорах российского и английского министров финансов на союзных конференциях 1915-1916 гг., где был обозначен важный рубеж в англо-российских финансовых отношениях.

Е.В. Рудая²⁸ затронула вопрос о союзнической солидарности Англии и России, и ее роли в отношениях двух стран. Образ «союзника» - «врага» в представлении друг о друге английского и русского народов в период Первой мировой войны является одной из новых и актуальных тем современности.

В свете основных событий важное место занимают работы, посвященные Первой мировой войне. Монография видного историка, профессора А.И. Уткина²⁹, являющегося ведущим специалистом в области международных отношений, это совершенно новый взгляд на уже знакомые события периода Первой мировой войны.

В последние десятилетия рассмотрение англо-российских финансовых отношений происходит посредством изучения отдельных аспектов финансовой

жизни Англии и России³⁰ в контексте Первой мировой войны. На примере двух стран важно проследить эволюцию финансовых преобразований государств.

Таким образом, отечественная историография внесла значительный вклад в изучение проблем англо-российских финансовых отношений. Но их исследование в период Первой мировой войны продолжает оставаться недостаточным.

В западноевропейской историографии первые шаги анализа англороссийских отношений были сделаны в 20-е гг. XX века. Проблема отношений Англии и России не была выделена в отдельную тему, а находилась на пересечении с изучением истории Первой мировой войны.

Апологетическая линия в английской историографии была начата воспоминаниями самих участников событий - Г. Асквита и Д. Ллойд Джорджа³¹. Особняком здесь стоит работа английского министра финансов, а затем и премьер-министра - Д. Ллойд Джорджа. Это сборник речей Д. Ллойд Джорджа, с которыми он выступал в Английском парламенте в годы Первой мировой войны. Большая часть его выступлений посвящена финансовой политике Англии в военные годы.

В работах английских исследователей Г. Холла, Г. Гарта и У. Петона³², посвященных проблемам внешнеполитической деятельности Британии в годы Первой мировой войны, можно встретить косвенные ссылки, указывающие на перспективность в развитии англо-российских отношений этого периода. В исследованиях Н.Б. Дирла³³ и Г. Фейса³⁴ содержится ценная информация об экономическом положении Великобритании в годы войны. Работы экономиста Г. Фиска посвящены проблеме межсоюзнических долгов за военные и послевоенные годы³⁵.

Во второй половине XX века, начиная с 1960-х гг., английская историческая наука проявляет большую заинтересованность проблемой англороссийского сотрудничества. В данный период тематика работ, посвященных Первой мировой войне, значительно расширяется. Немалая заслуга в том принадлежала исследователям Г. Сетону - Уотсону, С. Дж. Смиту, И. Леде- реру, М.С. Миллеру и др. В своих трудах они попытались дать объективную оценку политическому и экономическому развитию Российской Империи в предвоенные и военные годы.

Непосредственно изучением закономерностей англо-российского сотрудничества занимались известные английские историки Д. Ливен и У. Уильямс³⁸. У. Блэквел³⁹, для того, чтобы лучше понять природу этих отношений, совершил исторический экскурс. В ходе исследования он пришел к выводу, что эти отношения кардинальным образом менялись на протяжении столетий, переходя из враждебных в дружеские. Но одно оставалось неизменным, а именно - традиционность англо-российских торговых связей.

Проблема эволюции англо-российских отношений находилась на пересечении с проблемой определения целей Великобритании в войне. Ее постановка выявляла корни сближения между странами. Исследователь П. Кеннеди⁴⁰ придерживался концепции военно-экономического сближения Англии и России на фоне взаимной заинтересованности. С. Поллард⁴¹ сделал свой акцент на восточноевропейской политике Англии. По его мнению, английская политика определялась стремлением заручиться военной поддержкой своей союзницы - России взамен финансовой помощи.

Следует отдельно рассмотреть подходы в оценке событий Первой мировой войны в истории Англии среди английских ученых. Английские историки Н. Стоун и А. Тейлор⁴² справедливо заметили, что эта военная кампания оставила неизгладимый отпечаток в исторической летописи Великобритании.

Отдельную группу исследований по проблеме англо-российских отношений составляют работы определенной тематической направленности. В трудах Р. Пайпса, Б. Переса, Р. Уота⁴³ в центре внимания стоят русские революции 1917 г. и их влияние на международные отношения. Каждый из авторов обратился к событиям Февральской революции как ключевому моменту политической жизни России, поскольку именно это событие поставило под угрозу союзнические обязательства Англии и России.

Всплеск интереса зарубежных историков к проблеме международных отношений Англии и ее союзниц по коалиции в годы Первой мировой войны относится к началу 1990-х годов, т. е. ко времени окончания «холодной войны». Появляются работы⁴⁴, посвященные финансовой и внешнеполитической деятельности Англии в указанный период, что вполне закономерно. Работ,

написанных непосредственно по теме англо-российских отношений, по-прежнему мало. Среди последних можно выделить монографию Д. МакДональда⁴⁵.

Итак, английская историография занимает особое место в диссертационном исследовании. Английские исследователи часто рассматривали отношения Великобритании и России в контексте международной политики. Не-

14

которые из них провели широкий анализ внутривнутриполитической жизни России и российских революций 1917 г., затронув при этом отдельные аспекты англо-российских отношений, в том числе и финансового плана. При этом некоторые стороны взаимоотношений Англии и России, в частности проблемы англо-российского финансового сотрудничества, так и остаются до конца неизученными.

В контексте обозначенной проблемы бесспорный интерес вызывают работы французских политиков - исследователей⁴⁶, посвященные Первой мировой войне и ее последствиям. В рамках диссертационного исследования работы этого направления интересны тем, что в них были затронуты англо-российские финансы. Довольно объективно объясняется характер и основные направления финансовой политики Великобритании и Франции в отношении Российской империи в монографии французского экономиста Л. Пети⁴⁷. Основу исследования автора составляют источники французского министерства финансов.

Из историографического обзора можно сделать вывод, что в отечественной и зарубежной научной исторической литературе уделялось внимание проблеме становления англо-российских отношений как одной из составляющих процесса формирования международных отношений. В настоящее время, несмотря на возрастающий интерес к событиям истории периода Первой мировой войны, работ специального характера, посвященных англо-российским финансовым отношениям периода Первой мировой войны, написанных с современных позиций, пока не опубликовано.

Источниковая база исследования весьма разнообразна. Для решения поставленных в работе цели и задач нами был привлечен широкий круг источников: документы и материалы официального делопроизводства, опубликованные в

сборниках, либо хранящиеся в архивах, периодическая печать того времени, а также многочисленные мемуары, воспоминания и эпистолярные источники.

Основополагающими при работе над темой являлись официальные источники: стенографические отчеты заседаний законодательных органов России и Англии, опубликованные документы по международным отношениям из архивов царского и Временного правительств⁴⁸.

Для исследования финансовых проблем в англо-российских отношениях в годы Первой мировой войны большое значение имеют материалы официального делопроизводства, хранящиеся в российских архивах. В диссертационном исследовании были использованы материалы Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (АВП РИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Для исследования англо-российских финансовых отношений в период Первой мировой войны (июнь 1914 г. - октябрь 1917 г.) наибольший интерес представляют фонды АВП РИ.

АВП РИ является базовым хранилищем по истории отношений Англии и Российской Империи. В диссертационном исследовании были широко использованы материалы фондов: «II Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.» (Ф. 126), «Экономический Департамент» (Ф. 158). Материалы указанных фондов содержат сведения о финансовых мероприятиях стран Антанты, об экономических предложениях со стороны союзников. Основными видами источника выступают: официальная переписка полномочных представителей российского финансового департамента за рубежом с министерством финансов, с российскими политическими деятелями; письма, доклады министра финансов П.Л. Барка. В фондах «Дипломатическая Канцелярия при Ставке» (Ф. 323) и «Секретный архив министерства» (Ф. 138) преимущественно представлены такие виды источников, как секретные телеграммы дипломатических представителей за рубежом, агентурные сведения российских поверенных в делах за границей.

В фондах ГАРФ содержатся документы самого широкого плана, что способствует всестороннему изучению англо-российских финансовых отношений в период правления Временного правительства. Фонды «Канцелярия

Временного правительства» (Ф. 1779) и «Канцелярия министра-председателя Временного правительства» (Ф. 1778) составляют официальные источники. Это стенограммы заседаний Временного правительства, докладные записки, письма и заявления частных лиц, которые являются ценным дополнением, раскрывающим англо-российские отношения. Официальные документы, такие как проекты финансовых постановлений, протоколы совещаний по экономическим вопросам, проекты англо-российских финансовых соглашений, хранятся в фонде «Министерство финансов Временного правительства» (Ф. 6996). Немаловажное значение имели материалы из фонда «Николай II» (Ф. 601). Документы личного фонда разделены на несколько разделов по видовому и тематическому признакам. Четвертый раздел охватывает большую группу документов, относящихся к политической и государственной деятельности Николая II и его правительства. Седьмой раздел состоит из материалов, непосредственно относящихся к периоду Первой мировой войны.

В диссертационном исследовании были широко использованы опубликованные источники, которые содержатся в тематических английских и российских сборниках документов⁴⁹, раскрывающие экономические отношения между странами в годы Первой мировой войны. В них представлены официальные государственные документы министерств финансов Англии и России. Их достоверность не подвергается сомнению.

Важной группой источников, в которой вопросы финансового сотрудничества союзников получили частичное отражение, является мемуарная литература. В первую очередь следует отметить воспоминания российского императора Николая II и переписку царской семьи⁵⁰. Вторую значительную группу составляют мемуары политических деятелей Англии и России (Д. Ллойд Джордж, Г. Асквит, П.Л. Барк, А.П. Извольский, А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков и др.)⁵¹. Их принадлежность к различным политическим партиям всесторонне раскрывает политическую обстановку в странах и ее влияние на англо-российские отношения. Отдельная своеобразная группа источников представлена воспоминаниями дипломатов стран Антанты (Лорд Ф.

Берти, Дж. Бьюкенен, М. Палеолог, Д. Френсис)⁵². Данной группе свойственен ряд особенностей. Это воспоминания иностранцев. Круг их общения в стране пребывания был крайне ограничен. Поэтому, подчас, авторы не всегда угадывали ее скрытую внутреннюю суть. К четвертой группе источников относятся воспоминания российских военных (А.А. Брусилов, Ю.Н. Данилов, В.Б. Станкевич и др.)⁵³. Их центральной проблематикой являлась Первая мировая война. После ее окончания они посвятили себя анализу причин удач и поражений в войне. Важную группу источников составляют воспоминания, дневники лиц из окружения царской семьи, деятелей культуры и науки, публицистов и рядовых граждан⁵⁴. Они содержат богатый фактологический материал и способствуют детальному восстановлению картины событий.

Широкое применение в диссертационном исследовании получили материалы периодической печати. В центральной периодической печати Великобритании и России военной поры нашли свое отражение события Первой мировой войны, дискутировались проблемы, связанные с финансовыми потоками этого периода среди союзников России. В ходе работы над исследованием в той или иной степени были использованы материалы 14-ти российских и зарубежных периодических изданий⁵⁵.

Научная новизна проведенного диссертационного исследования заключается в том, что впервые на основе обширного комплекса источников была осуществлена попытка проследить трансформацию англо-российских финансовых отношений в годы Первой мировой войны. В силу этого были изучены обстоятельства, способствовавшие и препятствовавшие осуществлению англо-российских финансовых отношений в период политических преобразований в России. Во-первых, автор попытался переосмыслить некоторые устоявшиеся взгляды отечественной историографии по проблеме англо-российских финансовых отношений с июня 1914 г. по октябрь 1917 г. Использование современных концепций в русле новой политической истории позволило по-новому взглянуть на роль финансов в процессе установления политических отношений между странами и в системе международных от-

ношений в целом. Во-вторых, в ходе исследования были подвергнуты анализу не использованные ранее отечественными учеными архивные материалы и труды зарубежных исследователей.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее материалов, результатов и выводов в процессе изучения международных отношений периода Первой мировой войны, в котором далеко не все точки расставлены. Полученный материал является своеобразным приращением информации в области англо-российских отношений и может быть привлечен для дальнейших исследований по зарубежной и российской истории, истории международных отношений, при проведении лекционных и практических занятий как исторического, так и экономического плана. Материалы исследования могут быть использованы государственными учреждениями в определении истоков проблематики международных финансовых отношений.

Глава I. Английский капитал в России накануне и в начале Первой мировой войны

§1. Военно-экономическое сближение Англии и России в предвоенные годы

Великобритания и Россия принадлежали к числу крупнейших мировых держав, игравших ведущую роль в международных отношениях того времени.

В предвоенные годы столетнее англо-российское соперничество постепенно начинает терять свое былое значение. Заканчивается почти вековой период неприязни и антипатии официального Лондона в отношении России. Правящие круги Великобритании не исключали возможность рассмотрения в будущем Российской империи в качестве надежного экономического партнера и потенциального союзника. Появилась зыбкая уверенность в результативности европейского прогресса крупнейшей континентальной страны.

Огромная территория России, ее постоянно растущее население, скрытый экономический потенциал и всеми признаваемая военная мощь позволяли ей свободно балансировать в когорте великих мировых держав. Но ее могущество не имело под собой достаточно прочного фундамента в силу специфики внутреннего развития и отсталости в индустриальном становлении. Российская

государственность, взращенная на ниве западного капитала, постоянно находилась в поиске правильного пути своего развития.

В свою очередь Великобритания к началу XX века, завладев четвертью мировой суши, достигает пика своего всевластия. Верность вековым традициям и непоколебимость решений в вопросах внешней политики превращают ее в «хранителя мирового статус-кво»¹. По темпам экономического развития Британия занимает первые строчки в мировом экономическом рейтинге, оставаясь наиболее мощной промышленной державой, господствующей на мировых рынках, морских торговых коммуникациях и в сфере колониального соперничества.

Ситуация стремительно меняется с приходом в «большой европейский бизнес» стран «молодого капитализма». Позднее завершившие промышленный переворот и создавшие индустриальную инфраструктуру на основе новейших технико-технологических разработок, они были абсолютно готовы бросить вызов мировому лидерству Британии, причем не только в экономике. В этой связи первостепенной задачей имперского Лондона становится предотвращение всевозможных перемен в мировом сообществе. В это же время военно-морская программа Германии становится реальной угрозой нацио-

л

нальной безопасности Англии. Англия, привыкшая чувствовать себя достаточно уверенно на мировой арене, начинает всерьез опасаться за свое благополучие. Неизбежность военного столкновения с Германией заставляет ее пересмотреть некоторые аспекты своей внешнеполитической доктрины.

Английское правительство перестало испытывать какие-либо симпатии к Германии задолго до того, как последняя решила укрепить свою военную мощь. В течение целого тридцатилетия ее мировые интересы повсюду сталкивались с интересами Германии: на Дальнем Востоке, в Персидском заливе, в сфере торговли, военного кораблестроения, железнодорожного строительства, особенно в вопросе о великом Багдадском рельсовом пути. Повсюду, без сомнения, могущественная Англия наталкивалась на быстрорастущее сопротивление какой-то «выскочки» - Германии. «Владычица морей» потерпела фиаско и на «бездонном» российском экономическом рынке, где Германия по многим

показателям опережала ее. Дело оставалось за малым, завладеть мировой гегемонией, что нанесло бы самый последний удар по британскому могуществу. Англия, под напором Германии, предпринимает стратегические шаги по укреплению обороны страны.

Английское правительство, обеспокоенное темпами развития военно-морского флота Германии, в корне пересматривает свою «морскую программу». В Англии закладывают несколько броненосцев нового поколения (дредноутов)³. Появление дредноутов существенно меняет военно-морской паритет. Отныне морское превосходство все в большей степени зависит от спо-

21

собности ведущих мировых держав наращивать гонку вооружений и использовать для нее всю мощь национальной индустрии.

Положение Британии при этой фатально складывающейся стратегической ситуации становится чрезвычайно затруднительным.

Военно-морской флот Великобритании, крупнейший во всем мире, являлся главным козырем ее мировой дипломатии. Только с его помощью она могла сохранить свою неприкосновенность и мировое лидерство. По словам У. Черчилля, «на британских военных кораблях плавают мощь, величие и сила Британской империи»⁴. Для того, чтобы все это сохранить, Англии мало было быть «владычицей морей», ей был нужен надежный союзник с сильной сухопутной армией.

Во многом из-за обострения отношений с Германией английская дипломатия решила пересмотреть политико-экономический курс в отношении России. Борьба против Германии неизбежно сближала ее с Россией, между тем, последняя, в течение всего XIX века, была ее опаснейшим врагом на Ближнем и Среднем Востоке. Военное сотрудничество с Россией означало для Англии в значительной степени капитуляцию перед ее захватнической программой на Востоке.

В Лондоне стали приходиться к выводу, что только с помощью «континентального колосса»⁵, в лице России, Британия способна противостоять военной мощи Германии. Премьер-министр Г. Асквит, а затем и Д. Ллойд Джордж, министры иностранных дел Э. Грей и А. Бальфур пришли к мнению о

необходимости поддержания России в качестве противовеса Германии. Военный министр Британии лорд Китченер давал России, как стратегическому фактору, очень высокую оценку. Чрезвычайно высокого мнения о военном потенциале России был начальник генерального штаба сэр У. Робертсон. Первый лорд адмиралтейства У. Черчилль в августе 1914 г. писал, что «Россия непобедима». Англия, решившись воспользоваться военным потенциалом России, безусловно, следовала своей традиционной политике противостояния любой континентальной державе, претендующей на континенталь-

22

ную гегемонию. В сложившейся ситуации мы вряд ли можем рассматривать Россию лишь в качестве «потенциальной жертвы», отданной на растерзание тевтонцам «английскими империалистами». Возможно, в какой-то степени англичане пытались воспользоваться слабостью и неуверенностью России после недавнего поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. и склонить ее к невыгодному на первый взгляд военному сотрудничеству. С другой стороны - России самой было выгодно наладить добрососедские отношения с Англией. Нет никакого сомнения и в том, что их отношения складывались скорее как деловые, нежели дружеские. Англия, реально опасавшаяся возрастающего германского всемогущества, нуждалась в «военной мощи России». Россия, находившаяся после неудачной военной кампании в затруднительном финансовом положении - в «финансовой помощи Великобритании». Они старались использовать возможности друг друга на благо собственного отечества. Одно, несомненно - их военно-политическое сближение напрямую было связано с установлением прочных экономических связей между двумя державами.

Взаимная заинтересованность царской России и Англии в развитии экономических отношений вовсе не означала, разумеется, что между ними практически не осталось противоречий, просто наступило такое время, когда «совпадение экономических интересов России и Англии послужило одной из причин их политического сближения»⁶.

31 августа 1907 г. состоялось знаменательное событие, ставшее поворотным пунктом в отношениях двух стран. В этот день, уполномоченный английского

правительства в России А. Никольсон и министр иностранных дел России А.П. Извольский, подписали в российском министерстве иностранных дел двустороннюю «Конвенцию по делам Персии, Афганистана и Тибета». То не была фиксация официального союза, но она стала оплотом установления долгосрочных военно-экономических связей в ближайшем будущем между двумя странами. Ставший знаковым для Англии и России договор 1907 года в определенной степени снял напряженность в восточном

23

вопросе. Согласно новому договору гарантировалась территориальная неприкосновенность Тибета и Афганистана. «Камень преткновения» последнего столетия в отношениях двух стран - Персия делилась на зоны влияния Англии и России, оставляя между ними нейтральную зону. Отныне Персия представляла собой государство, состоящее из трех зон - северной, срединной и южной. В первой доминировала Россия, в третьей - Британия, срединная оставалась буферной. Каждая из двух держав получала право проявлять в своей зоне экономическую и политическую инициативу. Правда, не все инициативы встречали одобрительные отклики заинтересованных сторон. Россия использовала новую расстановку сил для того, чтобы проявить в Северной Персии свою политическую инициативу. В какой-то степени, воспользовавшись смутным положением Персии, только пережившей революцию и контрреволюцию, Россия оккупировала войсками почти всю Северную Персию и начала понемногу превращать ее в русскую провинцию. Не ограничиваясь этим, она всячески усиливала свое политико-экономическое влияние в нейтральной зоне, открыто угрожая интересам Англии. Последняя не могла, конечно, оставаться равнодушной к этой тактике царского правительства. Прямым свидетельством тому, до какого обострения доходили отношения между дружественными державами являются факты, изложенные полномочным послом Британии в России и большим специалистом в восточном вопросе Дж. Бьюкененом в своих воспоминаниях⁸. Англо-русские отношения этого периода неоднократно проверялись на прочность. Начиная с 1907 года и вплоть до 1914 года, англо-русским отношениям неоднократно угрожало «крушение». Дипломатии приходилось все

время сглаживать «трения» и взаимное «недопонимание». Накануне войны в 1914 г. Дж. Бьюкенен заявил российскому императору Николаю II, что «британское правительство не может сохранить англо-российское соглашение 1907 года, и, что, к огромному сожалению, симпатии либералов и консерваторов одинаково утеряны благодаря событиям в Северной Персии»⁹.

Российское правительство, впрочем, старалось настоять на своем, не учитывая возможные последствия от реализации своих планов по разделу нейтральной полосы. Но именно этого и опасалась Англия. Ведь после уничтожения нейтральной полосы ее владения в Средней Азии впервые соприкасались с русской территорией, а это вновь вызывало опасение «русского похода в Индию», превращая его из химеры во вполне реальную возможность. Именно поэтому, в ответ на выгодное предложение российского правительства, англичане упорно твердили о своем намерении сохранить целостность и независимость Персии. Этот конкретный пример лучше всяких рассуждений объясняет чрезмерно затруднительное международное положение Англии. Надвигающаяся мировая война неминуемо ниспровергала ту систему «неустойчивого равновесия», которую она с таким трудом поддерживала на Ближнем и Среднем Востоке. Боязнь предоставления неминуемых компенсаций России в проливах и Персии, заставляла ее стремиться к сохранению мира, не к разрешению, а к отсрочке надвигающегося мирового конфликта. Пацифизм Англии носил, таким образом, вынужденный характер. Лишь боязнь слишком дорого заплатить за «братство на войне» удерживала Англию от войны с Германией. Хотя многие ее политические деятели, в том числе и сам Дж. Бьюкенен, соглашались, что «нейтралитет означал для нее - самоубийство» и «потерю всех друзей».

Возвращаясь к истории зарождения «новых англо-российских отношений», можно отметить, что Англии и России, не взирая на колоссальное количество «подводных камней», все же удалось решить восточную проблему. Благодаря англо-российской конвенции 1907 г. было достигнуто взаимопонимание по одному из самых спорных вопросов в отношениях двух стран. Насколько известно, в основе тех антагонистических противоречий в отношениях между Англией и

Россией лежала, прежде всего, борьба за раздел сфер влияния в Азии, где обе державы имели колонии и распространяли влияние на ряд зависимых стран. Отсюда предпосылкой предполагаемого союза Англии с Россией должно было стать временное смягчение их противоречий в Азии. Теперь этот вопрос был в некоторой степени решен.

После подписания конвенции Россия наравне с Великобританией и Францией становится полноправным членом военно-политической коалиции - Тройственного Соглашения (Антанты), возникшей в 1904 г. в результате заключения англо-французского соглашения о решении всех спорных вопросов в области колониальных владений и сфер влияния. Вступая в коалицию, Россия подписала аналогичное соглашение с Англией в августе 1907 года.

Окончательная договоренность по военно-политическим вопросам между Англией и Россией была достигнута в июне 1908 г., когда английская королевская яхта «Виктория и Альберт» бросила свой якорь на рейде Ревеля (Таллин) рядом с яхтой императора Николая II «Стандарт»¹⁰. Здесь в живописном месте прибалтийского взморья политические лидеры двух стран - Николай II и Эдуард VII - впервые обменялись мнениями о предстоящей совместной войне с Германией. Встреча носила частный характер и не предполагала подписания каких-либо официальных документов. Оба монарха прибыли в Ревель в сопровождении высокопоставленных советников, что подтверждает особую значимость этой встречи. С российской стороны в переговорах участвовали: председатель Совета министров П.А. Столыпин и министр иностранных дел А.П. Извольский. Английская сторона была представлена постоянным заместителем министра иностранных дел Британии - Ч. Гардингом и видными военными деятелями - первым морским лордом адмиралом Фишером и командующим экспедиционной армией на случай войны с Германией генералом Френчем.

Кроме «германской», в Ревеле был затронут еще ряд первостепенных проблем. С большой осторожностью обсуждалась балканская проблема, положение в Персии и некоторые другие вопросы. Стороны в основном договаривались о проектах реформ в Македонии, добившись предоставления ей ав-

тономии, о железнодорожном строительстве на Балканском полуострове и о поддержке персидского правительства в борьбе против повстанцев.

Фактом остается и то, что обе стороны надеялись на заключение военной конвенции. Намек на подобное предложение можно видеть в словах Э. Грея А.П. Извольскому об абсолютной необходимости установить между Россией и Англией такие же сердечные и дружественные отношения, какие существуют между Англией и Францией¹¹. Ни для кого не было неожиданностью, что уже в то время англо-французская Антанта опиралась на секретное военное соглашение.

Так или иначе, но никакой военной конвенции между Британией и Россией в Ревеле заключено не было.

Тем не менее, представители двух стран обсудили во время встречи проблемы военного сотрудничества и достигли определенной договоренности.

Царские министры, ознакомившись с пожеланиями английских военных, пообещали обратить внимание на развитие сухопутных сил и усиление западной границы. Еще лорд Фишер указывал на беспокойство П.А. Столыпина - «его единственной заботой является германская граница, что он прилагает все усилия, чтобы сделать ее непроходимой для Германии, посылая

людей и боеприпасы и принимая стратегические меры»¹⁹. Со своей стороны англичане высказали твердое намерение поддерживать необходимое превос-

11

ходство над германским военным флотом .

В целом, несмотря на то, что англо-российская договоренность носила общий характер и не была зафиксирована в каком-либо двустороннем документе, это не лишало ее серьезного значения.

Контакт между Великобританией и Россией в деле подготовки к войне поддерживался и в дальнейшем. Правда, «свидания» монархов не стали регулярными. Крайне нервно реагировала на такие встречи Германия. После Ревеля имела место лишь одна встреча подобного рода. Она состоялась в августе 1909 г. на английской военно-морской базе в Коусе. Во время визита Николая II обсуждались итоги Боснийского кризиса и взаимоотношения двух стран с Германией и Австро-Венгрией. Э. Грей и Николай II обсудили мето-

ды немецкой дипломатии. Глава Форин офиса в присутствии премьер-министра Англии - Г. Асквита заверил А.П. Извольского, что в случае попытки Австрии продолжить экспансию на Балканах и захватить Салоники, Англия не останется в стороне.

Кроме общеполитических вопросов министры и дипломаты согласовали линию поведения в азиатских делах. Британская дипломатия затронула трудный вопрос о нежелательности пребывания контингента русских войск в Персии. Однако она сделала все, чтобы избежать в этом деле ссоры. Э. Грей фактически согласился на продолжение дислокации русских в этом регионе. Он обещал также поддержать любые требования России о гарантии ее интересов в Северной Персии. Руководители внешней политики двух стран договорились поддерживать существующий режим в Турции и статус-кво в положении острова Крит. Последние решения диктовались желанием отсрочить новую пробу сил «великих держав» на Балканах и Ближнем востоке. А.П. Извольский резюмировал переговоры словами: «Очевидно, мы находимся в полном согласии»¹⁴.

Все указывает на то, что в отношениях Великобритании и России действительно наступило долгожданное, пусть даже временное Соглашение (Entente).

Подобное слияние создало атмосферу доверия между союзниками, которая способствовала дальнейшему экономическому сближению, особенно удачному в области внешнего кредитования. С учетом того, что этому благоприятствовала политическая атмосфера, царившая в отношениях двух стран. Безусловно, Англии и России за столь короткое время удалось сделать немало в плане их военно-политического сотрудничества. Оставалось надеяться, что этот положительный опыт окажет благотворное влияние на их дальнейшее финансовое сотрудничество, в котором была заинтересована российская сторона.

Царское правительство практически постоянно нуждалось в крупных капиталовложениях и иностранных займах. Полученные за границей кредиты помогали ему развивать внутреннюю инфраструктуру и в значительной мере

готовиться к неизбежной войне с Германией. Финансовые круги России рассчитывали с помощью иностранного капитала развить конкурентоспособность России на мировом рынке.

Основным источником капитала для России с 1888 г. становится Франция, занимавшая в начале XX в. первое место по количеству капиталовложений в экономику России¹⁵.

Французские займы России и инвестиции в России достигают колоссальной суммы в 25 миллиардов золотых рублей¹⁶. Второе место было за Германией, явно доминирующей во внешней торговле России. Перехватив инициативу у Франции, к началу XX века Германия завладела почти половиной российской торговли. В 1913 г. доля Германии в импорте России соста-

17

вила 48,9%, а доля Франции только 4,6% . Общий объем торговли России с Германией накануне Первой мировой войны достиг 1,095 млрд. руб., а с

10

Францией -157 млн.

Третьим по важности экономическим партнером России была Великобритания. Английские инвестиции составляли в общей массе иностранного капитала только 15%. Как кредитор царского правительства она не только далеко отставала от Франции, но и шла позади Германии¹⁹. В плане финансовой справедливости здесь не было ничего необычного. Французский капитал достаточно долго бороздил бескрайние просторы российского рынка, вкладывая значительные суммы в его развитие. Германия, на правах давнего экономического партнера и «доброго» учителя, еще со времен Петра I, стремилась занять главенствующее место в экономике России. С Англией дела обстояли несколько сложнее. Не так давно она была политическим конкурентом, и рассчитывать на ее материальную благосклонность было бы верхом безрассудства. Но, несмотря на это, Россия была крайне заинтересована в финансовой помощи, именно со стороны английского капитала. Царское правительство всеми силами пыталось найти нового крупного кредитора и одновременно надежного торгового контрагента, с помощью которого оно

могло ослабить свою зависимость от слишком «навязчивых» деловых парт-

29

неров - Германии и Франции. Во многом такое стремление можно было объяснить тем, что, невзирая на продолжительность экономических отношений с Францией и Германией, Россия всегда находилась в положении сырьевого придатка. Пользуясь правом главного кредитора, французские банкиры давали кредиты под ростовщические проценты, а германские капиталисты сбывали продукцию по монопольным ценам, практически за бесценок скупая предметы русского вывоза. Хотя от Германии во многом и зависела модернизация страны, но ее настойчивость, с которой она стремилась занять доминирующие позиции в России, была просто пугающей. В одночасье такая огромная страна как Российская Империя, обладавшая неисчерпаемыми ресурсами, могла превратиться в экономического сателлита, гораздо более слабого политического партнера. Германское экономическое проникновение «было чем-то вроде триумфального шествия по России» .

Экономическая сверхзависимость от Германии порождала смятение и опасение за будущее государства. В результате этого в России набрало популярность движение за освобождение страны от германского экономического засилья. Стремление выйти на уровень подлинной экономической самостоятельности стало для крупного российского капитала делом чести. Но, при этом, нужно помнить, что это было лишь очередное «великорусское заблуждение». Многие представители российского капитала прекрасно понимали, что в случае отказа от «помощи Запада», российская экономика была не способна самостоятельно функционировать, особенно в условиях неизбежного назревания нового крупного европейского конфликта.

Переориентация экономической политики ослабления германского превосходства в отношениях с другими партнерами вовсе не означала выход на самостоятельный экономический уровень. Находясь в положении кредитуемого, Россия не могла претендовать на роль лидера европейского сообщества. Безусловно, она сумела бы развить свой скрытый экономический потенциал, при

условии планомерных, выверенных действий по удовлетворению внутренних потребностей²¹.

Однако в это время Россия нуждалась как никогда, прежде всего, в безопасности своего существования. Гарантией ее неприкосновенности служило содержание громадной «военной машины», ложившейся на страну, с неразвитой по европейским масштабам экономикой, большим бременем, чем в любой другой европейской стране. Отсюда - непрекращающиеся поиски надежного финансового партнера, способного гарантировать финансовую стабильность России.

В глазах российских финансистов английский капитал обладал рядом преимуществ по сравнению с немецким и французским. Выпуск займов в

22

Англии обходился гораздо дешевле, чем во Франции . Английские предприниматели, устремившиеся на бескрайние просторы России в погоне за прибылью, нередко отдавали предпочтение новым, отдаленным районам, куда отечественные промышленники не рисковали идти самостоятельно, будучи неуверенными в их перспективности, а может по старой доброй привычке, надеясь на русское «авось».

Одной из самых распространенных форм английских капиталовложений в экономику России были общества финансирования одноименных российских компаний, таких как «Лена-Голдфилдз» (основной капитал - 1,154 тыс.

тыс. 1

ф. ст.) в золоторудной промышленности, «Общество Спасских медных руд» в металлургии и др. Такая «безличная» форма инвестиций устраивала русских промышленников больше, чем открытая деятельность иностранных компаний в России, особенно, когда последние являлись филиалами крупных иностранных фирм.

Англо-российская торговля в противоположность германо-российской по объёму была в 4 раза меньше, но имела устойчивый положительный баланс. Экспорт товаров в Англию, страну «свободной торговли», был выгодней, чем в другие развитые европейские страны с высокими таможенными барьерами. Наконец, «владычица морей» была, казалось, единственной страной, которая могла оспаривать гегемонию Германии во внешней торговле

России: Британия «составляла значительную часть механизма, приводящего

в действие мировую международную торговлю»²⁴. Более того, она имела возможность, будучи богатейшей страной в мире, ссужать капитал, который «с одного конца мира до другого перевозит товары... для других стран»²⁵. Набрав значительный удельный вес в русских внешнеторговых оборотах (в 1907 г. - 14,7%)²⁶, она могла выступить на мировом рынке крупным покупателем русского экспорта.

Заинтересованность России в укреплении экономических связей двух стран вряд ли можно назвать односторонней. Английские финансовые круги проявляли не меньший интерес к экономическому сближению с Россией. К началу XX века Англия, оттесненная по промышленному производству на третье место в мире молодыми капиталистическими державами - США и Германией, стремилась во чтобы-то ни стало вернуть утраченные позиции.

Главным соперником Британии на мировом рынке становится кайзеровская Германия - «экономический феномен первой четверти XX века». На стороне Германии были последние достижения в области техники и организации производства, военная мощь и государственное покровительство торговли. Германия быстрыми темпами догоняла Англию и по вывозу капитала. Английский капитализм опирался в борьбе с конкурентами, прежде всего, на огромные колониальные владения - основной источник импортирования, и монопольное обладание многими источниками сырья. Одним из важных объектов соперничества двух «европейских титанов» - Англии и Германии - становится обширный российский рынок. Для германской экономической системы монополизация российского рынка значила бы открытие новых возможностей для продвижения германского капитала на восток и стабилизацию рынка сбыта немецких товаров.

Естественно, что в условиях свободной конкуренции для Англии стало делом чести заручиться поддержкой царского правительства и русской буржуазии в расширении экономических связей с Россией.

Кроме того, Россия, равно как и колониальные владения Британии, была богата полезными ископаемыми, контроль над которыми мог подкрепить сырьевые монополии Англии.

Первым шагом на пути финансового сближения Великобритании и России стал заем мая 1906 г., открытый в Лондоне на весьма внушительную сумму в размере 11660 ф. ст. Немаловажную роль сыграло и военно-политическое соглашение 1907 г., придавшее двусторонним отношениям стран юридическую силу. Оба эти события послужили началом нового периода довольно активного участия Англии в финансовой жизни России. Еще большему укреплению союзнических отношений послужило основание в декабре 1908 г. Русско-английской торговой палаты. Она предоставляла деловым кругам Англии и России разностороннюю экономическую информацию об обеих странах и защищала интересы англо-российского сближения в печати и различных политических учреждениях.

Русско-английская торговая палата привлекла значительное число участников. В 1909 г. в нее входило 433 члена, включая 27 крупнейших промышленных организаций и 98 отдельных компаний России, а также несколько десятков членов из Англии и Британской империи. К весне 1914 г. общее число членов Палаты почти удвоилось. В состав руководящих органов палаты входили видные представители английского капитала в России (Вишау, Гартлей, Безант), а также представители российской финансовой олигархии (Авдаков, Нобель, Каменка и др.). Почетными членами палаты были царские министры В.Н. Коковцов, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов. Председатель ее В.И. Тимирязев также одно время занимал министерский пост. Палата пользовалась расположением царского правительства и получала от него субсидии. Кроме того, Палата имела собственных представителей, точнее сказать, экономических агентов в России и за границей, которые занимались посреднической деятельностью. Одновременно в Англии было создано Русское отделение Лондонской торговой палаты. Русская торговая палата напрямую

была связана с деятельностью Лондонской торговой палаты и с торговыми

палатами крупных городов России и Англии. Нужные сведения, главным образом, поступали через агентов, аккредитованных за рубежом. Для лучшей постановки информации Палата имела в своем составе шесть специализированных отделов, располагавшихся в разных европейских государствах. Представление о размерах осведомительной деятельности Палаты дает число ответов-справок на запросы ее членов, выросшее с 5861 в 1912 г. до 9748 в 1914 году.

После вступления в силу указанных соглашений, Англия стала ежегодно ссужать России значительные денежные суммы, хотя ранее, а точнее - «в период с 1854 по 1906 гг. лондонский денежный рынок практически не участвовал в размещении русских займов»²⁹. Затем, в результате обострения отношений между двумя странами и эти непрочные связи прервались.

Если доверять данным английской прессы, то только за 1906 г. - первую половину 1914 г. царская Россия сумела получить от своего партнера 473,4 млн. руб.³⁰, что составило ³1 от всей ее предвоенной задолженности Англии.

Самая значительная часть этой суммы поступила в форме займов железнодорожных обществ, затем следовали ссуды правительству и городам.

В 1908-1914 гг. на лондонском рынке было реализовано 15 займов российских городов. По сообщениям «The Times» наиболее крупными из них были 4,5% заем Москвы 1912 г. на общую сумму 3,676 млн. ф. ст. и 4,5% заем Петербурга в размере 2,156 млн. ф. ст.³¹

Насколько мы могли убедиться, необходимость английских займов для России была более чем очевидна. Государственные займы с участием Англии поддерживали царское правительство в трудные для него дни социальных потрясений и международных осложнений. Английские займы способствовали развитию городского хозяйства ряда административных центров России, таких как Киев, Николаев, Ростов, Саратов, Астрахань, Баку; градоначальники которых получили в 1909-1914 гг. в Лондоне довольно внушительную сумму в размере 1,300 млн. ф. ст.

Особенность железнодорожных займов состояла в том, что их, в основном, заключали частные общества. Однако правительство гарантировало английским

вкладчикам определенных доход с приобретенных облигаций. Удельный вес этого вида займов составил в период с 1908-1913 гг. около 48% или 18326 ф. ст.³³, занятых в Англии сумм в предвоенный период.

Железнодорожное строительство России в больших масштабах финансировали также французские капиталисты³⁴. В отличие от французских - английские средства не предназначались на проведение дорог стратегического значения. Английские займы использовались в первую очередь для строительства железных дорог промышленного направления. В 1906-1914 гг. в Англии были размещены займы обществ, строящих дороги в следующих направлениях: 1) Армавир - Туапсе; 2) Троицкую; 3) Юго-Восточную; 4) Черноморско-Кубанскую; 5) Финляндскую; 6) Кахетинскую; 7) Волго-Бугульминскую; 8) Коканд-Наманганскую; 9) Вольмарскую.

Несмотря на явную заинтересованность в прокладке железнодорожного полотна в районы промышленной экспансии английского капитала - Кавказ, Кубань, Урал, Прибалтика, по заключению одного известного российского экономиста П. Мигулина, «созданию значительной части нашей рельсовой сети мы обязаны английскому капиталу»³⁵.

На приведенных примерах видно, что российское правительство совсем не проиграло, доверившись английским финансистам. Заметим, что и английские финансисты получали неплохие проценты с взаимовыгодных сделок. Государственные займы 1906 - 1909 гг. были взяты по курсу 83,5 за 100, это означало, что российское правительство получало на руки только 83,5% номинальной суммы займов в 16,947 ф. ст.³⁶, а остальное в случае удачной реализации доставалось кредиторам.

Не случайно и то, что в финансировании России принимали участие виднейшие банки и компании Англии. Государственные займы 1906 - 1909 гг. размещал банкирский дом «Baring Brothers», глава которого Дж. Ревель-сток имел прямое отношение к правительственным кругам Англии и был даже в свое время директором «The Bank of England».

Английские банки «Glynn, Mills Currie & Co», «British Bank of Northern

Commerce» принимали самое активное участие в деятельности российских кредитных учреждений.

Посредником при реализации части железнодорожных и части городских займов России выступал «Anglo-Russian Trust». Крупными держателями его акций были представители «большой пятерки» английских банковских монополистов «Берклейз банк» и «Вестминстер банк».

«Anglo-Russian Trust» возник в 1909 г., и с первых дней открытия активно вошел в альянс банков, специализирующихся на размещении русских займов. Первоначально его уставной капитал не шел ни в какое сравнение с теми суммами, которые вращались в финансовой среде английского City. Начав с 100 тыс. ф. ст., управляющим банка удалось значительно увеличить стартовую сумму. Дело оказалось чрезвычайно прибыльным. В 1910-1912 гг. трест мог платить своим акционерам 10% дивидендов. Одновременно быстро увеличивался уставной капитал, составивший перед войной 1 млн. ф. ст. + 0,5 млн. ф. ст. облигационного капитала. Трест стал одним из крупнейших английских обществ, связанных деловыми интересами с Россией. Во главе его стоял известный биржевой деятель К. Крисп.

Соперником «Anglo-Russian Trust» в размещении железнодорожных и городских займов России выступал Русско-английский банк. Банк возник в августе 1911 года при немалом участии «Impérial and Foreign Corporation» и английской банковской фирмы «Bolton Brothers». С английской стороны учредителями банка выступали лидеры консервативной партии Британии - А. Бальфур и О. Чемберлен, а также видные финансисты Д. Боултон, П. Амори и др. По свидетельству финансовых экспертов, корпорации пользовались «колоссальным доверием финансовых кругов Лондона»³⁹.

Увеличивается приток английских инвестиций в промышленность России. В период с 1908 г. по 1911 г. Великобритания ввозит в Россию промыш-

ленного капитала больше любой другой страны, оттесняет Германию и Бельгию и становится важнейшим соперником Франции. Инвестиции в Россию начинают играть заметную роль в общем вывозе капитала из Англии.

По подсчетам английского журнала «The Economist», за 1908-1914 гг. английские инвесторы поместили в России около 13,2 млн. ф. ст. (125 млн. руб.)⁴⁰. В данном случае учитываются официальные инвестиции. Общая сумма вложений значительно больше, так как текущая статистика не охватывает скрытых форм инвестирования. Общий размер английских вложений на начало 1914 г. достиг приблизительно 400 млн. руб. в акциях и около 44 млн. руб.⁴¹ в облигациях компаний.

Большая часть английского капитала была сконцентрирована в двух основных отраслях хозяйства России - нефтяной промышленности и цветной металлургии.

Впервые английский капитал появился в нефтепромышленности России в самом конце XIX века и выступал в качестве подчиненного участника немецкой и французской группировок. Но очень скоро положение резко изменилось. В 1907 г. оформился союз крупных нефтяных компаний Голландии и Великобритании - «Royal Dutch» и «Shell». В 1914 г. с нефтяной промышленностью России было связано 108 английских компаний. Перед войной на долю английских инвесторов приходилось 136,4 млн. руб.⁴², что составило немногим более 1/3 всего акционерного капитала этой отрасли и около 43% заграничных вложений в нее.

Кроме нефти, английский капитал проявлял большой интерес к добыче цветных металлов. На 1914 г. английский капитал в горнодобывающей промышленности России составлял 80 млн. руб., из них почти 70% приходилось на цветную металлургию: медную промышленность, добычу золота и платины, серебра и свинца.

В золотопромышленности России английские предприниматели учредили более десятка компаний и обществ финансирования. Самые крупные компании («Orsk-Goldfields» и др.) преобладали в добыче золота на Урале. Из

37

обществ финансирования можно выделить «Lena-Goldfields» с основным капиталом в 1,154 млн. ф. ст.⁴³ Контроль над этой отраслью в промышленности России подкреплял преобладание Англии на мировом рынке золота.

В черной металлургии влияние английского капитала было не столь заметно. В старом Уральском районе, где оно распространялось на четыре компании,

входившие в состав синдиката «Кровля», действовало лишь одно, правда, очень крупное английское общество - «New Russian Company».

Английские капиталы можно было встретить и в текстильной промышленности России: в северо-западном и западном промышленных районах. Внимания заслуживает «Anglo-Russian Cotton Factory», владевшая половиной основного капитала Петровской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры и Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуры. В текстильной промышленности России был заинтересован ряд английских банков.

Английское предпринимательство распространялось также на сельскохозяйственное машиностроение, лесобработывающую и пищевую промышленность России.

Несмотря на запрет российского законодательства открывать иностранным предпринимателям на территории России предприятия по производству вооружения и боеприпасов, в военную промышленность России проникла значительная часть английского капитала. Британские компании, вращающиеся в той области, в первую очередь были связаны с производством в России пулеметов, артиллерии и военно-морских судов. В 1908-1914 гг. английский капитал постепенно стал играть заметную роль в военной промышленности России. Это в первую очередь относится к известной английской монополии «Виккерс».

Перед войной в частной военной промышленности страны сложились две главных монополистических группы, первая и более крупная из них, возглавляемая Русско-азиатским банком, сотрудничала с французской компанией «Шнейдер», вторая во главе с Международным банком - с английским «Виккерсом».

Сравнив данные об английских капиталовложениях в различные отрасли промышленности России, можно сделать вывод, что английские предприниматели отдавали предпочтение наиболее перспективным отраслям, которые давали Англии недостающее ей сырье и достаточную прибыль.

Одной из характерных черт продвижения английского капитала в Россию в последние предвоенные годы было внедрение его в банковскую систему страны. Английским финансистам приходилось ликвидировать недочеты прошлых лет, когда они действовали, опираясь только на финансовые учреждения Англии, и

оказались в невыгодном положении по сравнению с германскими и французскими конкурентами.

За 1911-1914 гг. в русские банки и английские банковские учреждения, созданные специально для деятельности в России, было помещено 40,8 млн. руб. Позиции английского капитала были особенно сильны в Русском Торгово-промышленном банке и Русско-английском банке.

В Русском Торгово-промышленном банке английский капитал располагал очень внушительным пакетом акций (10 млн. руб. из 35 млн. всего акционерного капитала). В 1914 г. «Anglo-Russian Trust» и группа русских финансистов учредили «Anglo-Russian Bank» с капиталом 1,2 млн. ф. ст. («British Bank of Foreign Trade»). Вскоре он приобрел 30 тыс. акций Русского Торгово-промышленного банка. Еще 10 тыс. акций попали в руки англичан в следующем году. Таким образом, у них оказалось 2/7 всех акций. Деятельность Русского Торгово-промышленного банка во многом способствовала успешному развитию англо-российских торговых отношений. Банк направлял довольно большие средства на кредитование торговли. Кроме того, он успешно оперировал ценными бумагами, что позволяло ему посредничать в привлечении заграничного капитала. Торгово-промышленный банк входил в число кредитных учреждений России, наиболее активно занимавшихся этого рода деятельностью.

Другой русский банк с преобладанием английского капитала - Русско-английский - не обладал подобными средствами. Основной капитал его рав-

39

нялся сначала 5 млн. руб., а затем был удвоен. Банк возник в августе 1911 г. при решающем участии «Imperial & Foreign Corporation» и английской банкирской фирмы «Bolton Brothers». Русскими учредителями банка были родовитые дворяне и сахарные магнаты: глава Совета объединенного дворянства граф А. Бобринский, член Государственной думы граф А. Голицын, губернский предводитель дворянства Н. Усов и др. Влияние английского капитала в банке значительно укрепилось после увеличения депозитов. Торгово-промышленный банк принимал самое активное участие в размещении городских займов.

Кроме двух названных банков, английский капитал участвовал еще в пяти коммерческих и одном земельном банке России. Тем не менее, позиции английского капитала в банковской системе России оставались сравнительно слабыми по сравнению с французскими. Соотношение процентов колебалось в пределах 55% к 15% в пользу французов.

Даже для поверхностного наблюдателя представляется очевидным, что активное участие английского капитала в российских займах предвоенных лет, в конечном итоге, дало свои результаты. Великобритания, как кредитор России, вышла на второе место после Франции, потеснив своего главного конкурента на мировом рынке - Германию. Удельный вес Англии в итоговой задолженности России по займам предвоенных лет достиг к июню 1914 г. - 10,3%. Английские банкиры и предприниматели имели все основания оптимистически рассматривать результаты вывоза английского капитала в Россию. И все же Англия, претендовавшая на место главного кредитора России, далеко отставала от «мирового банкира» - Франции. Все происходившее в этот период было лишь началом «победоносного шествия» английского капитала в России, увенчавшегося триумфом в годы Первой мировой войны, когда Франция, наложившая мораторий на золотую наличность российского правительства, сама лишила себя первенства в этой области.

Между тем, с проникновением английского капитала в экономику России произошло долгожданное единение союзников на почве совпадения во-

40

енно-политических и финансовых интересов в условиях надвигающейся войны.

§2. Смена «главного кредитора» царского правительства

Предвоенные годы были временем довольно быстрого расширения англо-российских экономических связей, к которым обе стороны проявляли значительный интерес. Английскую буржуазию привлекал прибыльный российский рынок сбыта товаров и размещения капиталов, сырьевые богатства России. Последняя, в свою очередь, нуждалась в иностранных займах и капиталовложениях, заграничных поставках оборудования и сырья.

Начавшаяся Первая мировая война стала катализатором, еще больше ускорившим финансовое сближение двух стран. И вот по какой причине.

Накануне Первой мировой войны царское правительство не сочло нужным заключить какие-либо экономические и финансовые соглашения со своими союзниками по Антанте - Францией и Великобританией - о возможной помощи российскому правительству на случай войны с Германией. Особенно такое соглашение было необходимо с Францией, выступавшей, вот уже на протяжении четверти века, в качестве главного кредитора России. Финансовое содружество России с Францией, безусловно, было проверено временем, но и здесь не удалось обойтись без взаимных претензий.

Еще русско-японская война 1904-1905 гг. показала финансовую слабость царского правительства и необходимость привлечения иностранных капиталов в экономику России. В то время царское правительство поддерживало довольно тесные связи с финансовыми кругами Франции и Германии и неоднократно получало от них кредиты на правительственные нужды. После войны французские банкиры ссужали значительные суммы на покрытие издержек войны и ликвидацию последствий революции 1905 г. Неоднократно царское правительство использовало французский денежный рынок для пополнения финансовых прорех в бюджете до 1909 г. Непосредственно перед Первой мировой войной, а именно в ноябре 1913 г., с Францией было заключено

41

соглашение о финансировании строительства стратегических железных дорог, которые позволили бы ускорить мобилизацию русской армии и ее переброску к границе в случае войны с Германией⁴⁴.

Неизбежность новой европейской войны совершенно ясно вырисовывалась, по крайней мере, со времени Балканских войн, т.е. за полтора-два года до событий, непосредственно за которыми началась Первая мировая война.

Военное ведомство России довольно правильно оценило распределение сил в предстоящей войне и своевременно приняло необходимые меры по укреплению военного сотрудничества между российскими и французскими вооруженными силами. Одновременно, царское правительство осуществило ряд мер, правда,

далеко недостаточных, по линии укрепления армии и военно-морского флота. Однако все они носили узковоенный характер и совершенно не затрагивали вопросов экономической подготовки к войне в целом. Не имея сколько-нибудь правильного представления о действительных масштабах и продолжительности надвигающейся войны, российское правительство крайне легкомысленно отнеслось к финансовым и экономическим вопросам. Оно даже не оговорило права правительства свободно распоряжаться своей наличностью, главным образом, сосредоточенной во французских банках и совсем не предусмотрело каких-либо мер к урегулированию взаимных расчетов между российскими и французскими банками. В связи с чем, позднее и возникло российско-французское недопонимание в деле взаимных банковских расчетов.

С началом Первой мировой войны перед российским правительством остро встал вопрос о необходимости изыскания значительных денежных средств для ведения военной кампании. То «был не узко-финансовый вопрос, а сложный комплекс хозяйственных и военных проблем, неразрывно связанных с экономической отсталостью России»⁴⁵. В ходе войны правительству приходилось неоднократно ставить перед союзниками вопрос о предоставлении валюты, о размещении новых займов.

Россия была вынуждена просить в очередной раз, ибо ее заграничная наличность, при громадных нуждах и масштабах войны, оказалась не столь велика, как об этом думали ранее. На заседании Комитета финансов 20 июня 1914 г. министр финансов П.Л. Барк твердо заявил, что «мы с учетом военных расходов обеспечены для заграничных платежей более чем на год»⁴⁶, и определил потребность в иностранной валюте на 3 месяца, т.е. с 1 октября 1914 г. по 1 января 1915 г. в размере 250 млн. руб.

Каково же было всеобщее разочарование, когда выяснилось, что П.Л. Барк жестоко ошибся в своих расчетах и, что для заграничных платежей только на один год нужны миллиарды. Надо было платить проценты по государственным займам, оплачивать заказы российского правительства в Америке и Японии, отпускать средства для покрытия коммерческой задолженности и поддержания устойчивого

курса рубля. Правительство взяло на себя и обязательства по урегулированию иностранной задолженности акционерных банков, долгов частной промышленности. Поэтому финансовые отношения России с союзниками приняли чрезвычайно сложный характер. Во многом на это повлияла новая финансовая политика Франции в отношении иностранных капиталовложений.

После объявления войны французское правительство «установило отсрочку платежей по вкладам и займам»⁴⁷, точнее сказать, оно наложило мораторий на золотую наличность, и банки прекратили выплаты по вкладам. Под действие моратория попали и русские правительственные вклады во французских банках. Происходившее было чревато своими последствиями, поскольку большая часть от общей суммы свободной наличности России - 666,3 млн. руб.⁴⁸, находившейся за границей, хранилась во французских банках - (463 млн. руб.)⁴⁹. В одночасье российское правительство оказалось в трудном положении. Оно не могло оплатить первые военные заказы за границей, утвержденные Советом министров в августе 1914 г. в сумме 118,8 млн. руб. Между военным министром и министром финансов завязалась длительная переписка. Незначительное увеличение (на 12 млн. руб.) намеченной

43

суммы для нужд частной промышленности, исполнявшей военные заказы, вызвало протест со стороны министра финансов. Конечно, разместить за границей военные заказы было легко, но их следовало оплатить золотом, вывозимым из России. Так, японское правительство охотно соглашалось доставить все необходимые предметы военному ведомству через японскую фирму «Мицуи» с доставкой во Владивосток, но оплатить эту поставку министр финансов не мог, так как французские банки не переводили средства, а правительство, по настоянию министра финансов, приняло решение о запрещении вывоза золота из России. Комитет финансов также решительно возражал против отправки золота из России, и его мнение получило 10 октября 1914 г. санкцию царя. Сообщив об этом военному министру В.А. Сухомлинову, Г.Т.Л. Барк настоятельно рекомендовал сократить заказы в Японии и вообще отказаться от размещения интендантских заказов на иностранных рынках. В ответ В.А. Сухомлинов прислал подробный отчет, в котором указал, что порой

война вносит серьезные изменения в расчеты, и справедливо возмущался тем, что «военное ведомство остается необеспеченным валютой для заграничных расплат».

Бюрократические пререкания между двумя ведомствами заняли около трех месяцев, не дав никакого практического результата. Совет министров выслушал доводы обеих сторон и удовольствовался заявлением министра финансов, что по возможности будут приняты все необходимые меры для предоставления военному ведомству необходимой валюты, и уверениями военного министра, который пообещал ограничить заказы за границей и шире использовать отечественный рынок. Между тем, с каждой неделей войны потребности русской армии непрерывно росли, все глубже вскрывая военную и экономическую неподготовленность России к этой войне.

С большим трудом П.Л. Барк справился с первыми оплатами по заграничным заказам. Но это было только начало, а количество заказов нарастало в огромной степени, и они не могли быть реализованы вовремя из-за отсутствия свободной валюты за границей.

Помимо потребностей военного ведомства, иностранная валюта требовалась для нужд частной промышленности и торговли. 25 ноября 1914 г. в министерстве торговли и промышленности было проведено специальное совещание для определения размеров потребности «отечественной промышленности и торговли в иностранной валюте»⁵⁰. В совещании приняли широкое участие представители крупнейших организаций буржуазии - Совета съездов представителей промышленности и торговли, «Фабрикантов и заводчиков московского и петроградского районов», биржевых комитетов, представителей Русско-английской и Русско-французской торговых палат. Потребность в валюте на ближайшее полугодие совещание определило в 382 млн. руб., что приблизительно совпало с расчетами Совета съездов представителей промышленности и торговли. На деле же оказалось, что фонд Отдела промышленности не располагает и 10-й частью от этой суммы. По сравнению с реальными потребностями промышленников, отпущенные средства были столь мизерны, что исчисления совещания носили чисто теоретический характер.

Приведенные выше факты указывают, между прочим, не только на нерациональную финансовую политику царского правительства, а в большей степени даже на несогласованность действий двух важнейших ведомств - военного и финансового, а также на отсутствие объединяющей роли Совета министров.

Российское правительство легко бы избежало всех этих трудностей, по крайней мере, в первые месяцы войны, если бы оно могло свободно распоряжаться своими вкладами во Франции. Но финансовые отношения России с Францией сложились крайне неудачно. Как уже было отмечено ранее, французские банки отказались платить по вкладам царского правительства, а сами при этом требовали уплаты долгов русских акционерных банков⁵¹.

Вот почему в первые месяцы войны все внимание российского министра финансов было приковано, в большей степени, к проблеме снятия моратория с сумм царского правительства во Франции. П.Л. Барк настойчиво боролся за
45
право России распоряжаться своей свободной наличностью. Вопрос о валюте сразу принял государственно-важный статус.

В борьбу за освобождение банковских вкладов России, помимо министерства финансов, были вовлечены также военное министерство и министерство иностранных дел. Кроме того, вопрос о снятии моратория со средств казны во французских банках и о расчете по задолженности российских банков неоднократно рассматривался в Комитете финансов. Помимо каналов министерства иностранных дел, П.Л. Барк неоднократно (точнее 21 раз) обращался с личными письмами на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Он просил С.Д. Сазонова о содействии министерству финансов в «незамедлительном урегулировании» вопроса об оплате французскими банками-корреспондентами министерства финансов купонов русских займов и тиражных облигаций. П.Л. Барк сносился непосредственно со своим представителем в Париже А.Г. Рафаловичем (агент российского министерства финансов), который, в свою очередь, почти в угрожающем тоне писал французскому министру финансов А. Рибо, что «не в интересах ... властей (французских) блокировать вклады русского правительства и лишать казначейство Империи нужных ресурсов»⁵³.

В ответ на столь решительное прошение русских, со стороны французского финансового ведомства поступило ответное предложение, суть которого состояла в том, чтобы Государственный банк ссудил Французскому банку (Banque de France) те суммы, которые первый держит за границей, а именно 200 млн. франков. Со своей стороны французский банк «принимает на себя обязательство обеспечить при посредстве финансовых учреждений уплату наших купонов после первого сентября»⁵⁴. Окончательное урегулирование расчетов между Государственным Банком и Банком Франции предполагалось отложить на время окончания войны⁵⁵.

В некоторой степени это предложение давало определенную возможность урегулировать первые платежи по государственным займам, но принципиально оно было неприемлемо, так как фактически означало доброволь-

46

ный отказ от своих же денег, находящихся у французских банкиров. И все же С.Д. Сазонов известил своего посла о согласии министра финансов на предложенную французами комбинацию⁵⁶.

П.Л. Барк со своей стороны выступил категорически против такого рода сделки и предложил другой план урегулирования сложившейся ситуации с платежами. На его взгляд, было бы более разумно, если бы французские банки, державшие на своих депозитах вклады министерства финансов, создали Особый фонд, который занимался бы оплатой во Франции купонов русских государственных займов. П.Л. Барк был настроен весьма решительно в пользу этого плана и полагал, что французское правительство должно повлиять в этом смысле на французские банки⁵⁷.

Следовательно, точка зрения министерства финансов сводилась к тому, чтобы платежи по русским займам обеспечивались за счет русской наличности, находящейся за рубежом, и дополнительно использовалось бы соглашение банков обеих стран о кредите в 200 млн. фр.

Непримиримость позиции французских банков преследовала вполне определенную цель - вынудить российское правительство дать согласие покрыть его вкладами задолженность российских частных акционерных банков французским банкам, размер которой был довольно значителен - свыше 500 млн. фр. К точке

зрения французских банкиров фактически присоединились: российский финансовый агент в Париже А.Г. Рафалович и сам посол А.П. Извольский, которому, видимо, надоело возиться со столь запутанными финансовыми делами. Одновременно А.П. Извольский совершенно не исключал возможность - вытребовать до 25% остальных средств русских вкладов, и при помощи Французского банка производить уплату купонов по займам. Эта комбинация справедливо встретила отрицательное отношение в России, ибо она лишала министерство финансов единственно реального источника валюты за границей.

Незамедлительно П.Л. Барк обратился с новым письмом к С.Д. Сазонову, в котором категорически отверг предложение А.П. Извольского, как «не-

47

приемлемое»⁵⁹. Валюта могла потребоваться самому правительству, как для платежей по внешним займам, так и «на расходы ведомств, связанных с войной». В связи с опасностью потери средств при неблагоприятной для французов обороте военных событий на фронте и оставлении ими Парижа, П.Л. Барк предложил фиктивно перевести всю наличность российского правительства в Париже «на счета одного или нескольких английских банков, с тем, чтобы со счетов этих последних французские банки списывали средства лишь по мере действительной необходимости»⁶⁰. Если бы и этот проект не обеспечил сохранность средств, П.Л. Барк предложил привлечь к посредничеству между российской казной и французскими банками «несколько первоклассных американских банков»⁶¹.

Предложения П.Л. Барка о переводе средств казны на счета других иностранных банков были внимательно изучены А.П. Извольским совместно с представителями французских банков и отвергнуты. Видимо, они сочли, что фиктивный перевод средств в английские банки был бы легко обнаружен немцами, а американцы на перевод не соглашались в связи с нейтралитетом.

В принципе А.П. Извольский несколько преувеличивал опасность потери вкладов российского правительства, ибо французские банки могли выехать в провинцию или скрыть свои книги. В то время французские банки действительно эвакуировались из Парижа и увозили свои книги, а ход военных действий стал благоприятен для французов. Тем не менее, министерство финансов России дало

указание о вывозе в безопасное место во Франции процентных бумаг казны на сумму 20,6 млн. руб.

Одновременно с этим российский министр финансов кардинально пересмотрел свою позицию в этом вопросе. П.Л. Барк счел свое предложение об образовании французскими банками особого фонда для оплаты процентов по долгам несвоевременным и вновь присоединился к предложению Французского банка об открытии кредита в 200 млн. франков. Однако и на этот раз П.Л. Барк выдвинул ряд условий, только при соблюдении которых, он мог согласиться на эту сделку.

В случае открытия Государственным Банком России Французскому банку кредита в 200 млн. франков финансовое ведомство России должно было сохранить право распоряжаться своими средствами не только для оплаты купонов и облигаций, но и для других расходов - на оплату займов городов, помощи русским гражданам и т.д.

Французы согласились обдумать предложенный им план, но при условии, что будет установлена предельная сумма этих дополнительных расходов «на нужды Империи». Французская сторона долго колебалась, равно как и П.Л. Барк, совсем не уверенный в правильности своих решений. Ведь за вычетом платежей по займам, включая и муниципальный, оставалось еще около 50 млн. фр., которыми П.Л. Барку хотелось распорядиться для оплаты военных заказов в Англии и Америке. Именно на эти две страны приходилась «преобладающая часть» военных расходов России. Поэтому П.Л. Барку было так сложно безоговорочно согласиться на французское предложение. Он понимал, что, сказав - «да», фактически лишает российское правительство возможности использовать свои «огромные суммы» для платежей по обязательствам России в других странах. Руководствуясь этим соображением, П.Л. Барк считал «безусловно необходимым настаивать на том, чтобы независимо от фонда или кредита Banque de France за гарантией Государственного банка для оплаты наших государственных, гарантированных и муниципальных займов, французские банки, у которых находятся наши суммы, выплачивали бы наши переводы по заказам, как в самой Франции, так и в Англии и Америке, или же таковую оплату принял на себя Banque de France за нашей га-

рантией» . Только при этом неременном условии П.Л. Барк соглашался на предложенную французами комбинацию.

Дипломатическая переписка, длившаяся более двух месяцев, не дала никаких результатов. Вопрос о ликвидации задолженности российских акционерных банков оставался нерешенным. Российская казна была лишена возможности распоряжаться своими вкладами.

К началу октября 1914 г. российское правительство имело на счетах французских банков 737 млн. франков⁶³ и было вынуждено расплачиваться за внешние поставки вывозом своего золота.

На очередном заседании Комитета финансов, состоявшемся 5 октября 1914 г., вновь поднимался вопрос о финансовых отношениях с Францией. Комитет обратил свое внимание на недопустимость такого отношения французского финансового ведомства к проблеме российских займов. По его мнению, «представляется совершенно невозможным распространять мораторий на правительственные средства союзной с Францией державы, нуждающейся в этих средствах в интересах совместного ведения войны». Комитет финансов уполномочил П.Л. Барка договориться с министром иностранных дел на «предмет дипломатического представления французскому правительству об освобождении наших сумм во французских банках от действия моратория и возможности беспрепятственного распоряжения и перевода их в другие страны, особенно в Америку, для оплаты наших заказов»⁶⁴.

В дальнейшем, как видно из переписки министерства иностранных дел с А.П. Извольским, в Париже посол выполнил это поручение⁶⁵. В ходе переговоров с французским министром иностранных дел ему удалось сдвинуть дело с мертвой точки. Последний подтвердил готовность Французского банка открыть российскому правительству кредит в 200 млн. франков для оплаты купонов «и иных нужд». Таким образом, «удовлетворилось одно из существенных пожеланий русского министра финансов»⁶⁶. Кроме того, от действия моратория освобождалось еще около 200 млн. франков. В распоряжении российского правительства могло оказаться, в общей сложности, около 400 млн. франков.

Правда, существовало одно но, ответ Т. Деликассе А.П. Извольскому носил частный характер и не мог рассматриваться как официальный ответ французского правительства. Кроме того, в нем не было сказано ни слова о возможности перевода русских вкладов за пределы Франции. Между тем, именно этого добивался П.Л. Барк, обращаясь за помощью к С.Д. Сазонову.

50

Однако французское правительство не заставило себя долго ждать. 11 октября 1914 г. А.П. Извольский сообщил официальный ответ. Французское правительство обещало в кратчайшие сроки воздействовать на французские

67

банки, «дабы последние не прятались по отношению к нам за мораторий». Оно обещало также в ближайшем будущем совершенно отменить мораторий. Одновременно французское правительство подтвердило готовность Французского банка открыть российскому правительству кредит взамен такого же кредита со стороны Государственного банка России. Только теперь «кредит в 200 млн. франков открывался не дополнительно к наличности правительства, а за счет этой наличности»⁶⁸. Вопрос же относительно возможности перевода платежей за пределы Франции совершенно не поднимался. Каким бы не было усердие А.П. Извольского в этом вопросе, но фактически он ничего не добился.

Тем временем французское правительство продлило действие моратория до 1 декабря 1914 года⁶⁹ и разрешило выплачивать по текущим счетам около 40-50%. Одновременно кредиторы получили право требовать с 1 декабря уплаты всех договорных обязательств. В связи с большой задолженностью российских акционерных банков это не обещало министерству финансов ничего хорошего.

С течением времени вопрос о соглашении с Французским банком относительно кредита в 200 млн. франков потерял свою остроту, так как освободившиеся во французских банках суммы оказались достаточными для платежей по купонам займов, и эта оплата, по словам российского министра финансов, «проводилась без замедления». Поэтому, видимо, переговоры с французским правительством о кредите в 200 млн. франков перешли в другую плоскость. Основное внимание было приковано к двум вопросам: во- первых - на ликвидацию

задолженности российских коммерческих банков; во-вторых - на освобождение всех сумм российского правительства во Фран-

71

ции . Еще 4 месяца назад этот вопрос впервые был поставлен перед французским правительством, а его решение так и не было найдено. Российское

51

правительство «не нашло должных политических, юридических и военных аргументов, чтобы заставить Францию посчитаться с законными требованиями своей союзницы и без проволочки их осуществить»⁷¹.

Между тем, агенту министерства финансов А.Г. Рафаловичу был предложен очередной проект соглашения по вопросу о банковских расчетах между Францией и Россией. Проект был выработан при участии управляющего Французским банком Палена с учетом всех пожеланий французской стороны. В основу проекта было положено соглашение об открытии России французским банком кредита на сумму 500 млн. франков. Взамен Государственный Банк открывает соответствующий счет Французскому банку, из расчета 1 рубль за 2,66 франка. При внесении частными банками рублей в Государственный банк они получали взамен контрвалюту и, по распоряжению министерства финансов, могли покрыть свою задолженность за пределами России. Но проект соглашения во французской редакции содержал одну статью, вызвавшую возражения, как со стороны А.П. Извольского, так и со стороны министерства финансов России.

Государственный Банк должен был дать обещание после получения этого кредита в 500 млн. франков в будущем больше не прибегать к авансам Французского банка для оплаты купонов по займам. В дальнейшем этот пункт был снят Палленом и не вошел в соглашение Государственного и Французского банков.

Взвесив все «за» и «против», А.П. Извольский продолжал настаивать на скорейшем подписании соглашения о финансовых расчетах с банками, рассчитывая таким способом получить «наши вклады», несмотря на «формальное продление моратория».

В связи с настоянием А.П. Извольского П.Л. Барк уведомил С.Д. Сазонова о своей готовности пойти навстречу французскому правительству и не настаивать на официальном изъятии наличности министерства финансов от действия моратория в обмен на обязательство своих французских корреспондентов, подкрепленное согласием французского правительства, на деле «не

52

ту

применять мораторий к суммам министерства финансов». Но вряд ли французское правительство было заинтересовано в том, чтобы русское золото «уплыло» в США или Англию. Хотя, как писал П.Л. Барк, «возможность производить платежи за счет сумм Казны во Франции является даже для фи-

73

нансового ведомства главной заботой настоящего времени».

Министерству финансов и лично П.Л. Барку были нужны гарантии и полная уверенность в том, что государственные приказы о переводе средств Казны в другие страны будут исполняться «незамедлительно и в полном объеме»⁷⁴. При выполнении французской стороной этого условия, конечно, не требовалось формальной отмены моратория, срок которого французское правительство продлило до 1 марта 1915 г.

Постепенно ряд французских банков заявил о своей готовности отказаться от применения моратория по вкладам российского казначейства. К числу таких банков относились: Лионский кредит, Национальная учетная контора, Банк Парижского Союза и др. Некоторые банки, в которых хранились довольно крупные суммы Казны, такие как Парижско - Нидерландский, Госкье и Готтингер, Сосизтта - Женераль, по состоянию своих счетов не были в состоянии производить уплаты по приказам российского правительства, само «французское правительство согласилось авансировать за их счет про-

>4/r

симые суммы». При таком обороте дела А.П. Извольский был готов отказаться от требования письменных обязательств со стороны французских банков.

Таким образом, только 5 месяцев спустя после начала Первой мировой войны вопрос о вкладах российского правительства был «окончательно и вполне благополучно разрешен», по замечанию А.П. Извольского.

После такого «благоприятного», по оценке министра финансов, оборота дел, П.Л. Барк сообщил о своей согласии получить разрешение Комитета финансов на заключение соглашения с Французским банком, которое должным образом разрешило бы вопрос об оплате задолженности российских банков.

Все те месяцы, пока шла длительная переписка между Петербургом и Парижем, вклады российского правительства во Франции значительно уменьшились. Свободная наличность к концу декабря 1914 г. сократилась до

ча

300 млн. франков, т.е. почти до V* по сравнению с началом войны.

П.Л. Барк сдержал свое обещание. 30 декабря 1914 г. Комитет финансов, рассмотрев представление министра финансов о заключении соглашения с Французским банком, сразу же одобрил его. Соглашение сводилось к тому, что Французский банк открывал Государственному Банку России кредит на сумму 500 млн. франков. Государственный Банк имел право использовать его для удовлетворения требований на валюту со стороны российских акционерных банков и торгово-промышленных фирм, «желающих погасить долги, сделанные до войны на французском рынке»⁷⁹. С другой стороны, Государственный Банк открывал кредит Французскому банку на ту же сумму в золотых рублях. Взаимный расчет между банками должен был быть произведен через год после окончания войны.

Государственный Банк мог оплатить свой долг в золоте или во франках, по своему усмотрению. Соглашение между банками было гарантировано российским правительством, поэтому, кроме подписей Палена и А.Г. Рафаловича, оно было скреплено подписью российского посла А.П. Извольского.

Подписанное соглашение имело большое значение для французских и российских банков. Оно расчистило почву для дальнейшего сотрудничества между банками двух союзных держав, способствовало активизации финансовой деятельности российских банков. В то же самое время российское правительство, проявившее недостаточную требовательность к своей союзнице, лишилось большей части своей свободной наличности, ушедшей на оплату платежей по займам. За первые пять месяцев войны «русское правительство не только не

получило ни копейки кредитов от союзной Франции, чем был нанесен безусловный ущерб вооружению армии, но было вынуждено вести дипломатическую борьбу за право использовать свои собственные капиталы для повышения боеспособности армии, которая приносила в интересах своей союзницы серьезные жертвы на фронте»⁸⁰.

Союзная Франция, проигнорировав требования российского правительства вернуть вклады Государственного Банка в самом начале войны, тем самым подтолкнула его к поиску новых источников покрытия громадных военных расходов. Франция собственноручно лишила себя пальмы первенства в деле внешнего кредитования России. Российское правительство, измотанное постоянными противоречиями с французами по вопросам финансовой помощи, решилось, в конечном итоге, заменить «несговорчивого партнера». Как никто другой на эту роль подошла Англия, сумевшая доказать преданность общему делу.

§3. Первый раунд переговоров о кредитах в Англии (октябрь-декабрь 1914 г.)

С началом Первой мировой войны финансовая ситуация в мире начинает резко ухудшаться, кризис следует за кризисом. Страны-участницы конфликта, понимая это, тем не менее, стремились в кратчайшие сроки закончить финансовую мобилизацию по привлечению денежных капиталов, начатую еще в предвоенный период, руководствуясь единым принципом: «Деньги - нерв войны». Несомненно, учитывая тот факт, что существование в стране только несбалансированных денежных средств для признания ее готовой к войне в финансовом отношении является просто абсурдным. Представители финансовых структур этих государств были склонны придерживаться совсем иного курса, согласно которому, сущность финансовой мобилизации заключается как раз в том, чтобы «предварительно подготовить всю денежную и кредитную системы страны, обеспечить им возможность стойко противостоять денежному и биржевому кризисам, вызываемым появлением кризиса войны»⁸¹, и которые в то же время, дали бы возможность быстро и безболезненно мобилизовать средства, необходимые для войны, иными словами говоря, «вступлению военных сил, на основе задолго перед

тем подготовленной мобилизации, должно соответствовать и вступление финансовых сил на основе выбранного в мирное время плана финансовой мобилизации»⁸². Выработка и осуществление этого плана является задачей руководителей финансового ведомства, сил центрального эмиссионного учреждения той или иной страны вместе с руководством банков. Последние составляют финансовый штаб в мирное и военное время.

Подобные концептуальные идеи, неоднократно проверенные на практике, были встречены весьма благожелательно финансовой элитой мира. Некоторые, совершенно разные в экономическом отношении государства, такие как Британская и Российская Империи, при этом проникнутые чувством дружеской симпатии, будучи союзниками, задали практически одинаковые темпы финансовой мобилизации, сводящиеся к следующему:

Во-первых, в России, как и в Великобритании, накануне войны были созваны экстренные совещания⁸³, на которых представители правительства совместно с главами банков вырабатывали меры облегчения денежного рынка и кредита. С одной лишь разницей, что в Англии подобные мероприятия посещали представители торгово-промышленного сектора - это, безусловно, несомненное преимущество, так как «Генеральный штаб», созданный из одних банковских деятелей не совсем верный шаг. Поскольку иногда интересы кредитных учреждений и народного хозяйства не совпадают.

Во-вторых, вопрос о финансовой мобилизации очень тесно связан с вопросом о золотом фонде, а насколько известно, интернациональными деньгами во время войны является только золото. Сохранение золотого запаса, этого «полюса центрального банка» - первостепенная задача любого государства. Хотя финансовые круги России придерживались именно этой установки, они производили внешние краткосрочные займы⁸⁴, подкрепляя свою платежеспособность все тем же золотом. Великобритания, в свою очередь, была более консервативна в этом плане. Министр финансов страны Д. Ллойд Джордж прямо заявил в своей речи в Палате общин, что «лица, скопляющие золото в такой момент, наносят сильнейший вред всей нации, и что это рав-

носиво содействию врагу» , призвав средства массовой информации к сотрудничеству по этому вопросу.

В-третьих, в связи с подобными действиями европейских государств, начинается дисконтная война между всеми странами, когда возрастает дисконт, что считается одним из сильнейших средств удержания и привлечения золота в страну. Так «Государственный Банк дает до 5-6%, а Английский банк сначала начинает с 3-4%, а затем доходит до 10%» . В условиях надвигающейся войны такие результаты кажутся крайне неутешительными.

В-четвертых, паника, порожденная острой нуждой свободных денежных средств, здесь усиливается еще и тем, что денежные суррогаты (чеки, кредитные билеты) теряют свою силу (девальвация денежных средств), и встает вопрос о наличных деньгах, то есть возникает сильный недостаток в мелких средствах обращения. «Question of money» не только в смысле, что нужен был капитал в денежной форме, но и в том, что были нужны средства для целей денежного обращения. Люди начинают прятать не только золото, но и мелкие металлические деньги, что особенно явно проявилось в приграничных районах. Соизмеримо с такими потребностями, в Великобритании наблюдается спрос на кредитные деньги мелких купюр. Английское казначейство, учитывая это, «начинает выпуск на несколько миллионов фунтов стерлингов, однофунтовых и десятишиллинговых банкнот, разменных на зо-

07

лото в Английском банке» . В России - Казначейство на первых порах также

88

намечает выпуск свидетельств казначейства, но лишь на 300 млн. рублей , с учетом реальных возможностей времени.

В-пятых, для определения финансовой боеготовности любого государства важно проанализировать и общие экономические условия, в которых находится та или иная страна. Фактически, в большинстве случаев, высота и рост государственных финансов еще не показатель высоты и роста национального богатства. Финансы страны могут быть «хорошими» вследствие непомерных налогов, кредитных займов, как на внешнем, так и на внутреннем рынке.

Предложенный нами сценарий был реализован российским министерством финансов в рамках программы финансовой стабилизации⁸⁹. В Великобритании налоги были относительно слабы и легко повышались, как это было сделано в бурскую войну. Однако это слишком слабый довод в пользу политики российского финансового ведомства.

Нет никаких оснований отрицать, что война «настигла российский денежный рынок в тяжелом положении»⁹⁰, по сравнению с английским, более насыщенным и эластичным, он не мог справиться с расходами начавшейся военной кампании. По сути дела, Россия оказалась на пороге затяжного финансового кризиса, сыгравшего злую шутку с российской государственностью.

Особенно важно, что хотя финансовая мобилизация продолжалась повсеместно и далее. Однако того динамизма, который был ранее, на начальном этапе в 1912-1913 гг., уже не было. В июне 1914 г. начинается новый этап финансовой мобилизации, как в Англии, так и в России. Только теперь этот процесс требовал больших затрат. Та или иначе, государства вовлекались в тактическую борьбу, и это ослабило их финансовую хватку. В этом и заключается парадокс - порой «одной боевой финансовой готовности недостаточно, и одного лишь преимущества в финансовом отношении недостаточно для победы над противником»⁹¹. Существует мнение, что в последней инстанции, вопрос на войне решает железо, а не золото. Но в нашем случае, все относительно.

Война внесла серьезные изменения в финансовые отношения России с другими странами и, прежде всего - с Великобританией. Первые месяцы войны показали, что серьезным кредитором России может быть только Англия, являвшаяся главной экономической и финансовой силой коалиции.

Экономические ресурсы Франции, содержавшей огромную армию и потерявшей часть своей территории, были ограничены. Кроме того, царское правительство было крайне неудовлетворенно тем, как был решен вопрос с российскими вкладами во Франции в самом начале войны. В свете этих со-

бытий Англия по всем показателям явно опережала Францию. Фактически, она была «неофициальной» главой Антанты, ее экономика практически не пострадала

в начале войны и могла выдержать финансовую атаку союзников. Неудивительно, что, будучи более богатой и экономически более мощной страной, Англия вскоре стала главным банкиром союзников.

Одной из первых за финансовой поддержкой к Англии обратилась царская Россия. С наступлением осени стало совершенно ясно, что финансовая система России самостоятельно не может «поддерживать современные военные усилия»⁹². Для проведения масштабных закупок на западе российское правительство нуждалось во внешних кредитах.

Первая попытка России получить кредит у союзной Британии относится к началу октября 1914 г. После того, как 5 сентября 1914 г. между правительствами Англии, Франции и России было заключено соглашение «о не заключении сепаратного мира в настоящей войне»⁹³ и произошло долгожданное укрепление политических отношений союзников, министерство финансов незамедлительно обратилось к Английскому банку с предложением о предоставлении кредита российскому правительству в размере 15 млн. ф. ст., «соответственно гарантированных золотым кредитом Государственного банка России»⁹⁴.

Российскому послу в Лондоне графу А.К. Бенкендорфу было поручено выяснить точку зрения английского правительства относительно возможности удовлетворения просьбы, поступившей со стороны России. Незадолго до указанных событий, в узком кругу английских политиков и финансистов, уже обсуждались проблемы финансовой помощи России, «оказавшейся совершенно неготовой к длительной войне и показавшей - при всех своих громадных природных и людских ресурсах - неспособность выступить в качестве самодостаточного мирового центра». В кругу финансистов лондонского Сити разгорелась нешуточная борьба между сторонниками и противниками оказания финансовой помощи России.

Возраставшее напряжение войны требовало со стороны Англии не только колоссальных людских жертв, но и громадных расходов. Помощь России ложилась дополнительным бременем. Английское правительство, вставшее перед перспективой долгосрочной войны, нуждалось в создании собственной армии

многомиллионной численности. К этому следует добавить и то, что настоящая война должна была стать самой дорогой за всю историю Англии. «Ни одна война не обходилась так дорого. Ни одна война даже приблизительно не стоила так дорого, как эта война»⁹⁵, - кричал с трибуны глава финансового комитета Англии Д. Ллойд Джордж, выступая со своей бюджетной речью в Палате общин. Британия не желала терять свое положение мирового финансового центра, поэтому весьма жестко реагировала на все попытки извне добиться ее финансового покровительства. Лондон всячески стремился избежать потери финансового могущества. Но, следует помнить, упорствуя в этом стремлении, он мог потерять все, и, прежде всего - «надежного» военного союзника в лице России. Безусловно, нельзя было потакать всем требованиям России, но пойти на некоторые уступки было бы весьма разумно.

В конечном итоге возобладали взгляды двух английских финансовых экспертов - Бэзила Блэкета и сэра Джорджа Пейджа, склонявшихся к взаимовыгодному финансовому сотрудничеству с Россией. Они были уверены в том, что Россию следует финансировать, следует помогать ей делать закупки в Европе и США, но при этом просто необходимо получить определенные гарантии с ее стороны. Залогом получения кредита должны были служить золотые резервы Государственного банка России и российские финансовые бумаги, находившиеся в Английском банке. Англичане апеллировали тем, что Россия имеет золотой запас в пределах 150 млн. ф. ст., и это второй показатель в мире после Франции, а вся система английского денежного обращения и кредита держится на «ограниченной золотой основе» в 90 млн. ф. ст.⁹⁶ С учетом этого, следует создать «новый золотой резерв» Англии из части золотой наличности Государственного банка России для того, чтобы в какой-то

60

степени компенсировать «незапланированные» расходы Англии на нужды России.

В ходе проведенных А.К. Бенкендорфом частных переговоров с представителями финансовой элиты Англии и членами английского кабинета министров были достигнуты определенные договоренности. Английское правительство, руководствуясь вышесказанным, соглашалось открыть России кредит в

15-20 млн. ф. ст. при соблюдении некоторых условий. Официальные требования английского правительства относительно предполагаемой сделки были изложены в меморандуме министра иностранных дел Англии - Э. Грея,

⁰⁷

присланного С.Д. Сазонову 26 сентября 1914 года . В этом меморандуме английское правительство уведомляло, что выпуск на лондонском рынке российского государственного займа «будет совершенно невозможен без содействия правительства его величества». Оно могло открыть кредит российскому правительству в 20 млн. ф. ст. при условии, что министерство финансов вышлет в Англию золото на 8 млн. ф. ст., а на оставшиеся 12 млн. ф. ст. было готово разместить обязательства российского казначейства сроком на один год с момента учета. Кроме того, английское правительство определило условия расходования предоставленного кредита: 8 млн. ф. ст. предназначались для расчетов российских коммерсантов и промышленников с английскими кредиторами, задолженность которым на 1 октября 1914 г. достигла 140 млн. руб., а 12 млн. ф. ст. оставались в полном распоряжении правительства и могли быть употреблены для всех остальных нужд - для оплаты купонов по займам и другим внешним обязательствам правительства, для финансирования закупок и заказов на английском рынке. Единственное, что российское правительство не имело права употребить «какой бы то ни было части кредита для перевода денег в Россию или на финансирование русских подокупок вне Соединенного Королевства» .

В своем меморандуме английское правительство предусмотрело и такие детали, как условие произвести пересылку золота в Англию за счет российского правительства, с учетом, конечно, его льготной страховки, предоставления морской охраны Англии.

Первоначальная позиция российского правительства в этом вопросе была неоднозначной. С одной стороны, оно принимало английские условия. С другой стороны - «настаивало главным образом на уменьшении суммы требуемого золота и на не высылке его в Лондон, а зачислении здесь в Петрограде в распоряжение английского посла, а также на не регламентировании назначения имеющейся в

Англии нашей золотой наличности»⁹⁹. В ответ на российское предложение, английское правительство решительно отказалось пойти на уступки. Финансовый комитет Англии прислал министру финансов России телеграмму, в которой «сожалел», что П.Л. Барк не одобрил предложения английского правительства, благоприятные «в общих интересах России и Англии»¹⁰⁰.

В это время (в конце октября 1914 г.) резко ухудшилась ситуация на российском денежном рынке. Российский рубль стремительно падал в цене (на 14 %). Вместо 9,5 рублей за фунт стали платить 11 рублей¹⁰¹. Ввиду предстоящих больших платежей английским промышленникам со стороны российской казны и частных промышленников по военным заказам и покупкам, по мнению российских финансовых экспертов, курс еще должен был снизиться.

Несмотря на это, английское правительство упорно настаивало на «прежних условиях», которые, в конечном итоге, были санкционированы Комитетом финансов. Российское правительство уступило главному требованию англичан - высылке золота в Англию в качестве гаранта получаемого кредита. Министр финансов Д. Ллойд Джордж потребовал от своего российского коллеги П.Л. Барка немедленной доставки золота в Лондон. П.Л. Барк, считавший вывоз золота неприемлемой мерой, подчинился приказу Комитета финансов и отдал распоряжение о начале операции.

Отправка золота в Англию на сумму 75,3 млн. руб. (8 млн. ф. ст.) была проведена в обстановке исключительной тайны. В октябре 1914 г. Англий-
ский крейсер «Дрэк» и военный транспорт «Манута» остановились в море на

62

1117

расстоянии 50 верст от Архангельска . Золото было доставлено в порт Архангельска поздно ночью. Несмотря на строжайшую секретность, «немцы оказались осведомлены об этом, и суда эти на обратном пути в Англию под-

103

верглись атаке немецких подводных лодок» . Все золото в целости и сохранности было доставлено в Ливерпуль. Ответственный со стороны английского правительства за транспортировку золота адмирал Гранд уведомил 29 октября 1914 г. вышестоящее руководство о благополучном завершении операции. В дальнейшем английское правительство, «во избежание неприятностей»,

настаивало на сухопутной транспортировке золота до Владивостока, а оттуда на японских крейсерах до порта Ванкувер (Канада).

При оценке описанной финансовой операции необходимо учитывать, что ее заключение произошло накануне дальнейшего расширения войны. На стороне центральных держав вступила в войну Турция, что еще более затруднило России связи с ее союзникам, расширило фронт военных действий и повлекло за собой увеличение военных расходов. Видимо поэтому, едва российское правительство получило кредит, оно тут же заявило, что он явно «недостаточен»¹⁰⁴. В целом, по этой операции, за вычетом страховых платежей, финансовых пошлин и других расходов, возмещенных банком Берингов, Россия получила около 190 млн. руб., из которых 50 млн. руб., фактически, были израсходованы на военные заказы и покупки, а также на снабжение английской валютой русских заводов, изготавливающих различные предметы военной обороны¹⁰⁵. «Чистыми», образно выражаясь, оставалось только 140 млн. руб. Между тем, по расчетам П.Л. Барка, для расплаты с английскими кредиторами не хватало 8 млн. ф. ст., так как 8 ноября 1914 г. долги российских банков в Англии превысили 140 млн. руб., и «не менее круп-

106 Г-Г

ную сумму составит задолженность нашей промышленности» . По заказам для нужд обороны к ноябрю 1914 г. было уплачено около 125 млн. руб., и предстояло еще уплатить в 1914-1915 гг. около 300 млн. руб.

По мнению российского правительства, заключенное соглашение о кредите не давало возможности выделить «сколько-нибудь значительные суммы банкам русской промышленности» для ликвидации их довоенных обязательств. С.Д. Сазонов предложил послу обратиться к английскому правительству за помощью в виде распространения на русские учреждения льгот по расчетам, вытекающим из моратория, или же путем выделения специального кредита Английским банком. С.Д. Сазонов сообщал, что российские банки и промышленные предприятия не могут в условиях войны найти свободную иностранную валюту для расплаты по заказам. Поэтому российское правительство просило о предоставлении валюты непременно в фунтах стерлингах, против вклада Государственного банка в рублях,

по курсу примерно 10 рублей за фунт. Эта валюта пошла бы после проверки министерством финансов каждой операции и представленных гарантий на уплату долгов банков и промышленных предприятий.

Российское правительство выступало за ликвидацию довоенных долгов за счет других источников, но не за счет валюты, полученной по займу. Оно соглашалось рассмотреть и другое предложение англичан. Одновременно российское правительство вынуждено было поднять вопрос о заключении финансовой операции на более широкой основе. Посол в Англии должен был «настаивать на абсолютной необходимости взаимной помощи в финансовой и экономической сферах, чтобы избежать всяких потрясений, могущих уменьшить обоюдные силы»¹⁰⁷.

Однако аргументы, изложенные С.Д. Сазоновым в телеграмме А.К. Бенкендорфу, не оказали никакого влияния на позицию англичан. По мнению английского правительства, Россия имела достаточно внушительный золотой запас в 155 млн. ф. ст., а вся система английского денежного обращения и кредита держалась на «ограниченной золотой основе» в 85 млн. ф. ст., поэтому для предоставления России новых кредитов необходим «новый золотой резерв», в той же пропорции, которая существует между золотым запасом Английского банка и количеством банкнот в обращении, т.е., по-

64

видимому, в отношении 2:5. Следовательно, английское правительство в принципе не отказывало России в кредите, но требовало, как и в первой операции, высылки золота, отвергая все попытки российского министра финансов добиться обратного. Все было абсолютно ясно, финансовое положение Англии таково, что без получения соответствующих гарантий со стороны России, новый кредит ей она не откроет. Учитывая все это, С.Д. Сазонов выдвинул идею заключения в Англии долгосрочного займа, гарантией которого должно явиться «успешное ведение войны». А.К. Бенкендорф должен был выявить принципиальное отношение английского правительства к этой заведомо несостоятельной идее. Притом, что кое-какое время в запасе у него было.

А тем временем, пока шла «двухсторонняя борьба за русское золото», 9 октября 1914 г. Николай II подписал указ о выпуске обязательств российского казначейства на английском рынке. И прямо за этим событием, 17 октября 1914 г. вступило в силу соглашение с банкирским домом «Baring Brothers & Co» об учете краткосрочных обязательств российского казначейства в сумме

«По

12 млн. ф. ст. От имени российского правительства соглашение подписал А.К. Бенкендорф, а от имени банка - его директор лорд Ревельсток¹⁰⁹, принимавший самое активное участие в переговорах. Фирма Беринг учитывала обязательства без комиссии и куртажа, а учетный процент был равен тому, по которому получило кредит английское правительство. По истечении срока, через год, российское правительство имело право возобновить обязательства, то есть продлить кредит. Сделка вступала в силу с 1 октября 1914 г. Однако полученным кредитом министр финансов имел право распоряжаться только на лондонском рынке¹¹⁰.

По мнению российского правительства, заключенное соглашение о кредите ничего не дало в плане стабилизации внутреннего финансового рынка страны, а наоборот, еще более усугубило и так непростое положение. Россия получала необходимую сумму денег, но не могла распоряжаться ею по собственному усмотрению.

Однако при оценке описанной финансовой операции следует учитывать и то, что английское правительство рисковало намного больше, давая в долг в самое трудное для себя время «вселенских трат». Англо-российские финансовые отношения в этой ситуации напоминали нормальные деловые отношения кредитора и кредитуемого.

В начале декабря 1914 г. Россия вновь обратилась к проблеме переговоров о займах в Британии. Потребности войны, вполне очевидно, потрясли российскую финансовую и промышленную системы с новой силой. Но на сей раз отношение к восточному союзнику в Лондоне было более настороженным.

Часть правящей элиты Англии относилась к финансовой помощи России вполне благожелательно. Сторонники такого похода исходили из того, что Россия, а точнее ее армия, несет свою долю союзнических усилий и ее резкое ослабление

чревато для Англии. Из донесений советника английского посольства в Петрограде О'Брейна очевидно, что расходы России только за один день войны составляют 1 млн. руб.¹¹¹ Соответственно, к концу 1914 г. сокращение финансовых ресурсов России позволит ей рассчитывать на ведение полнокровных боевых действий в течении всего двух месяцев. «Финансовый вопрос приобретает здесь экстренное значение»¹¹², писал из Петрограда О'Брейн личному секретарю Э. Грея сэру У. Тиррелу. О'Брейн полагал, что в сложившейся ситуации Лондону не следует настаивать на доставке в Англию русского золота, «потому что это требование вызывает величайшее возмущение русских»¹¹³. Английский посол в России Дж. Бьюкенен поддержал мнение своего финансового эксперта и написал в Foreign-Office о том, что Британия должна в некоторой степени смягчить условия, на которых она оказывает финансовую помощь России. В противном случае дальнейшая судьба всей антигерманской коалиции окажется под угрозой. Лондон попросил конкретизировать запросы Петрограда, и 15/2 декабря 1914 г. Россия прояснила свою позицию в отношении нового займа. В меморандуме, врученном английскому послу, было очень подробно развито предложение о за-

66

ключении российским правительством в Англии нового долгосрочного займа. «Русское правительство желает пользоваться своим собственным кредитом, не затрудняя английское правительство новыми просьбами о кредите»¹¹⁴, - говорилось в меморандуме. Российское правительство рассчитывало на доверие английского денежного рынка к эмиссиям русских бумаг, особенно в условиях войны, при «общности интересов обеих наций».

Общая сумма займа определялась в 100 млн. ф. ст., 30 млн. из которых предназначались на оплату западного оборудования для российской военной промышленности, столько же - в счет погашения прежней задолженности, а на 15-20 млн. предполагалось разместить русские заказы в Англии для нужд военного и морского ведомств. С запросом такого масштаба Д. Ллойд Джордж немедленно ознакомил Военный кабинет.

Не дожидаясь конца переговоров о новом займе, российское правительство выразило желание учесть краткосрочные обязательства у английских банкиров,

которые будут размещать заем, или у Английского банка. Получалось, что российское правительство рассчитывало достать деньги в Англии без обязательного вывоза золота и без государственной гарантии английского правительства, причем в значительно большем количестве, чем было получено по первой финансовой операции.

На следующий день А.К. Бенкендорф сообщил, что размещение займа на 100 млн. ф. ст. без гарантий английского правительства видимо не получится и, что английское правительство согласно на учет обязательств русского казначейства на 40 млн. ф. ст. для оплаты расходов по военным заказам в Англии и займам. Для оплаты кредитов вне Англии российское правительство должно выслать золото в пропорции 2/5 от суммы таких платежей. Расходы же внутри королевства не требовали высылки золота¹¹⁵. Следует отдать должное английскому правительству, которое проявило большую готовность практически разрешить вопрос о новых кредитах, чем французское в решении вопроса о распоряжении российским правительством своими собственными деньгами.

Будучи не совсем удовлетворено результатами переговоров через посольство, английское правительство решило выявить свою точку зрения в документе, который явился официальным ответом на меморандум. Реакция официального Лондона последовала незамедлительно. 22/9 декабря 1914 г. российское правительство получило «Памятную записку»¹¹⁶, в которой была изложена позиция английского правительства в отношении дальнейшего финансирования России. Английское правительство заверяло, что самым тщательным образом рассмотрело нужды России, и что оно «желает сделать» все, что в ее силах, чтобы помочь российскому правительству. Оно заявило о своей готовности обсудить вопросы о предоставлении России нового займа в сумме, не превышающей 40 млн. ф. ст. на следующих условиях:

«1) Заем должен быть обеспечен 12-месячными обязательствами государственного казначейства, как это имело место в предшествующих займах, с последующей оплатой золотом в Лондоне;

2) 50% займа (20 млн. ф. ст.), т. е. сумма, упомянутая в предложении русского правительства, расходуется на оплату платежей по закупкам, сделанным только в Соединенном Королевстве, остальные средства могут расходоваться вне Англии;

3) В случае использования средств для оплаты закупок вне Соединенного Королевства, российское правительство высылает в Англию золото в размере $\frac{2}{5}$ требуемой суммы, это золото продается Английскому банку;

4) Облигации будут учитываться из 5% для суммы в полтора раза больше высланного золота и 6% для остальных. По истечению срока займа он во-

117

зобновляется на 1 год».

Следовательно, и по этому займу российское правительство, если бы оно захотело использовать кредит в 20 млн. ф. ст. для расплаты вне Англии, должно было бы вновь вывести золота на 8 млн. ф. ст. Кроме того, Англия стремилась повысить ставку учетного процента.

Предложенные условия не удовлетворили министерство финансов ни в отношении общей суммы, ни, особенно, в отношении порядка выплаты вне Соединенного Королевства.

Через несколько дней последовало новое разъяснение английской позиции¹¹⁸. В сумму 40 млн. ф. ст. включалось и золото, которое должно было быть выслано из России. Таким образом, если платежи по закупкам вне Соединенного королевства достигали 20 млн. ф. ст., то золото высылалось на 8 млн. ф. ст., а билеты казначейства учитывались на 32 млн. ф. ст. Подтверждалось, что суммой сбереженного золота российское правительство «сможет свободно распоряжаться по своему усмотрению»¹¹⁹.

Накануне рождественских праздников Комитет финансов вынужден был в спешке обсудить вопрос о финансовой операции в Англии. Несмотря на праздники, решение Комитета финансов было незамедлительно доложено Николаю II 26 декабря 1914 г. и утверждено им¹²⁰.

Первоначальное решение, принятое Комитетом финансов не совпадало с английскими условиями. Однако после некоторых раздумий Комитет финансов

признал предложенную Англией финансовую операцию приемлемой, но с небольшой оговоркой: «в этом смысле, что поскольку учет бонов будет производиться для платежей Англии, высылка золота не требуется». Вопрос о золоте оставался открытым и должен был быть «обсужден лишь тогда, когда окажется необходимым произвести платежи вне Англии и в зависимости от сумм таких платежей»¹²¹.

Такое решение не удовлетворило англичан, и вопрос фактически остался не разрешенным, подвергаясь дальнейшему обсуждению в дипломатической переписке.

Вопрос о финансах становился все острее и запутаннее. Требования со стороны России возрастали с каждым разом все стремительнее. Причем и другие союзные государства, такие как Франция, также неоднократно обращались к английскому денежному рынку. В то же время перед российским министерством финансов возникла необходимость финансировать прави-

69

тельства Сербии и Бельгии, а иностранной валюты в государстве не было. В этой обстановке Англия нашла «своевременным и полезным созвать в Лондоне представителей России, Франции и Англии, чтобы обсудить каким образом союзные правительства могли бы обеспечить для себя финансовые

122

средства для ведения войны .

Сообщив о предстоящей конференции министров финансов стран- участниц коалиции, А.К. Бенкендорф торопил российское правительство с решением вопроса о займе в 40 млн. ф. ст. еще до начала конференции. Но внутренние распри не позволили оформить эту сделку до приезда П.Л. Барка в Лондон. При этом была достигнута договоренность о дальнейшей ссуде в 20 млн. ф. ст., но ее расходование началось лишь в 1915 г.

В конечном итоге, до конца 1914 г. Россия получила от Англии 12,5 млн. ф. ст., за которые на 8 млн. ф. ст. было вывезено золота. Российское правительство было не совсем удовлетворено результатами своего первого кредита в Англии, но оно не могло отрицать его значимость. Поскольку только Великобритания

обладала достаточными средствами для того, чтобы позволить себе ссужать значительные суммы денег своим союзникам по коалиции. Только английское правительство могло дать России те средства, которые были так необходимы ей для размещения военных заказов в США и Японии.

Таким образом, в связи с необходимостью массовых закупок в США и Британии, роль главного кредитора России окончательно перешла от Франции к Англии. Наступила новая эра финансового сотрудничества Великобритании и России.

Глава II. Англо-русские финансовые отношения в разгар Первой мировой войны

§1. Новая фаза финансового взаимодействия союзников. Переговоры министров финансов в Париже и Лондоне в 1915 г.

С наступлением 1915 г. финансовое сотрудничество союзников в лице Великобритании и России вступило в новую фазу.

Парижская конференция министров финансов стран Согласия¹, созванная в конце января 1915 г. по личной инициативе Д. Ллойда Джорджа, занимавшего пост канцлера казначейства в кабинете Г. Асквита, должна была стать «отправной точкой межсоюзнического единения в вопросе финансовой взаимопомощи другим, кроме Франции и Англии, союзным с ними странам»². Россия, как раз попадала в число «других» стран, заинтересованных в скорейшей помощи союзников, и, прежде всего - Великобритании. Вот почему личное присутствие российского министра финансов, на котором настаивали его зарубежные коллеги, имело архиважное значение.

С российской стороны, помимо П.Л. Барка, в переговорах принимали участие: директор общей канцелярии министра финансов С.Г. Федосеев, директор департамента таможенных сборов С.А. Шателен, вице - директор кредитной канцелярии К.Е. фон Замен и российский финансовый атташе А.Г. Рафалович. Французскую сторону представлял А. Рибо, а так же управляющий Французским банком Пален и его заместители Хем и Сержан.

До начала конференции ни российское, ни французское финансовые ведомства ничего не знали о том, какие вопросы предложат их вниманию орга-

низаторы этой встречи - уполномоченные представители английского казначейства - Д. Ллойд Джордж и управляющий Английским банком лорд Кенлифф.

Однако перед её началом Д. Ллойд Джордж лично посетил российского министра финансов П. Л. Барка и главу французского финансового А. Рибо и имел с ними частную беседу. Прекрасно понимая, что каждый из приглашённых министров в ходе встречи, несомненно, будет вести свою собственную

71

игру, «канцлер шахматной доски» тем самым подготовил благоприятную почву для дальнейших переговоров.

Конференция начала свою работу с заявления г-на Рибо о том, что министры должны приложить максимум усилий для того, чтобы прийти к какому-либо конструктивному решению. В противном случае, «публика будет крайне разочарована, чем не замедлят воспользоваться враги Согласия».³ Такое заявление, сделанное им в самом начале переговоров, не могло не отразиться на дальнейшем ходе дискуссии.

Основные вопросы, вынесенные на рассмотрение в ходе конференции, касались, прежде всего - «возможности предоставления Англией кредита своим союзникам по коалиции, оказание финансовой помощи дружественным нейтральным государствам, необходимости поддержания золотого запаса Британии на должном уровне»⁴, наравне с золотыми запасами Франции и России.

Первые разногласия возникли по вопросу о международном займе. Идея этого проекта принадлежала главе французского финансового департамента А. Рибо, и сводилась к тому, чтобы выпустить общий заем союзников, за счёт которого можно было бы оплачивать военные заказы. Но Д. Ллойд Джордж и лорд Кенлифф выступили категорически против подобного займа, поскольку его сумма должна была быть непомерно большой (по его собственным оценкам не менее 700 млн. фунтов стерлингов). «Такие деньги нельзя найти за один раз»⁵, - считал английский министр финансов. К тому же, добавил он, английская публика скорее подпишет на «свой» заем, нежели на международный. У Д. Ллойда Джорджа были все основания ожидать большого провала «столь сомнительной акции», особенно у себя на родине. Даже Великобритания, «самое мощное в финансовом

отношении государство в мире»⁶, не могла самостоятельно справиться со всеми финансовыми трудностями, с которыми встретился Английский банк в связи с военными расходами и постоянным ростом государственного долга. Принимая во внимание все преимущества «внешнего кредитования», как почти единственного источника

72

средств для воюющих государств, английское правительство при этом стремилось избежать участия в очередной «финансовой авантюре» союзников. Иными словами, Англия отвергла проект коллективного займа.

П.Л. Барк, обратив внимание на большое «моральное значение» декларации о коллективном займе, тем не менее, поддержал Д. Ллойд Джорджа и согласился, что такой заем «несвоевременен» и «столкнётся с практическими трудностями». Он предложил отложить вопрос о займе до окончания войны. До тех пор, пока не прояснится ситуация с финансовыми возможностями союзников. А. Рибо вновь возразил, сославшись на непредсказуемость послевоенной финансовой ситуации, а декларацию о послевоенном займе счёл не менее опасной, чем заявление о немедленной совместной финансовой операции союзников.

После непродолжительных прений по поводу коллективного займа, дискуссия плавно перешла в плоскость межсоюзнических расчётов России.

П.А. Барк, прибывший в Париж с твёрдым намерением добиться от союзников полного «финансового взаимопонимания», надеялся получить от Англии и Франции 100 млн. ф. ст. как минимум, для того, чтобы Россия могла «оплатить свои заказы и купоны всех своих внешних займов». Требуя от союзников материальной помощи в преодолении сокращения долгов от экспорта, П.Л. Барк возлагал свои надежды, прежде всего, на финансовые возможности Англии. Однако Д. Ллойд Джордж вскоре развеял его надежды, заявив, что свою помощь он окажет в размере, равной французской помощи и ни центом больше. Ранее, ещё в декабре 1914 г., советник французского посольства в Лондоне Э. де Флерио уже предупреждал Российский МИД о том, что «Британское правительство не может возобновить свои авансы России и, что Россия, если ей потребуются в марте или апреле новые суммы, должна будет обратиться к Франции..»⁸.

В сложившейся ситуации оставалось одно, уповать на дипломатическое искусство самого П.Л. Барка. Когда снова возник вопрос о ссуде в 100 млн. ф. ст., российский министр финансов знал, что это его последний шанс до-

73

биться положительного ответа со стороны союзников. Дело было за малым - убедить несговорчивых министров в своей правоте. Узнав о соискаемой сумме в 100 млн. ф. ст. - А. Рибо счёл её слишком завышенной и заявил, что Франция не сможет оказать своей союзнице помощь в подобном размере⁹. Россия должна снизить свои притязания до 80 млн. ф. ст. Такую же сумму обещал предоставить в распоряжение П.Л. Барка Д. Ллойд Джордж. Однако сам российский министр счёл ссуду в 50 млн. ф. ст. «недостаточной» и обратил внимание А. Рибо на крупные пакеты российских государственных бумаг, находящихся в руках французских властей.

В результате английский и французский министры финансов согласились предоставить России в равных долях заем в 25 млн. ф. ст. каждое. Заем предоставлялся России из расчёта 5% годовых в виде учета банком Франции 3-х месячных обязательств французского казначейства, депонированных на счета российского правительства. Пока, что сумма в 100 млн. ф. ст. была признана теоретической, ибо, чтобы её получить, необходимо было разместить займы. До этого российское правительство реально получило 50% своей заявки. Информировав представителя Совета министров о заключённом соглашении, П.Л. Барк особенно подчёркивал, что кредиты предоставляются «без всякой посылки золота»¹⁰. Необходимость высылки золота могла последовать «только в случае усиленного наплыва в Английский банк требований на золото..., но в определённом размере, и, во всяком случае, совместно с Французским банком».

В депешах, направленных в Петроград и Лондон М. Палеологу и П. Камбону, министр иностранных дел Франции писал, что соглашение о займе достигнуто «после долгой дискуссии»¹¹.

Наравне с «русским вопросом», не меньшего внимания со стороны присутствующих потребовал последний пункт повестки дня, а именно соотношение золотых запасов стран-участниц коалиции.

Д. Ллойд Джордж, а в его лице и всё английское правительство, занял в этом вопросе непоколебимую позицию, сводившуюся к требованию поддержания золотого запаса его страны на определенном уровне.

Как известно, Великобритания в годы войны выходит на первые позиции по сосредоточению финансового капитала. В июне 1914 г. Лондон, перехватив инициативу у Парижа, «становится основным финансовым центром мира»¹², а Англия в свою очередь - «главным кредитором союзников»¹³.

Но, несмотря на видимое финансовое благополучие и исключительную возможность «оплачивать в течение 5 лет ... огромные военные издержки процентами с капитала, вложенного ... в заграничные предприятия»¹⁴, английское правительство все же было крайне обеспокоено состоянием своего золотого рынка.

Выступая с докладом 15 сентября 1914 г. в Палате Общин Д. Ллойд Джордж недвусмысленно подчеркнул, что, невзирая на то, что «запасы нашего золота значительнее, чем когда-либо в истории страны ... мы должны беречь свое золото, чтобы у него не выросли крылья, и оно не улетучилось в чужой улей»¹⁵.

В сложившейся ситуации у Великобритании было два выхода: используя свои существенные денежные средства, она «могла купить и начать разработку новых золоторудных шахт, либо потребовать обеспечения золотом кредиты, данные союзникам»¹⁶. С учетом всех «за» и «против» вторая позиция представлялась наиболее выгодной в свете значительного уменьшения торгового баланса Англии в указанный период. При этом союзная помощь была крайне важна в случае, «если бы золотой запас уменьшился до определенных размеров»¹⁷.

Согласно официальным данным, к моменту начала конференции, золотая наличность была распределена между союзниками следующим образом: Французский банк имел запас в размере 168 млн. ф. ст., Государственный банк России - 150 млн. ф. ст., а Английский банк всего лишь 90 млн. ф. ст.¹⁸

Поскольку Англия по размерам своего золотого запаса оказалась на последнем месте, то канцлер казначейства предложил своим коллегам оказать посильную помощь Английскому банку в столь «затруднительном положении». Напомнив о дружеском отношении Лондонского Сити к нуждам союзных держав,

английская делегация во главе с Д. Ллойд Джорджем всячески настаивала на принятии своей программы.

Согласно английскому проекту необходимо было организовать на время ведения войны «Особый фонд», из которого страны Согласия наравне с Англией смогли бы получать ссуды для оплаты своих военных закупок за границей. Если же ресурс фонда понижался под влиянием тех или иных обстоятельств, он должен был покрываться из имеющейся наличности золота в союзных банках «пропорционально сумме наличности данной страны». Фактически, это значило, что убыль золота в Английском банке должна была делиться на три части, и две из них должны были восполняться за счет золотого баланса России и Франции.

Предложенный англичанами план не встретил должного понимания со стороны союзников.

Глава французского финансового департамента А. Рибо сразу же отверг подобный проект, сославшись на то, совсем небезосновательно, что страны-участницы коалиции имеют разные денежные системы. Денежный рынок Франции и России находится в прямой зависимости от золотой наличности. Она служит своеобразной гарантией внутреннего и внешнего кредита правительства, т. к. эти государства с началом войны «перешли к бумажному денежному обращению»¹⁹, в отличие от Англии, где сохранился прямой размен банкнот на золото. В связи с этим, как сообщал П.Л. Барк в своих донесениях министерству финансов России, А. Рибо категорически отверг подобную перспективу финансовой взаимопомощи союзников, опасаясь тем самым подорвать основы французского государственного кредита.

Вопреки этому, Д. Ллойд Джордж и глава Английского банка лорд Кен-лифф всячески старались настоять на своем. Даже во время неофициальной

76

встречи П.Л. Барка с Д. Ллойд Джорджем, последний намекнул, что «помощь золотом в минуту реальной опасности является для него краеугольным камнем соглашения и, что он готов уехать ни с чем, если французы на это не пойдут»²⁰.

Несмотря на упорное сопротивление союзников, фортуна вновь оказалась на стороне англичан. Д. Ллойд Джорджу, умело использовавшему свои

дипломатические способности, все же удалось разрешить вопрос о золоте в свою пользу. Первым на компромисс пошел российский министр финансов П. Л. Барк, что, впрочем, неудивительно.

Российская империя крайне остро нуждалась в финансовой помощи со стороны Англии. Война затягивалась, а расходы увеличивались ежедневно. Единственной гарантией получения кредитов и выпуска государственных займов в союзных державах могло служить лишь их золотообеспечение. Но даже под давлением обстоятельств П.Л. Барк был не согласен пойти на «обезличивание золотых запасов союзников», их механическое слияние. Он согласился на предложение Д. Ллойд Джорджа, но с некоторыми оговорками.

Было установлено, что помощь золотом Английскому банку будет оказана лишь в том случае, если «его золотая наличность сократится в ближайшие шесть месяцев более чем на 10 млн. ф. ст., включая 20 млн. ф. ст. с гарантией запаса, и будет ниже 80 млн. ф. ст., тогда два других банка пополнят запас золота в пределах до 6 млн. ф. ст. каждый»²¹.

Согласно настояниям министра финансов П.Л. Барка, «Россия не могла продать это золото Англии, а лишь на время одалживает его, и оно должно быть возвращено через год по окончании войны как актив Государственного Банка»²². Такое положение давало формальное право числить указанное золото в балансе Государственного Банка и выпускать под него бумажные деньги²³.

В результате дополнительного обсуждения, в ходе которого П.Л. Барк поддержал идею Д. Ллойд Джорджа, А. Рибо ничего не оставалось, как согласился с этим предложением.

Таким образом, английская точка зрения, сводившаяся к тому, чтобы английские кредиты, предоставляемые союзникам по Антанте, подкреплялись их золотом, возобладала. Д. Ллойд Джорджу удалось не только укрепить «союзнические узы», но и обеспечить возможность поддержания золотого запаса Соединенного Королевства на постоянном уровне.

В конечном итоге было провозглашено о финансовой и экономической солидарности союзников, ввиду того, что «только единение финансового фронта

наравне с военным позволит участникам коалиции достичь лучших результатов в борьбе против общего врага»²⁴.

Тема Парижской конференции получила широкую огласку в английской и французской прессе. Результаты конференции с точки зрения создания условий для победы над врагом оценивались в передовой союзнической печати очень высоко. Передовые полосы газет пестрели заголовками о финансовой солидарности союзников и окончательном оформлении «Финансовой Антанты». Французская «Temps» напечатала отклики английской и русской печати, в том числе и слова Д. Ллойд Джорджа, заявившего сотруднику «The Daily Telegraph»: «Все союзники удовлетворены соглашениями. Повторяю все, а не только Англия»²⁵.

Парижская конференция стала знаковым событием в отношениях союзных держав. Соглашение трёх министров финансов стран - участниц коалиции окончательно закрепило руководящее положение Англии в финансировании России.

Хотя, по сути дела, английские кредиты всегда имели для царского правительства первостепенное значение, т. к. они шли не для оплаты процентов по довоенным долгам, как французские, а главным образом для оплаты военного снаряжения и оборудования в самой Англии, США и ряде других нейтральных стран.

Поэтому, когда очередной английский аванс был скоротечно израсходован, российскому правительству ничего не оставалось, как вновь искать поддержки у английского казначейства, т. к. иссякший источник валюты нечем было заменить.

В подтверждении слов о непосредственном участии Англии в финансировании Франции, показательным будет пример о событиях апреля 1915 г., когда А. Рибо и Д. Ллойд Джордж договорились о предоставлении Франции значительных кредитов в общей сумме 62 млн. фр. Большая часть суммы - 50 млн. фр., предусматривалась для платежей в США и Канаде, а французское правительство в качестве гарантии обязалось продать в Англию значительное

количество золота, в размере 2/5 от суммы платежей за границей. В целом, с 7 мая 1915 г. по 2 мая 1916 г. - Франция вывезла в Лондон золота на сумму ^{л/} 884,6 млн. фр. Предоставленные факты сводят на нет некоторые высказывания российских сановников о том, что Франция не вывезла в обеспечение своего займа «ни одного соверена» и, что «требуя золото, с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники»²⁸.

Ошибочность подобных суждений не случайна и имеет под собой реальную почву. Дело в том, что зародившиеся в годы Первой мировой войны в среде представителей высшей российской бюрократии и впоследствии перешедшие в советскую историографию суждения о том, что вывоз золота за границу - исключительно «русское явление»²⁸, якобы демонстрирующее подчинённое положение России к её западным союзникам, лишь от части соответствовали действительности.

Вероятно, сторонники этой точки зрения упустили из вида один очень важный факт, зафиксированный документально на Парижской конференции союзников января 1915. Именно там была достигнута трёхсторонняя договорённость о «желательном» вывозе золота в Англию²⁹. Опираясь на этот документ, мы, соответственно, не можем расценивать действия англичан как очередную прихоть или желание унижить «русского союзника». Что же до вывоза французского золота за границу, то эта тема представляет для нас

79

второстепенное значение и рассматривается в данном контексте лишь в качестве иллюстративного примера союзных обязательств.

Тем временем финансовые отношения Англии и России по-прежнему продолжали динамично развиваться. Союзная близость, поддерживаемая обоими монархами на политическом уровне, дала свои результаты.

20 марта 1915 г. английское правительство подписало секретное соглашение с Петроградом. Оно признавало право России на аннексию Константинополя, владение Босфором и Дарданеллами, половиной турецких владений в Европе³⁰ в

случае сохранения права официального Лондона на любой желательный ему вариант раздела Османских владений.

По сути дела, описываемое событие стало последней «хорошей новостью» для России.

1915 год - обернулся кровавой драмой для русского народа. Он ознаменовался крупнейшими поражениями русской армии, потрясшими царское правительство и приведшими к хозяйственному кризису и резкому изменению в общественном настроении. Впервые часть общественного мнения России стала прямо или косвенно выражать ту идею, что Франция и Британия будут вести войну до последней капли русской крови. Растущие антивоенные чувства неизбежно стали частью «национального мятежа» против союзников. При этом русский капитализм стал мишенью народного возмущения отчасти и потому, что он был самым западным элементом российского общества. Славянская душа снова показала традиционную необъяснимую лёгкость перехода от восторга бывшими кумирами к их публичному клеймению. В России, по словам Дж. Бьюкенена, «негативное чувство против нас и французов распространилось столь широко, что мы не имели права терять время, мы должны предоставить доказательства, что мы не бездействуем в ситуации, когда немцы переводят войска с западного на восточный фронт»³¹. Именно в это время начальник английского генштаба генерал Робертсон высказал своё предположение о возможных последствиях дальнейшего промедления союзников на западном фронте. Больше всего он боялся, что если англичане и

80

французы в кратчайшие сроки не выступят на западном фронте, у русских будут все основания рассмотреть возможность заключения сепаратного мира с Германией. Именно в эти злосчастные дни в умах многих российских граждан зародились те идеи, которые воплотились в кровавой драме октября 1917 года. Но уже сейчас французский посол Морис Палеолог одним из первых ощутил начало новой эпохи в российской истории. Он писал в своих воспоминаниях, что «русские начали терять свою привычную моральную восприимчивость», и «они готовы к бунту против всего, лежащего за их западными границами»³².

Несмотря на всю видимую безысходность сложившейся ситуации, Российская Империя была всё же не единственным государством, понесшим может не столь колоссальные, но, тем не менее, значительные потери. Осень 1915 г. оказалась несчастливой для всей антигерманской коалиции. Обескураживала сама статистика. Русские гибли в Галиции, англичане - у Лосса, а французы в Шампани. Новый союзник коалиции - Италия, не осталась безучастной и прошла жестокое боевое крещение у реки Изонцо. Только в конце ноября 1915 г. русским удалось стабилизировать свой фронт. Союзники тем временем готовили план совместного наступления на западном фронте, намеченного на лето 1916 г.

Для возмещения людских потерь русское командование мобилизовало свыше 5 млн. человек, при этом, оставив нерешённой главную проблему ведения этой войны - нехватку вооружения.

Для того чтобы сохранить боеспособность многомиллионной русской армии необходимо было вооружение. Одновременно с попыткой мобилизовать хозяйство и более широко использовать внутренние ресурсы, правительство вынуждено было обратиться к рынкам Англии, США и Японии, а также союзным странам, которым выдавались огромные заказы на оружие, взрывчатые вещества, автомобили, моторы, станки, предметы технического снабжения. В этой связи, по мнению генерала А.А. Маниковского, «были действительно неизбежны огромные расходы»³³.

Царское правительство приложило все усилия, чтобы стабилизировать обстановку. По его настоянию, министерство финансов поручило П.Л. Барку добиться очередного аванса у союзников на вооружение армии.

Глава финансового ведомства России незамедлительно приступил к реализации намеченного. П.Л. Барк обратился с личным письмом к английскому послу Дж. Бьюкенену, в котором просил поддержать его просьбу перед английским правительством об отпуске нового аванса в 30 млн. ф. ст. По расчётам российского министра финансов, этого аванса хватило бы на первое время для оплаты счетов, до окончательного решения вопроса на новом совещании трёх министров финансов, которое разрешит «все вопросы финансового порядка»³⁴.

Однако английская сторона не дала однозначного ответа. Открытие аванса в 30 млн. ф. ст. требовало доверительного отношения сторон. Несомненно, у Великобритании не было никаких оснований не доверять своему восточному партнеру и верному союзнику, но любые деловые отношения выстраиваются по принципу: «Доверяй, но проверяй». Согласиться на открытие аванса без получения каких-либо гарантий с заинтересованной стороны было бы верхом безрассудства. Телеграммы А.К. Бенкендорфа и Рутковского были проникнуты безнадежностью. Они считали, что на получение аванса без новой высылки золота нечего было рассчитывать, а П.Л. Барк просил разъяснить союзникам, что эта отправка поставить российское правительство «в очень затруднительное положение»³⁵.

В качестве альтернативы английское правительство предложило русским поучаствовать во взаимовыгодном деле, которое позволило бы сгладить существующие финансовые противоречия между ними.

Как уже отмечалось ранее, ситуация на английском финансовом рынке была не простой. Английская экономика в одночасье могла оказаться на пороге серьезного финансового кризиса, выход из которого был возможен лишь путем размещения большого займа в США, реализация которого требовала высылки английского золота.

В августе 1915 года в Булони состоялась встреча министров финансов Великобритании и Франции Р. Мак - Кенны и А. Рибо, при активном участии управляющих Французским и Английским банками. В ходе этой встречи было подписано соглашение с Французским банком об «авансе каждым из них 40 млн. золотых ф. ст. для отправки в

США». Во исполнение Булонского соглашения англичане вели в Америке переговоры о заключении большого займа на несколько миллионов фунтов стерлингов для общих нужд союзников. Предполагалось, что для его успешной реализации потребуется высылка золота в Америку в сумме 120 млн. ф. ст. или по 40 млн. ф. ст. от каждого государства. Этот заем должен был явиться источником финансирования заказов не только в США, но и во Франции и Англии.

Англия дружески приглашала Россию принять посильное участие в этой операции, внося свои 40 млн. ф. ст. золотом, тем самым, обеспечив себе возможность получить необходимый аванс в 30 млн. ф. ст. Как сообщалось в правительственной телеграмме, выручка от займа должна была быть разделена между союзниками пропорционально высланному каждой страной золоту.

26 августа 1915 года С.Д. Сазонов телеграфировал А.К. Бенкендорфу о принятом положительном решении Комитета финансов в пользу высылки золота и известил, что через три дня П.Л. Барк выезжает в Лондон. Согласие России на высылку золота побудило английское правительство срочно открыть России просимый П.Л. Барком кредит, т.е. аванс, в сумме не превышающий 30 млн. ф. ст.³⁷ Правда, делалась оговорка о том, что этот кредит отпускается на срок до «дня приезда Барка в Лондон». В случае платежей в США по заказам, сделанным не через английское военное ведомство, российская сторона должна была представить точные сведения о сроках и размерах таких уплат. Выявилась необходимость создания единой союзнической финансовой программы.

В сентябре 1915 года в Лондоне состоялась вторая встреча министров финансов стран Согласия. В ходе переговоров были подписаны отдельные

83

финансовые соглашения России с Англией и Францией. В отличие от соглашения января 1915г., теперь распределение кредита было установлено в размере не 50% на каждую союзницу, а подавляющую часть средств давала Англия. Каждое союзное государство открывало России самостоятельный кредит.

Первыми начались переговоры с новым английским канцлером казначейства Р. Мак - Кенной, сменившем на этом посту в апреле текущего года Д. Ллойд Джорджа. Они протекали в напряженной обстановке и обнаружили серьезные расхождения в заявлениях министров финансов. Российский министр финансов выступил с предложением выпустить на французском и английском финансовых рынках русские займы в 550 млн. руб. и 300 млн. руб.,

соответственно, а также с очередной просьбой открыть России кредит в 240

млн. ф. ст. под выпуск новых бумажных рублей .

Сущность позиции Р. Мак - Кенны, в изложении П.Л. Барка, сводилась к следующему:

«1. открытие кредита связывалось непосредственно обязательной высылкой золота;

2. золото должно было идти на покрытие наших заграничных платежей, сокращая на соответствующую сумму необходимые кредиты, составляя для нас прямой расход, т.е. утрату желтого металла и соответственное сокращение эмиссионного права Государственного банка;

3. открытие кредитов рассчитывалось не более чем на 6 месяцев;

4. открытие кредита для обеспечения выпуска кредитных билетов принципиально отвергалось»³⁹.

В ходе переговоров разногласия сторон по финансовым проблемам сгладить так и не удалось, но англичане прекрасно понимали, что предоставление кредитов являлось единственной возможностью сохранить Россию на стороне Антанты. П.Л. Барк привез убедительные данные о том, что военные заказы за границей в 1914-1915 гг. достигали почти 2,8 млн. руб. Поэтому требование П.Л. Барком кредитов в количестве 3 млрд. руб. на год только

84

покрывали реальные заказы. Что же касается кредитов для поддержания денежного обращения в России, то они были не столь обременительны для английского правительства, поскольку речь здесь шла о чисто бухгалтерской операции. Говоря о самом болезненном вопросе для российского министра финансов - вывозе золота, то и здесь наблюдались определенные сдвиги. П.Л. Барк приехал в Лондон с принципиальным согласием своего правительства на вывоз золота эквивалентного 40 млн. ф. ст. Поэтому нам кажется, что П.Л. Барк несколько преувеличивал трудности переговоров, чтобы оттенить перед Императором и Советом министров достигнутый успех. По документам невозможно проследить весь ход переговоров и той борьбы, которая происходила. Об этом не сохранилось даже свидетельских показаний участников.

При этом английский канцлер казначейства Р. Мак - Кенна стремился убедить русских, да и французов в том, что в сопоставлении со своими союз-

никами, британская нация «прилагает более мощные национальные усилия», нежели ее ближайшие союзники. Финансы страны - результат столетних усилий, всей своей мощью поставлены на службу коалиции. Для дальнейшего сохранения статуса банкира Антанты, Лондон потребовал предоставить Английскому банку русское золото в качестве гаранта в случае открытия России кредита. Русская сторона всячески стремилась избежать этого. Противоположные точки зрения двух министров финансов мешали переговорному процессу.

По воспоминаниям П.Л. Барка, переговоры были «очень трудными и напряженными». Если предшественник Р. Мак - Кенны на посту канцлера казначейства, по мнению российского министра, отличался «желанием поставить себя на место собеседника и понять его доводы», то Р. Мак - Кенной руководило только стремление «оградить интересы английского государственного казначейства». «Новый глава английского финансового ведомства, - писал П.Л. Барк, - придерживался тех взглядов, что Россия должна была поставлять все пушечное мясо для международной бойни, тогда как Англия готова была взять на себя поставку боевого снаряжения и открытие заграничных кредитов»⁴⁰.

Разумеется, столь категоричные и субъективные выводы П.Л. Барка относительно профессиональных качеств нового главы английского казначейства не имели никакого влияния на переговорный процесс.

Тем более, что после более детального ознакомления с взаимными претензиями сторон, было подписано долгожданное соглашение.

Согласно англо-российскому финансовому соглашению от 30 сентября 1915 года, Англия открывала России кредит в размере 300 млн. ф. ст., по 25 млн. ф. ст. каждый учетный месяц на военные нужды, а Россия обязывалась выпустить облигации министерства финансов, купить облигации Английского банка, держа наготове 40 млн. ф. ст. желтого металла на оплату экспорта из США.

Новый кредит открывался под обязательства российского государственного казначейства и обходился российскому правительству на 1 % выше нормального учетного процента Английского банка. Действие кредита было рассчитано на 6 месяцев, а именно с 1 октября 1915 г. по 1 апреля 1916 года. В соглашении было

отмечено и то, что выполнение Англией обязательств по предоставлению России кредитов в условленном объеме распространялось только на полгода, до апреля 1916 г., а с апреля по сентябрь 1916 г. выполнение соглашения напрямую зависело от состояния английского кредита в Америке, «от возможности для английского правительства располагать средствами платежа в Америке, достаточными для покрытия всех тех обязательств союзных правительств в Америке, покрытие которых взяло на себя английское правительство»⁴¹.

Второй важнейший пункт соглашения касался обязательств России в части вывоза золота. В своей телеграмме Совету министров России П.Л. Барк писал: «Высылка золота обусловлена не в соответствии с кредитами, а в виде неопределенной операции и для надобности американского рынка, причем золото посылается в Америку по мере действительной надобности в равных

86

частях с Францией и Англией... . В отличие от соглашения с Францией, русское золото дается только на время. Оно покупается у нас Англией в обмен на ее обязательства, которые подлежат оплате золотом в течение пяти лет, независимо от того, будут ли к тому времени погашены наши долги или нет. Таким образом, высылка золота нашего обеспечения кредитных билетов в золоте, так как оно заменяется английскими обязательствами, подлежащими оплате золотом»⁴². Такова была редакция П.Л. Барка условий англороссийского финансового соглашения 1915 г. Комментируя соглашение, министр финансов пытался убедить членов российского правительства в том, что в будущем это золото можно вернуть и, что его вывоз никоим образом не отразится на эмиссии Государственного банка.

По новому финансовому соглашению 1915 г. российское правительство давало обязательство вывести золото в количестве 400 млн. руб., однако с оговоркой о том, что до 31 марта 1916 г. к России не будет предъявлено требование вывести золото свыше 200 млн. руб., а остальные 200 млн. руб. нужно было выслать в течение следующего полугодия.

Кроме того, английское правительство согласилось отпустить кредит в 250 млн. ф. ст.⁴³ для увеличения эмиссии Государственного банка России и стабилизации курса рубля. Эта мера отвечала интересам российских банков и

одновременно преследовала целью поддержание курса рубля. Схема реализации проекта сводилась к тому, что российские банки, участвующие в соглашении, должны были передать в Государственный банк трехмесячные стерлинговые чеки на английские банки и фирмы, задействованные в проекте. Пересланные Государственным банком в Англию, эти чеки должны были быть завизированы Английским банком, который должен был их рассматривать «как английские банковские обязательства с целью дисконта»⁴⁴. Русские казначейские обязательства должны были быть оплачены в течение года после окончания войны, комиссионные оплачивались в размере 0,5 % ко времени учета обязательств. Размер операции и ее детальные условия длительное

время хранились в тайне. Такой кредит давал консорциуму российских бан-

87

ков выписывать траты на английские банки. Последние должны были оплачиваться в Великобритании и свободному обращению на петроградском денежном рынке не подлежали. Субъектами данного соглашения были лишь благожелательное отношение к соглашению со стороны министерств финансов двух стран. Гарантия российского правительства английским банкам в отношении предоставленных в кредит средств позволили соглашению осуществиться.

Только после получения возможности управлять столь внушительной по российским масштабам суммой, министерство финансов предприняло наиболее решительные действия по повышению валютного курса рубля, как в России, так и на ведущем мировом денежном рынке - в Лондоне. Для реализации намеченных планов произошло долгожданное объединение государственного капитала с представителями частных банкирских домов России.

В случае с основным кредитом английское правительство проявило невиданные способности государственного контроля. Оно строжайшим образом следило за сроками платежей и поставок. Этапы расходования кредита были тщательно прописаны в соглашении. В Лондоне была создана специальная комиссия «англо-российских экспертов» по надзору за поставками в Россию. Полученные Россией кредиты полностью использовались для оплаты контрактов в сделках с Англией, США, Канадой, а также частично с Японией, для чего на

каждый заказ российское правительство выдавало Англии особое удостоверение в том, «что соответствующие предметы требуются для его нужд», а об условиях заказа и оплаты ставилось в известность английское правительство. Российское правительство самостоятельно не имело права пользоваться английским кредитом хотя бы в какой-либо части для платежей во Франции, для закупки иностранной валюты с целью продажи ее в России. Американская валюта покупалась исключительно при непосредственном участии английского правительства. Если же существовала такая необходимость произвести платежи по заказам, ранее размещенным в странах, не оговоренных в соглашении, требовалось одобрение такого платежа соответст-

88

вующим английским учреждением. Незапланированные платежи российское правительство могло произвести только в «особых случаях», после изучения контрактов английскими чиновниками и одобрения их английским финансовым ведомством. Для платежей по новым заказам, заключенным после соглашения, бронировалось ежемесячно менее 1/5 ежемесячного кредита - 4,5 млн. ф. ст., но каждый новый заказ, каждая новая поставка могла иметь место только с одобрения российского представителя в Лондоне генерала Гермонюса и «по совету с компетентным должностным лицом, назначенным английским правительством»⁴⁵. Только платеж процентов по всем видам русского государственного долга, а также по займам, гарантированным российским правительством, производился во всех странах без исключения, кроме Франции. Французское правительство должно было само обеспечить интересы держателей бумаг русских займов. Россия обещала не использовать в биржевой игре кредиты, полученные у Франции. Получалось, что, без ведома своего главного кредитора - Англии, Россия не могла выдать за границей ни одного своего заказа, если речь шла о расходовании английского кредита.

Нельзя полностью оценить соглашение, не приняв во внимание подписанное одновременно с ним 30/17 сентября 1915 г. важное соглашение о порядке размещения русских военных заказов⁴⁶. Необходимость такого соглашения мотивировалась интересами «лучшего согласования их заказов» и достижением в

этом деле экономии. По этому соглашению российское правительство признавало, что «все предложения относительно поставок для России» в Британской империи и США будут рассматриваться в Лондоне, и без одобрения правительственных «экспертов» не будет подписан ни один контракт. Однако такой «эксперт» - представитель российского правительства - не мог действовать самостоятельно. Он был поставлен под контроль должностных лиц английского правительства и особого комитета, учрежденного лордом Китченером при военном министерстве. Все остальные поставки контролировались другим английским органом - специальной международной комиссией по снабжению (Commission Internationale de

89

Ravitaillement), в состав которой Россия должна была назначать компетентного представителя. В действительности получалось, что без согласия названных комитетов Россия не могла выдать за границей ни одного своего заказа, если речь шла о расходовании английского кредита. Таким образом, англичане добились полного контроля не только над расходованием Россией отпущенных Англией кредитов, но и над всеми военными заказами, оплачиваемыми за их счет.

В ходе выработки этого соглашения английское правительство предприняло самую мощную за военное время попытку овладеть контролем над российскими финансами. Практически ему это удалось, управление российскими заказами полностью перешло в его руки.

В целом, за 1915 г. англо-российские финансовые отношения претерпели существенные изменения. Провальные операции российского командования на фронтах позволили Великобритании навязать России свои правила игры. Английская финансовая олигархия окончательно укрепила свои позиции в финансовой системе России.

§2. Лондонская конференция глав финансовых ведомств стран Согласия. Соглашение о кредите 1916 г.

Коалиция стран Антанты планировала на 1916 г. проведение полномасштабных операций на всех фронтах. Россия готовилась к предстоящей военной

кампании со всем упорством, свойственным «восточному исполину». Единственное, что всерьез настораживало ее западных союзников в столь ответственный для всей коалиции период, было нестабильное положение в политической системе страны. Союзников волновал усугубленный войной и разрухой раскол среди русских, ставивший под угрозу не только дальнейшую боеспособность Западного фронта, но и грозящий воистину великими потрясениями всему западному сообществу.

Одним из первых надвигающуюся опасность почувствовал французский посланник Морис Палеолог, записавший в своем дневнике: «...Социальный строй России проявляет симптомы грозного расстройства и распада. Один из самых тревожных симптомов - это тот глубокий ров, та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс»⁴⁷.

Реформируя капитализм, Западу удалось создать достаточно обширный средний класс, который придал обществу необходимую стабильность. Ускоренная капитализация России, наоборот, еще больше поляризовала общество.

Дворянская Россия оказалась слишком далека от России Крестьянской. Возможно, что если бы царскому правительству хотя бы раз удалось провести одну успешную земельную реформу - может тогда бы, политический строй выстоял. В противном случае, социалистические идеи захлестнули крестьянское мышление. В среде простых русских солдат, неотягощенных тяжестью чинов и наград, зарождались идеи дружеского единения с немецким народом, вылившиеся в лозунги о сепаратном мире. Столь вольные настроения не могли не посеять сомнения в рядах коалиции о ненадежности восточного союзника. Сам король Великобритании - непоколебимый Георг V, в своей дружеской телеграмме к «любезному Ники» осторожно намекал на подобную возможность: «...До меня дошли сведения из многих источников..., что германские агенты в России производят большие усилия, чтобы посеять рознь между моей страной и твоей, вызывая недоверие и распространяя ложные сведения и намерения моего правительства. Меня огорчает мысль, что в России могут существовать какие-либо сомнения в искренности и твердости намерения Британии»⁴⁸.

В своем ответе «дорогому Джорджу» Николай II постарался сгладить все сомнения, заявив, что «чувства глубокой дружбы к Англии все более и более укореняются в моем народе, моей армии и флоте», но при этом он признавал, что «конечно, имеются отдельные лица, не разделяющие этого взгляда, но я постараюсь с ними справиться»⁴⁹.

Правда, оказалось поздно начинать борьбу с внутренним врагом, идеи о социальной несостоятельности существующего политического режима слишком глубоко проникли в общественное сознание. По словам, опять того же М. Палеолога, самодержавный царизм стал «географическим анахронизмом».

91

В своих суждениях и оценках западные аналитики боялись только одного - неверно истолковать происходящее. Ошибка в таком деле могла обернуться национальной катастрофой для всего Западного фронта. Осторожность, но не пассивность, стала главным девизом в отношениях союзнических держав. Англия перестала доверять своему восточному союзнику. Притом, что финансовая помощь, оказываемая России, стала ее последней надеждой на благополучное соседство.

В целом, существенно ничего не изменилось. Официальный Петроград вел подготовку к большой военной кампании 1916 г. и надеялся на победу. Оставалось только устранить один существенный недостаток в вооружении и боеприпасах. В связи с этим военное ведомство расширило свои заказы в Японии, Швейцарии и Скандинавских странах. Все эти мероприятия нуждались в финансовом обеспечении. Царское правительство высказывалось за необходимость срочной подготовки нового финансового соглашения с Англией. Но на сей раз, оно было намерено призвать к разработке соглашения те органы и ведомства, которые нуждались в кредитах в первую очередь, и которые уже поняли ранее допущенные ошибки в оформлении финансовых сделок. Основным «потребителем» кредитов являлось военное министерство, которое необходимо было задействовать в подготовке проекта нового договора с Англией.

27 марта 1916 г. под председательством министра финансов П.Л. Барка было проведено совещание с участием представителей от военного министерства. На

этом совещании было постановлено, что хотя английские кредиты, предоставленные до 1 октября 1916 года, не исчерпаны, но распоряжаться ими нельзя, так как они оказались «связанными уже размещенными заказами и назначениями». Спорным оказался вопрос, связанный с суммой будущего кредита. П.Л. Барк не согласился с позицией военных кругов и отклонил их предложение о размере нового кредита в 3,5 млрд. руб. По-видимому, он счел такую сумму непозволительно завышенной.

Бесспорно, война требовала громадных расходов, ее финансирование стоило немыслимых затрат для экономики страны со средним достатком. Цифры говорят сами за себя. Если в 1914 г. затраты на войну составляли 9,5 млн. руб. в день, то к середине 1916 г. - дошли до отметки в 40 млн. руб. в день⁵⁰. Но даже с учетом сложившихся обстоятельств российское правительство не имело никакого права злоупотреблять «щедростью» союзников.

Основываясь на собственном опыте и практике последних шести месяцев 1915 г., П.Л. Барк предложил в качестве альтернативы ограничиться суммой в 100 млн. руб. в месяц, которые позволят поставить ход переговоров «на твердую почву».

Новое соглашение намечалось на год с 1 октября 1916 г. по 1 октября 1917 г. Приблизительная сумма кредита колебалась в пределах 1,7 млрд. руб. По важнейшим пунктам были намечены некоторые уступки, на которые вполне можно было пойти в ходе переговорного процесса. Например, сумму в 2,5 млн. ф. ст. в месяц английское правительство должно было выделить в разных валютах, по указанию министерства финансов, причем этот аванс должен был восстанавливаться по мере его расходования. Против этого пункта была сделана пометка о возможности уменьшения суммы аванса до 15 млн. ф. ст.

Российская Империя была настроена решительно получить «чистые кредиты». Одним из таких кредитов должен был стать кредит на закупку серебра. Английское правительство совсем не хотело отступать от того принципа, что открытый кредит представляет максимальную сумму кредита, и только за счет экономии по старым кредитам возможно удовлетворение других выросших

потребностей России. Прикрываясь этим принципом, оно отводило пока удовлетворение новых и чрезвычайно важных нужд министерства финансов. Между тем, произведенные в России подсчеты показали, что сумма

старых заказов до 1 октября 1916 г. составит около 1,8 млрд. руб., а сумма но- 93

вых заказов уже достигает 330 млн. руб., с учетом заказов Китченера - 2,5 млрд. руб. Основываясь на этих данных, П.Л. Барк попросил К.Е. фон Замена «предпринять самые настойчивые шаги перед английским казначейством для уплаты накопившихся неиспользованных переводов на серебро». П.Л. Барк одновременно просил С.Д. Сазонова поддержать по дипломатической линии шаги, которые предпримет К.Е. фон Замен во исполнение директив министерства. Что касается кредита на оплату закупок серебра, то он, по- видимому, английским правительством был предоставлен, так как этот вопрос в дальнейшей финансовой переписке не фигурирует.

Другие переговоры о свободном кредите в 2 млн. ф. ст. тянулись еще несколько месяцев. 5 мая 1916 г. последовала новая нота, в которой сообщалось о практических мерах, проведенных министерством финансов для контроля рынка валюты, и указывалось, что кредит необходим в целях борьбы с падением курса рубля на международном финансовом рынке. Этот вопрос, по мнению российской стороны, требовал «незамедлительного разрешения» независимо от нового финансового соглашения. Окончательно вопрос был решен в мае 1916 г.

В ходе переговоров среди российских чиновников возникало предложение о том, чтобы англичане оплатили произведенные расходы по закупкам товаров из остатков от годовой суммы общего кредита, а относительно расходов после 1 октября 1916 г. вступить с ними в новые переговоры.

П.Л. Барку вновь пришлось обратиться за содействием к дипломатии. 11/28 апреля 1916 г. А.К. Бенкендорф сообщил о добытых в этом деле результатах. Кроме кредита в 2 млн. ф. ст., российской стороной было достигнуто соглашение о выделении кредитов на металлы, машины, инструменты и медикаменты. Ряд несогласованных вопросов о других поставках А.К. Бенкендорф рекомендовал отнести на будущее и, без промедления, заключить соглашение о кредите в 2 млн.

ф. ст., так как имели место опоздания по предоплате. В результате коллективных усилий министерств финансов и иностранных дел «многие» пожелания П.Л. Барка были удовлетворены. К.Е. фон

94

Замен был уполномочен подписать соглашение с английским правительством по вопросу о ежемесячном кредите в 2 млн. ф. ст. для военных нужд промышленности и торговли, а также об условиях использования этого кредита. На согласование вопроса в чрезвычайных военных условиях потребовалось еще 7 месяцев. Предоставление этого кредита было полезно и необходимо для экономики России.

Большая часть русских военных заказов, проходивших через английский комитет по снабжению, подвергалась строжайшему контролю. И если до 15 апреля 1916 г. российскому правительству иногда удавалось избежать этого, то после истечения срока со «своеволием» российских заказчиков было покончено. Было принято «категорическое требование», в соответствии с которым, заказы должны были оплачиваться за счет английского кредита только при условии, если они были даны через установленные организации и получили одобрение английских властей. Главное артиллерийское управление - основной «потребитель» английских кредитов, предупредило на всякий случай свои учреждения о том, что в случае нарушения установленного порядка выдачи заказов, они не смогут рассчитывать на своевременное получение валюты. Под это распоряжение попадали и частные предприятия.

Что касается франко-российских финансовых отношений указанного периода, то они развивались практически без осложнений. Французское правительство единственный раз обратило внимание российской стороны на неоплату во Франции купонов российских частных обществ. На это последовал ответ российского правительства, где сообщалось, что оно не располагает свободной валютой и, что вопрос будет легко урегулировать, если министр финансов Франции А. Рибо согласится расширить лимиты кредитов, установленных соглашением от 4 октября 1915 г.

Основное внимание в проекте договора было обращено на освобождение от английского контроля при расходовании предоставленного кредита. Об этом не один раз говорилось на заседаниях Комитета финансов, который питал иллюзии смягчить английское влияние на финансовую жизнь государства

95

путем установления долгосрочных финансовых контактов с США, а также путем более широкого привлечения американских капиталов в экономику страны. В данном случае речь шла о возможной смене финансовых приоритетов государства.

Неужели Россия была готова пожертвовать партнерскими отношениями с Англией только для того, чтобы получить «мнимую» финансовую свободу?! Русский характер никогда не отличался терпением, но зачем же менять лошадей на переправе, рушить то, что с таким трудом создавалось?!

В очередной раз у русского народа появился реальный шанс научиться «играть» в настоящий капитализм, а вышло все как всегда. Внешним побудителем возможной американизации российских финансовых связей послужила вера русских в «светлое будущее». Но для правильной оценки происходящего следует несколько глубже заглянуть в «недавнее прошлое».

В 1914-1915 гг. столь звучное слово «Запад» означало для русского обывателя, прежде всего - Францию и Англию. В 1916 г. происходит экономическое чудо, и на мировую арену, благодаря энергичной политике президента В. Вильсона, выходит Америка. Неспешно США входят в состав антигерманской коалиции и начинают прилагать все возможные усилия для того, чтобы встать во главе ее.

Начало процесса выдвижения Америки на российскую дипломатическую и политическую арену совпало с прибытием в Петроград нового американского посла - Дэвида Френсиса⁵¹. Американский президент В. Вильсон ставил перед своими дипломатами задачу не упустить исторический шанс закрепиться на самой высокой вершине мировой экономической пирамиды. Война приближалась к своему апогею, усталость и финансовое ослабление коалиции стали ощутимыми. На этом фоне новая мощь и энергия Америки выглядели более чем убедительно.

У новоиспеченной Америки были все шансы стать законодательницей

нового мирового порядка. Одним из элементов этой грандиозной стратегии было формирование новых, гораздо более тесных отношений с Россией. Це-

96

лью американской дипломатии стало предотвращение посягательств Англии на занятие позиций монополиста на российском экономическом рынке.

Посол Д. Френсис был крайне обеспокоен, с какой настойчивостью «Англия желает, чтобы все внешние сношения России, коммерческого или финансового характера, проходили через Лондон» .

Скорость, с которой английский капитал занимал новую нишу, была внушительна. Д. Френсиса очень беспокоила судьба многомиллиардного российского рынка, уплывающего из американских рук. Говоря об исключительной важности текущего периода, посол предлагал американскому президенту В. Вильсону мобилизовать все, доступные американцам рынки. Одним из таких рынков, по мнению Д. Френсиса, являлась зависимость Британии от американских займов. Одним из наиболее эффективных путей предотвратить вхождение России в британскую зону влияния представлялось ужесточение условий предоставления Лондону кредитов. Не учитывалось только одно - Англия выступала на американском денежном рынке самостоятельно, но, главным образом, она все же предоставляла там интересы своих союзниц - России и Франции.

Подойдя к своей дипломатической миссии в России с безусловной верой природного американца, что «энергия и труд все перетрут», Д. Френсис, тем не менее, проиграл свой первый раунд «чопорным англичанам». Все его попытки подписать американо-российское финансовое соглашение потерпели фиаско. Благодаря тактичной политике российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова царское правительство сохранило здравый смысл и не уступило напору американских «доброжелателей». Россия осталась верна курсу приоритетного положения Англии в финансовой жизни страны.

Англия сыграла не последнюю роль в регулировании валютного курса рубля на данном этапе. С самого начала военной кампании состояние российского денежного рынка определялось устойчивостью курса рубля на Лондонской финансовой бирже, поскольку фунт стерлингов оставался ключевой

мировой валютой, и английскому казначейству удалось осуществить в ко-

97

роткие сроки серию мероприятий, обеспечивающих стабильность национальной денежной единицы. Известно, что по довоенному золотому паритету 10 ф. ст. стоили 94 руб. 57 коп.

К началу 1915 года курс британской валюты в рублевом выражении поднялся до 116 руб.70 коп.⁵⁴, а первая котировка в новом 1916 году стала рекордной для Лондонской биржи за всю историю Первой мировой войны - 155 руб. 70 коп. Положительная динамика начала прослеживаться только тогда, когда Английский банк предоставил России кредит в 10 млн. ф. ст. для ликвидации задолженности российских банков и торгово-промышленных фирм.

Этот кредит на некоторое время задержал процесс падения курса рубля. Положительное значение для выравнивания курса рубля имело и соглашение Государственного банка России с Английским банком об отпуске 8 млн. ф. ст. по трассированному кредиту. Это соглашение дало возможность министерству финансов монополизировать валютные сделки через Расходный отдел (Chamber de Compensation) при Кредитной канцелярии и выровнять котировку фунта стерлингов сразу до 155 руб. 30 коп.⁵⁵ Более того, биржевая сессия в Лондоне дала просто поразительный резонанс - фунт стерлингов в английской столице в рублевом выражении стал дешевле, чем в Петрограде и достиг 149 руб.75 коп. против 151 руб.⁵⁶

Учитывая несколько возрastaвшую потребность в иностранной валюте, П.Л. Барк в мае 1916 года стал с особой настойчивостью зондировать условия нового соглашения с Англией о дальнейших «свободных кредитах». На запросы П.Л. Барка английское правительство дало следующий ответ. Английский банк был готов предоставить валютный кредит в размере 10 млн. ф. ст. для «последующего потребления» на военные нужды при условии, что российская сторона даст некоторые обязательства.

Английский банк будет учитывать краткосрочные обязательства (боны) российского правительства из того же процента, что и предоставленные новые кредиты, которые «министр финансов получит у Казначейства», что, по

заявлению лорда Кенлиффа, составило бы на 1% выше учетной ставки Английского банка в момент получения каждой суммы. В отношении гарантий лорд Кенлифф потребовал, чтобы они были установлены соглашением российского министра финансов с английским казначейством и выражались в виде вклада золота в Петрограде, «с предоставлением Английскому банку права требовать пересылки этого вклада в Лондон по мере возникающей насущной потребности в подкреплении наличности Английского банка». Далее говорилось, что весь вклад будет полностью возвращен России, как только будет погашена вся полученная займы сумма.

Помимо вклада в 30 млн. ф. ст. золотом, англичане потребовали обеспечить остальную сумму кредита ценными бумагами, которые могли быть свободно употреблены Английским банком в США и Голландии для поддержания курса фунта стерлингов⁵⁸.

В отношении поддержания курса рубля России было рекомендовано обратиться к частному банкирскому дому братьев Берингов. Последний апеллировал тем, что без разрешения казначейства он не имеет права выдать аванс свыше 5 млн. ф. ст.

П.Л. Барк был встревожен ходом переговоров. В поданной Комитету финансов записке он гораздо резче, чем когда-либо выразил свое негодование: «Кредитование России у одних только союзных держав становится все более затруднительным и полнейшая наша финансовая зависимость от союзников является чрезвычайно тяжелой, вследствие чего представляется настоятельно необходимым, хотя бы ценой известных жертв, завязать незамедлительно кредитные отношения с Америкой, путем валютной сделки с могущественным синдикатом, которая сможет быть началом дальнейших крупных операций...»⁵⁹.

Итак, П.Л. Барк предлагал сделать первую попытку опереться на США и их капитал против «наших союзников». Все это происходило буквально накануне совещания союзных министерств финансов. Широкий замысел П.Л.

Барка относительно США не был реализован, но все же после этого финансовые отношения с США несколько продвинулись вперед.

Накануне уже указанной нами конференции союзных министров финансов, в странах Антанты побывала российская парламентская делегация, состоявшая из 10 членов Государственного Совета и 10 членов Государственной Думы. В состав делегации входили: А.С. Протопопов, П.Н. Милюков, А.И. Шингарев и др. Естественно, что члены делегации испытывали повышенный интерес не только к предстоящей конференции, но и к вопросам финансовых взаимоотношений с союзниками. Наибольшую активность проявлял считавшийся специалистом по вопросам финансов и бюджета А.И. Шингарев, имевший «специальные» беседы с Р. Мак - Кенной и А. Рибо.

Перед поездкой в Париж А.И. Шингарев, внимательно изучив «нынешнее состояние финансов России», составил для себя и своих зарубежных коллег некое подобие вопросника из тем, «вызывающих наибольшее беспокойство» в России. Всем доподлинно было известно, что представителей русской буржуазной общественности всегда занимал весьма спорный вопрос - почему союзники постоянно требуют высылки золота из России. С этим «недоумением» он и обратился к канцлеру английского казначейства Р. Мак - Кен- не во время своего визита к нему⁶⁰. А.И. Шингарев очень подробно и с большим энтузиазмом говорил о необходимости сохранить золото в России и старался, как можно красочней описать невозможность его вывоза.

При встрече с Р. Мак - Кенной А.И. Шингарев прямо поинтересовался, почему Британия столь настойчиво требует от России высылки золота? На что Р. Мак - Кенна ответил, что «он абсолютно понимает» точку зрения своего собеседника по этому вопросу. Но, увы, обстановка такова, что Англия сама находится в затруднительном финансовом положении, поскольку ее запасы золота не безграничны. И, чтобы уплатить по счетам союзников в США и все Соединенного Королевства, английское казначейство скупает в Лондоне все американские ценности, которые затем оно переводит в Нью-Йорк, но и этот источник постепенно истощается⁶¹. Получается, что помимо золота,

100

вывезенного из России и Франции в Лондон, английское казначейство должно вывести золота на 40 млн. ф. ст. Р. Мак - Кенна четко охарактеризовал свою

позицию: «Мы требуем золото потому, что от нас, его требуют»⁶², другие комментарии здесь просто излишни.

Внимательно выслушав своего собеседника, Р. Мак - Кенна сам стал задавать А.И. Шингареву провокационные вопросы, на которые порой его оппонент не мог найти исчерпывающего ответа. Р. Мак - Кенна поинтересовался, почему такое сильное государство, как Российская Империя, постоянно обращается за деньгами за границу, не сделав при этом всего для мобилизации финансов внутри страны, в частности по линии прямого обложения, которое в России значительно ниже, чем в Англии. «...Пока вы облагаете себя несравненно легче и надеетесь на нашу помощь», - сказал Р. Мак - Кенна. Далее он указал на то, что министр финансов П.Л. Барк еще не выполнил свои обязательства и не выслал и половины того золота, которое он должен был выслать по сентябрьскому соглашению 1915 г. Попытка А.И. Шингарева перевести разговор на новое финансовое соглашение не была поддержана. Его собеседник отделался заявлением, что этим вопросом занимается лорд Китченер, который вскоре прибудет в Россию с особой финансовой миссией.

Передавая содержание беседы А.И. Шингарева, А.К. Бенкендорф счел нужным добавить от себя, что вопрос о золоте, безусловно, «будет одной из крупных трудностей, с которой придется встретиться». Никаких обещаний и заверений об освобождении от высылки золота или предоставлении лучших условий кредита А.И. Шингарев так и не получил. Несмотря на достигнутое общее понимание целей и задач войны, Англия вовсе не собиралась ослаблять своих финансовых требований к России.

Разговор А.И. Шингарева с французским министром финансов А. Рибо был не столь напряженным. Он пытался превратить А. Рибо в своего финансового союзника с тем, чтобы общими усилиями повлиять на английское правительство и заставить его отказаться от его требований на высылку золота. Долгое время французам удавалось это, и они не выполнили Булонского

соглашения о вывозе золота. А. Рибо заверил А.И. Шингарева в своих дружеских симпатиях и готовности оказать посильную финансовую помощь России.

Практически в то же самое время, когда господин А.И. Шингарев пытался добиться от Р. Мак - Кенны ответа на самый глобальный вопрос: «Зачем Англии «русское золото»?», а от А. Рибо финансовой поддержки, министр финансов П.Л. Барк держал речь в Особом совещании по обороне. На сей раз, он очень положительно отзывался о союзной Англии, которая «не только не препятствует нашим поискам кредита в других странах, но всецело приветствует такие поиски»⁶⁴. Кроме того, он опротестовал свое более раннее заявление об американских кредитах. Критикуя финансовую практику США, он высказал предположение, что Америка вообще «не склонна кредитовать ни нас, ни наших союзников»⁶⁵. «В угоду своих интересов она предъявляет к нам слишком стеснительные требования, вроде ипотеки на железные дороги и двойного обеспечения: правда мы получили 25 млн. долл., однако эту сумму пришлось вернуть через несколько месяцев. Англия и Франция разместили в Америке около 1 млрд. руб. военного займа и, кроме того, располагают еще известным запасом скупленных в Европе материальных ценностей, но по исчерпанию этих запасов будут, как и мы, вынуждены платить Америке золотом. При таких условиях возобновление кредитного соглашения с Англией неизбежно...»⁶⁶.

Сообщение П.Л. Барка окончательно определило направление финансовой политики царского правительства на предстоящей конференции.

Конференция четырех министров финансов стран Согласия открылась 1/14 июня 1916 года в Лондоне, что стало уже устоявшейся традицией. В конференции, помимо постоянных представителей - А. Рибо, Р. Мак - Кенны и П.Л. Барка, принял участие итальянский министр финансов - г. Каркано. Кроме того, в Лондон прибыли три министра вооружения: Альберт Тома (Франция), Монтегю (Англия), ген. Далль Оллио (Италия) и технический советник П.Л. Барка ген. Беляев⁶⁷.

К этому времени не только Россия, но и Франция нуждались в больших средствах для оплаты заказов в Англии и ряде нейтральных государств, в первую очередь - в США. Ежемесячно расходы французского правительства в США достигали 50 млн. долларов и непрерывно увеличивались. На ближайшие шесть месяцев французскому правительству требовалось для оплаты платежей в Англии

54 млн. ф. ст. Кроме того, ко времени конференции французское правительство задолжало Англии 11,5 млн. ф. ст., а другим странам -12 млн. ф. ст.

Помимо указанных расходов оно должно было подкрепить Французский /ГО банк 10 млн. ф. ст. для кредитования французских промышленников . По - этому французские делегаты А. Рибо и А. Тома проектировали создать общую организацию для объединения всех заказов, закупок и расчетов союзников; они же предлагали изыскать общие средства для оплаты огромных платежей в США.

Однако этот проект был «категорически отвергнут» англичанами. Р. Мак - Кенна на словах признавал необходимость объединения всех средств для войны, но на деле сводил ее на нет отсылками на ряд трудностей, связанных с недостаточной емкостью американского рынка, нехваткой судов и отсутствие средств для расплаты. Учитывая наличные средства Англии, он предупредил, что союзники могут рассчитывать на английское казначейство только до 1 января 1917 года.

После обмена мнениями конференция, в сущности, закончилась ничем, приняв лишь постановление о создании в Лондоне особой комиссии для взаимной информации о крупных заказах и поставках в нейтральных странах.

Между тем, французское правительство все же добилось разрешения Р. Мак - Кенны на выпуск займа в Лондоне, при условии высылки золота Английскому банку. Все практические вопросы по финансированию Англией Франции были разрешены на англо-французской конференции в Кале 24 августа 1916 года.

Англия обязалась в течение ближайших шести месяцев (с 15 сентября 1916 г. по 15 марта 1917 г.) предоставить Франции кредит в сумме 150 млн. ф. ст., а Франция - послать в Англию золота на 150 млн. ф. ст. Это золото формально не продавалось, а одалживалось Англии, которая должна была возвратить его Франции через три года по окончании войны.

России свои финансовые вопросы пришлось решать особо, путем двух-сторонних переговоров с Францией и Англией.

Переговоры П.Л. Барка и А. Рибо проходили в Париже в присутствии государственного контролера Н.Н. Покровского.

По-видимому, П.Л. Барк первоначально стремился расширить переговоры с А. Рибо, выйдя за рамки чисто финансового соглашения, и поставить некоторые экономические вопросы, касающиеся нужд промышленности, железных дорог, торговли. П.Л. Барк решительно настаивал на предоставлении России 150 млн. франков ежемесячных кредитов вместо заявленных 125 млн. фр. «Эти кредиты будут предназначены не только для оплаты заказов во Франции и процентов по русским займам, как это было до сих пор, но и для русских выплат Италии, для выдачи во Франции дивидендов русских частных компаний и для закупок во Франции, производимых русскими промышленниками и коммерсантами...»⁶⁹. По мнению директора политического и коммерческого бюро МИД Франции П. де Маржери, с подобными требованиями невозможно было согласиться. Сумма авансов, уже предоставленных России кредитов, оценивалась, по примерным подсчетам, в 1,700 млн. фр., 1,200 млн. фр. из которых - обязательства французского казначейства, учтенного Банком Франции, и 500 млн. - беспроцентные ссуды, оплаченные во Франции по указаниям русских банков под открытие равного им кредита, предоставляемого Банку Франции Государственным Банком. «Если г. Барк добьется своего, то к октябрю 1917 г. наши расходы дойдут до 4 млрд. фр.... В то же время Франция будет в большом затруднении с покрытием после войны своего долга и с оплатой своих... займов в Соединенных Штатах...»⁷⁰.

Эти затруднения стали причиной острых разногласий между бывшими союз-

104

никами в послевоенный период. К тому же А. Рибо, по словам П. де Маржери, пожаловался своему российскому коллеге, что уже предоставленные России кредиты «до сих пор полностью не использованы и, как предвидит Альберт Тома, видимо не будут полностью использоваться, если условия расходования этих кредитов не изменятся»⁷².

В качестве совета А. Рибо предложил П.Л. Барку использовать французский опыт и выпустить казначейские билеты, «как это делали мы сами» (т.е. французы), доход же от них предоставлять Банку Франции для покрытия предоставляемых России займов. П.Л. Барк считал, что «эта мысль, вероятно, была внушена

французскому министру банкирами». Ведь именно в это время во Франции стали раздаваться требования, чтобы правительство покрыло обязательства по отношению к Банку Франции, формально не являвшегося учреждением финансового ведомства. По мнению П.Л. Барка, высказанному им во всеподданнейшем докладе о своих переговорах, А. Рибо намеревался сделать это при помощи русских казначейских обязательств. При этом российская сторона признавала, что французские займы используются не полностью. В составленной в июле 1916 г. Н.Н. Покровским и переданной им французскому министру финансов записке называется сумма еще более крупная, чем указывал П. де Маржери, и говорится о том, что Россия получила от Франции уже 2,125 млн. фр., «только часть, которых использована». Теперь П.Л. Барк и Н.Н. Покровский в принципе соглашались с предложением А. Рибо, но «поставили условие, которое изменяет характер операции».

Они настаивали, чтобы половина дохода от выпуска обязательств отходила к России. «Мы не могли принять подобные условия, которые идут вразрез с нашими целями обеспечить положение Банка Франции»⁷³, - подводит П. де Маржери итог этой части промежуточных переговоров.

Напряжение возрастало с каждой встречей А. Рибо с П.Л. Барком. Французский министр финансов по-прежнему оставался глух к «мольбам» Барка. Просьба русских увеличить французские выплаты России до объема 150 млн. фр. в месяц в обстановке, когда Франция и так из последних сил шла «на

105

шла «на истощение своих ресурсов, чтобы поддержать «нашего союзника» - Россию, признавалась невозможной. После нескольких острых схваток с П.Л. Барком А. Рибо назвал окончательную сумму в 125 млн. фр. ежемесячно, как крайний предел уступок, на который может пойти Франция, чтобы удовлетворить финансовые потребности своей союзницы России.

Сделанное П.Л. Барком указание на то, что акционеры многих русских предприятий, для которых отчасти и предоставляются кредиты - французы, признавалось в ответной записке французского финансового ведомства несостоятельным, поскольку в самой Франции акционеры вынуждены идти на

связанные с войной «жертвы». Тем не менее, оно согласилось с тем, что могут быть приняты в расчет интересы французских акционеров за границей.

Получается, что практически все вопросы, поднятые П.Л. Барком в ходе этой двухсторонней встречи, остались открытыми. В конце переговоров французское правительство внесло решение о возможности повысить ежемесячный кредит России, конечно, в разумных пределах, при условии, что французский министр снабжения А. Тома признает возможным «увеличить количество кредитов, изготавливаемых во Франции для нужд русской армии».

Однако в области чисто финансовой российское правительство, в основном, получило все же не то, чего оно так усердно добивалось.

Значительно труднее сложились дела в Лондоне. Здесь российскому министру финансов предстояло убедить английского канцлера казначейства Р. Мак - Кенну в крайней необходимости оказания финансовой поддержки своей союзнице. Вместе с П.Л. Барком в переговорах с английским правительством принимал участие начальник генерального штаба ген. Беляев и председатель комиссии по распределению валюты ген. Михельсон.

Финансовые вопросы так неразрывно были связаны с военными поставками, что участие военного специалиста в финансовых переговорах было вполне естественно и совершенно неизбежно.

По словам П.Л. Барка, после официального окончания конференции наступило «самое тяжелое для министра финансов и генерала Беляева время

106

сложных и длительных переговоров с канцлером казначейства об обеспечении надлежащих заграничных кредитов для нужд нашей армии»⁷⁴. Российский министр финансов не рассчитывал на легкую победу, но и терпеть поражение было не в его правилах.

Главной задачей делегатов российского правительства было, несомненно, добиться теперь не только большей свободы действий для того, чтобы средства на заказы не растягивались помесечно, а фиксировались сразу на все время, и чтобы заказы проводились сразу на всю сумму, с условием поставить их на месте, т.е. в США или Англии к 1 июня 1917 г. Кроме того, ставился вопрос, чтобы поставка

тяжелой артиллерии происходила из английских запасов, чтобы расходы на тяжелую артиллерию не включались в отпускаемый кредит на поддержание курса рубля. Русские делегаты добивались также ослабления строгостей при расчетах по заказам, консолидации после войны краткосрочных обязательств и снижения процента по займам⁷⁵.

Переговоры проходили в обстановке крупных успехов, одержанных русской армией на Юго-Западном фронте. Русские, окрыленные успехом «прорыва Брусилова», приведшего, по мнению историка Н. Стоуна, к «самой блистательной победе в войне»⁷⁶, надеялись и в этой схватке добиться не меньшего. Преклонение перед умением русских солдат побеждать, даже когда нет никакой надежды, заставило Р. Мак - Кенну сделать заявление о его нескончаемом восхищении «блестящими победами» русской армии, но они не сделали его более сговорчивым в финансовом вопросе.

Дело было даже не во взаимной антипатии двух союзных министров финансов - Р. Мак - Кенны и П.Л. Барка. По сути дела, их неприязнь была порождена некоторым сходством характеров и крайней шаткостью их политических карьер. Оба они заняли свои посты в самое трудное время и неоднократно подвергались нападкам недоброжелателей, требующих от них отказаться от занимаемых должностей.

В карьере П.Л. Барка было два таких «опасных» периода. Осенью 1915 года его пытался сместить министр внутренних дел А.Н. Хвостов, желавший провести на министерский пост своего протеже, московского банкира В.С. Татищева. С приходом к власти Б.В. Штюмера положение Барка вновь осложнилось, так как у нового премьера был «свой» кандидат на должность главы финансового ведомства - В.Н. Охотников . В отношении соответствия Р. Мак - Кенны должности, занимаемой им, конечно, так открыто никто не высказывался. Но его жесткая финансовая политика имела немало противников. А в условиях неизбежной смены главы кабинета министров в текущем году от профессионализма Р. Мак - Кенны во многом зависело его политиче-

ское будущее .

Р. Мак - Кенна действительно был ярким противником открытия России, так называемых - «чистых кредитов», только не в силу своей «ограниченности», как нередко можно встретить в советской историографии, а потому, что он понимал, что постоянное авансирование союзников ослабляет финансовую мощь его страны. Если еще при этом не требовать надежного обеспечения, то можно сказать, что деньги уходят в неизвестность. Мы совсем не принижаем заслуг России в этой войне, они, действительно - огромны, но справедливо будет сказать, что именно Великобритания финансировала эту военную кампанию от начала до конца. Справедливым будет замечание о том, что вряд ли царское правительство смогло бы закрыть ту огромную «финансовую дыру», образовавшуюся в бюджете государства в этот период, без финансовой помощи из-за рубежа.

Неоспоримо, Британия с самого начала зарождения British Empire вела очень жесткую внешнюю политику. Она никогда не щадила «поверженных и отчужденных».

Во главу угла ставились только интересы и привилегии британской нации. Ее колониальная машина всегда работала безотказно. Невозможно отрицать и то, что именно тяга к всемогуществу втянула союзные ей европейские державы в борьбу за очередной передел мира. Но вовсе не неискренность заставила Францию и Россию встать под флаг Антанты, а все то же самое чувство «легкой наживы», прикрываемое лозунгом освобождения Европы от «германской экспансии».

Война усилила значение государственных финансов в межсоюзнических расчетах и сместила существующие ранее акценты в системе «кредитор-должник». Великобритания, ставшая финансовой базой для союзников, дорого платила за воплощение своей национальной мечты в реальность.

Если мы обратимся к внешнему долгу Великобритании, то увидим, что только за время войны, до августа 1916 г. в США было выпущено для покупки военных запасов и снарядов на союзнические нужды 50,820 ф. ст. Вслед за этим, 16 августа 1916 г. Морган и К⁰ опубликовали условия нового англ ий- ского займа на сумму 250 млн. \$.

Фактически получается, что Британия сама попала в финансовую зависимость от правительства США. Выступая с докладом на внеочередном заседании кабинета министров Р. Мак - Кенна недвусмысленно подчеркнул, что «президент Американской республики надеется, что он будет диктовать нам свои условия»⁸⁰.

Российская империя тоже имела намерения навязать английскому канцлеру казначейства свою игру, но здесь Р. Мак - Кенна оставался тверд, как глыба. И его слова - прямое тому подтверждение:

«Мы финансируем Россию, Италию, Сербию и даже саму Францию. А сколько стоит нам создание собственной сухопутной армии. И все это держится пока прочно на твердом кредите Английского банка, на непрекращающемся ни на один день размене на золото. Я должен время от времени бросать это золото на американский рынок. Я признаю, что в отношении американского рынка в начале войны были сделаны ошибки, и мы избаловали золотом американцев, но это уже сделано, и теперь этого больше поправить нельзя. Поэтому я могу открывать Вам кредит лишь в мере действительной для меня возможности расплачиваться на американском рынке. Я взял уже почти силою все американские ценности не только у английского

правительства, но и у частных лиц... Я скоро исчерпаю все свои ресурсы. Что

109

я тогда буду делать? А платить надо будет. Если я Вам открою кредит на всю требуемую сумму, мне немедленно надо будет платить авансы по вновь данным заказам. Мне их взять неоткуда. Я могу принять обязательство только на 75 миллионов. После октября, в ноябре я готов с Вами опять разговаривать. Мне до осени надо заплатить для Англии в Америку за хлопок более 200 млн. фунтов, за хлеб более 150 млн. фунтов и т. д., теперь ведь пойдет реализация урожаев. Вот когда это кончится, быть может, я найду деньги и для Вас. Если же Вы хотите получить все кредиты сейчас, дайте мне 30% золота.

71

За 30% золота я дам Вам кредит на все 100%. Не иначе» .

Споры о золоте приняли затяжной характер. Обе стороны стояли на своем. П.Л. Барк продолжал настаивать на получении «чистых кредитов» без

обязательной высылки золота. Он был абсолютно убежден в том, что кредиты должны быть открыты России без всяких условий в силу союзнических обязательств, для победы над общим врагом. Однако это вовсе не означало, что П.Л. Барк категорически отказывался высылать золото при любых условиях. Напротив, в целях поддержания курса английского фунта на должном уровне П.Л. Барк соглашался выполнить взятое на себя обязательство о ссуде золота Англии, если его запасы в Английском Банке опустятся ниже обусловленного договором уровня.

Ход переговоров был действительно нелегок. Англичане на этот раз предъявили требование о высылке золота в удвоенном количестве по сравнению с соглашением 1915 г. Летом 1916 г. английский канцлер казначейства потребовал 40 млн. ф. ст. золотом при кредите в 150 млн. ф. ст. Но нам не стоит забывать, что российское министерство финансов не полностью выполнило свое обещание выслать золото в Англию в назначенный срок. И часть названной суммы, не что иное, как ее задолженность по соглашению 1915 г.

Вместе с тем, после продолжительных прений Р. Мак - Кенна несколько смягчился и согласился предоставить России кредит в 150 млн. ф. ст. под залог русского золота на сумму 40 млн. ф. ст. и ценных бумаг на сумму 75 млн.

110

ф. ст., 20 млн. ф. ст. из которых должны были составить облигации золотых займов.

Смуту в ряды английских партнеров П.Л. Барка по переговорам внесла весть об отставке С.Д. Сазонова и замена его на посту министра иностранных дел Б.В. Штюрмером, имевшем репутацию германофила.

Лорд Гардинг, статс-секретарь Форин офиса и заместитель Э. Грея, всеми силами убеждал Р. Мак - Кенну в необходимости достичь разумного соглашения с П.Л. Барком. Он приводил аргументы политического характера - изменения в составе российского правительства вследствие отставки С.Д. Сазонова.

Создавшаяся ситуация чрезвычайно беспокоила английское правительство, которое отлично понимало, что если переговоры в ближайшее время останутся безрезультатными, то «не замедлит наступить тот день, - как писал А.К.

Бенкендорф, - когда этот вопрос из чисто финансового превратится по необходимости в политический и коснется положения в целом»⁷².

П.Л. Барк покинул Лондон еще до того, как было заключено соглашение с Р. Мак - Кенной. Позднее он объяснил свой преждевременный отъезд тем, что, несмотря на его компромиссные предложения, Р. Мак - Кенна все же не пошел на заключение договора, «и я (Барк) решил покинуть Лондон, не подписав соглашения»⁷³.

Вернувшись в Россию, П.Л. Барк не привез с собой новых кредитов, и размещение новых заказов было прекращено, так как английское правительство, основываясь на том, что «финансовое соглашение еще не подписано», прекратило выдачу кредитов по новым заказам. Кроме того, П.Л. Барку предстояло выступить в Комитете финансов с докладом «Об условиях нового с союзными державами финансового соглашения»⁷⁴.

14/27 октября 1916 года, спустя 3 месяца после возвращения П.Л. Барка из Англии, английский кабинет согласился подписать англо-российский финансовый договор.

Новое двухстороннее финансовое соглашение было подписано Э. Греем

111

и российским послом в Лондоне А.К. Бенкендорфом. Спорный вопрос о вывозе русского золота был решен в пользу английского правительства. России было настоятельно рекомендовано отправить 20 млн. ф. ст. в распоряжение

пе

Банка Англии не позднее 1917 г., по новому соглашению , и 20 млн. ф. ст. золота по соглашению сентября 1915 г., которые еще не были отправлены .

П.Л. Барк предупредил директора английского банка лорда Кенлиффа, что согласие русского правительства на уступки в отношении очередной высылки золота по новому соглашению - «это последнее усилие, на которое Россия в состоянии пойти на подобных условиях». Он подчеркивал невозможность дальнейшего уменьшения золотых ресурсов России, поскольку это угрожает полным обесцениванием русских кредитных билетов. В то время, пока шла переписка об угрозе сокращения золотых запасов России, золото готовили к отправке.

Партия золота в 20 млн. ф. ст., по соглашению 1915 г., была благополучно погружена 22 декабря 1916 г. во Владивостоке на японские крейсера «Сатsuma» и «Нишин» и в сопровождении русских чиновников отправлена в Канаду.

15 апреля 1916 г. П.Л. Барк сделал распоряжение директору Государственного банка Д.Н. Шилову подготовить к отправке новую партию золота на 189,5 млн. руб. Золото вновь было погружено во Владивостоке на японские крейсера уже во время февральской революции. Всего до Февральской революции 1917г. было отправлено золота на 60 млн. ф. ст., или на сумму около 568,5 млн. руб., не считая «проданных» 8 млн. ф. ст.

Подписав финансовое соглашение, вокруг которого торг шел не менее полугода, военный министр почувствовал, что соглашение не обеспечивает всех потребностей армии, и обратился к министру финансов с просьбой «предпринять шаги в целях выяснения в принципе возможных оснований будущего финансового соглашения». Генерал Шуваев считал возможным просто продлить октябрьское соглашение 1916 г. на новые шесть месяцев, но не встретил поддержки со стороны П.Л. Барка, ибо это означало автоматическое
112
соглашение России на вывоз новой партии золота.

Незамедлительно, а именно 9 ноября 1916 г. П.Л. Барк обратился к председателю Совета министров России Б.В. Штюрмеру с письмом, в котором признавал, что открытый по октябрьскому соглашению кредит оказался далеко недостаточным для планомерного производства военных заказов. На деле изложение «общих принципов» сводилось к вопросу о золоте, вокруг которого вертелись все переговоры о предыдущих финансовых соглашениях.

Не отказываясь в принципе оказать Англии «посильную помощь» золотом, российский министр финансов считал, что дальнейшее сокращение золотого фонда в стране «едва ли допустимо», так как это может еще более понизить «внутреннюю расценку рубля» и, таким образом, повлечь за собой соответствующее повышение цен всех товаров и предметов первой необходимости.

Далее подробнейшим образом излагалось, как обстояло дело с запасом золота в Англии и Франции. Золотые запасы банков Англии и Франции «сильно возросли», в то время как баланс Государственного банка показывает «совершенно обратное явление». П.Л. Барк напомнил, что в Государственной думе был даже разработан проект об объявлении золотых запасов России в количестве 1,4 млрд. руб. - неприкосновенными. С другой стороны, Комитет финансов был категорически против дальнейшей отправки «желтого металла» из страны, и его решение было утверждено царем.

Считая необходимым вступить с английским правительством в переговоры об открытии России дополнительных кредитов, размер которых «еще не поддается точному исчислению», П.Л. Барк предлагал А.К. Бенкендорфу заявить английскому правительству о недопустимости дальнейшей высылки золота.

Комитет финансов одобрил решительное заявление министра финансов в отношении охраны золотого запаса и предложил, чтобы об этом было заявлено английскому правительству по дипломатическим каналам.

Тем временем, 10 ноября 1916 г. Б.В. Штюмер на посту председателя

113

Совета министров сменил министр путей и сообщений А. Трепов, человек властный и решительный. Вслед за этим, А.К. Бенкендорфу была отправлена телеграмма с кратким изложением основных положений записки П.Л. Барка. На посла возлагалась далеко не легкая задача - отстоять точку зрения царского правительства. С другой стороны, обращение к А.К. Бенкендорфу совпало с отставкой английского кабинета Г. Асквита и последовавшим за ним министерским кризисом, что, по мнению А.К. Бенкендорфа, лишало всякого смысла официальный демарш об открытии России внеочередного кредита.

Несмотря на то, что А.К. Бенкендорф отказался вести официальные переговоры о новых кредитах, тем не менее, он проинформировал членов английского кабинета о позиции российского правительства, разлив перед ними мысль, что Россия нуждается в новых кредитах и, что дальнейшая доставка золота в Англию просто невозможна. Чтобы оттянуть решение вопроса о новых кредитах России до конференции в Петрограде, А.К. Бенкендорф выдвинул идею создания

общего фонда союзников, который должен поступить в распоряжение Англии и явиться гарантом устойчивости ее кредита в США.

В обстановке назревания революционной ситуации внутри России, политических колебаний и разброда среди правящего класса, царское правительство окончательно запуталось в поисках путей решения своих финансовых проблем.

Подводя итоги 1916 г., мы можем констатировать тот факт, что время определенно начало работать против связки Англия - Россия, тяготы войны подтачивали союз, росла внутренняя оппозиция. Финансовые отношения Англии и России становились все более натянутыми, и последнее соглашение о кредите иллюстрирует это, как нельзя лучше. Русский народ перестал верить словам союзников о скором окончании войны, а союзники перестали доверять своему военно-экономическому партнеру.

Английские дипломаты в Петрограде ощущали приближение кризиса. Посол Джордж Бьюкенен писал: «... для России нет смысла продолжать войну, в частности, Россия в отличие от Великобритании не сможет ничего вы-

114

играть от затягивания войны»⁷⁷.

Таким образом, мы можем говорить об «ослаблении союзнических уз» в англо-российских финансовых отношениях 1916 года. Россия - основная «финансовая жертва войны», Британия - ее «путеводная звезда», обе оказались в затруднительном положении. Каковы их шансы на дальнейшее финансовое сотрудничество, когда рушатся прежние идеалы...?!

§3. Рост напряжения в англо-российских финансовых отношениях. Петроградская конференция союзников января 1917 г.

На рубеже 1916-1917 гг. происходит политическая перегруппировка сил в руководстве практически всех основных участников мирового конфликта. Заметные перемены произошли и в Лондоне. На авансцену политической жизни Британии выходит самолюбивый и энергичный Д. Ллойд Джордж, сменив на посту премьер-министра смертельно утомленного войной Г. Аст-вита. В декабре 1916 г., во многом благодаря своим высоким лидерским качествам, «валлийский тигр»

берет в свои руки бразды правления в Британии. Приход к власти правительства Д. Ллойд Джорджа знаменует собой смену поколений в английской политической элите.

Уход Г. Асквита и Э. Грея насторожил русское общество. Ведь именно эти политики продемонстрировали лояльность в отношении России в критическом августе 1914 г. Дж. Бьюкенен фиксирует негативность комментария в российской прессе и обществе. Русских интересует один только вопрос - насколько новый глава английского кабинета министров будет благосклонен к политике англо-русского сотрудничества, активно проводимой его предшественниками.

Будучи политиком с большой буквы, Д. Ллойд Джордж открыто заявил, что он готов и в дальнейшем поддерживать добрососедские отношения с Россией.

Более того, он намерен «побудить британское правительство установить контакт с Россией»⁷⁸ посредством «созыва союзных конференций с привлечением наиболее ответственных государственных и военных руководителей

⁷⁰

России». По его глубочайшему убеждению, возможность откровенного диалога - единственно приемлемый «способ обеспечить полное взаимное до-

80

верие между союзниками».

Призыв Д. Ллойда Джорджа был воспринят положительно обеими сторонами. Окончательное решение созвать конференцию союзников в Петрограде было принято по инициативе англичан в Париже, где одновременно с военной конференцией в Шантильи состоялось политическое совещание министров Англии, Франции и Италии. По просьбе русского правительства сроки отправки союзных делегаций неоднократно переносились в связи с необратимостью внутреннего кризиса в России.

Тем временем, пока российские политики старались согласовать дату намеченной встречи со своими зарубежными коллегами, правительства союзных государств занимались подготовкой личного состава делегаций.

Английская сторона подошла к этому делу со всей ответственностью. В конфиденциальной беседе с министрами ключевых ведомств Британии Д. Ллойд

Джордж дал понять, что он «придает большое значение составу британской делегации, который обеспечил бы ей авторитет и внимание в Рос- 81 сии». Он считал, что посылка в Россию делегации, которая будет говорить одни комплименты, бесполезна. Таких делегаций посылалось в Россию довольно много, и в большинстве случаев им ничего не удалось добиться.

Премьер-министр указал, что «представителями союзников должны быть люди, к которым действительно будут прислушиваться русский импе- 82 ратор и его советники», поскольку им придется сказать русским немало неприятных вещей⁸³.

Он просил английское правительство считать вопрос о составе делегации - «вопросом исключительной важности»⁸⁴.

Д. Ллойд Джордж прекрасно понимал, что российское правительство не будет даже прислушиваться в достаточной степени к голосу союзников, если

«союзные представители не будут обладать достаточным авторитетом». По 116 его мнению, единственный шанс на подлинный успех военной кампании о/

1917 года заключается в полном и эффективном сотрудничестве с Россией. «Быть может, успех кампании зависит от авторитета отправляемых в Россию 87 союзных делегаций».

При этом ответственность за состав делегируемых в Россию кандидатов, о которой неоднократно упоминал британский премьер, ложилась на плечи не только английского кабинета министров, но и французского правительства. Франции, равно как и Англии, хотелось завершить триумфально слишком затянувшуюся военную кампанию. Соппротивление немцев не могло быть вечным. 1917 год мог стать решающим в «великой битве». И от России, чей фронт был самым большим по протяженности, зависело слишком многое в этой последней схватке.

Вот почему английское правительство с таким упорством стремилось к тому, чтобы вся английская делегация была, возможно, более авторитетной и могла убедить колебавшуюся Россию в необходимости единства и подлинного

сотрудничества на Востоке и Западе. Премьер-министр Британии выразил по этому поводу надежду, что французское правительство сделает правильные выводы и также отправит достойную делегацию.

Во многом благодаря усилиям Д. Ллойда Джорджа и при непосредственном контакте обеих сторон (Англии и Франции), союзная делегация была сформирована ровно в срок. 17 января 1917 г. союзники прибыли в Петроград.

На этой первой в истории войны конференции на восточном фронте западные державы были представлены способными людьми, делегированными в качестве гражданских представителей и, по крайней мере, двумя выдающимися военными.

Главными английскими представителями были: лорд Мильнер - член военного кабинета, генерал сэр Генри Вильсон - в качестве представителя армии, лорд Ревельсток - в качестве эксперта по финансовым вопросам, сэр Вальтер Лейтон - по вопросам военного снаряжения. Сэр Дж. Бьюкенен -

117

английский посол в России - присутствовал на конференции в качестве дипломатического представителя. В состав делегации входило также несколько делегатов-специалистов по отдельным вопросам. Руководителями французской делегации были г. Думерг - бывший премьер, а впоследствии президент республики и генерал Кастельно - один из самых выдающихся французских военных. Во главе итальянской делегации стоял г. Шалойа.

Впервые за время войны союзники совещались на восточном фронте. Впервые за все эти годы войны Восток и Запад были представлены авторитетными представителями на союзной конференции. Но теперь, увы, поскольку дело касалось России, было слишком поздно исправлять ошибки, вызванные недостатком согласованности в действиях союзников в прошлом.

Почва в России начала содрогаться от подземных толчков. Они раздавались все более явственно: «вулкан уже начал выбрасывать газы, появились первые следы губительной лавы»; недовольство росло с каждым днем, распространяясь по всей стране. Народ перестал доверять своему правительству, он не думал о будущем, ненавидел свое прошлое и хотел уничтожить свое настоящее.

«Союзные делегации застали Россию в состоянии полной дезорганизации, хаоса и беспорядка, раздираемой партийной войной, пронизанной германской пропагандой и шпионажем, разъедаемой взяточничеством и волокитой»⁸⁸. Только теперь, в условиях неминуемого падения режима, союзники впервые вполне адекватно уяснили себе, «насколько эгоизм и глупость военного руководства Франции и Англии, настаивавших на сосредоточении всех усилий на западном фронте и вытекающее отсюда пренебрежение к затруднениям и лишениям восточного союзника способствовали тому хаосу и разрухе, которые вскоре вызвали окончательный крах России»⁸⁹.

Союзники стояли на грани событий, принесших почти столетнее отчуждение России от Запада.

Российская делегация, представленная на конференции, была не менее многочисленной, чем западная, но может быть не столь авторитетной.

Царское правительство, в отличие от своих западных коллег, практически не колебалось в отборе кандидатов и назначило тех, чье присутствие было просто необходимо с учетом занимаемых ими должностей.

Возглавлялась она номинально министром иностранных дел Н.Н. Покровским. В состав делегации входили: два генерала - военный министр Беляев и начальник штаба Ставки В. Гурко; два адмирала - морской министр Григорович и начальник Морского штаба Русин, министр финансов П.Л. Барк, товарищ министра путей сообщения Войновский - Кригер, а также назначенный послом в Лондон бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов, которого ценили союзники и товарищ министр Нератов. Придворные круги были представлены вел. кн. Сергеем Михайловичем. Генеральным секретарем конференции был С.А. Шателен⁹⁰.

Конференция созывалась для решения коренных вопросов материального снабжения России и дальнейшего ведения войны. Тот факт, что «великолепное наступление русских» летом 1916 г. остановилось из-за недостатка тяжелой артиллерии, побуждало союзников выяснить потребности царского правительства в этом роде оружия и снабдить российскую армию даже «в ущерб собственным

надобностям» Англии и Франции. Российское правительство придавало решающее значение материально-техническим и финансовым вопросам, ибо без их решения царская армия не могла воевать. Финансирование и предоставление Англией новых кредитов России также было отложено до конца конференции.

Открытие союзнической конференции состоялось 19 января 1917 года. Предложенный Н.Н. Покровским на предварительном заседании порядок работы конференции, с разделением ее на три секции: военно-политическую, снабжения и финансовую, встретил некоторые «возражения» со стороны главы французской делегации Г. Думерга. По его мнению, только основные делегаты могли рассматривать вопросы по существу, остальные же члены делегаций могли лишь принимать участие в подготовке вопросов, не участвуя в пленарных заседаниях.

Было решено, что только политические вопросы будут рассмотрены на пленуме конференции, вопросы же снабжения будут обсуждены у военного министра, а финансовые, по энергичному представлению Н.Н. Покровского, в секции. Глава английской делегации лорд Мильнер сделал заявление о том, что делегаты конференции не имеют полномочий принимать окончательное решение, поскольку их миссия носит консультативный характер. Во время обмена мнениями Думерг выразил особенно настойчивое пожелание, чтобы российское правительство предоставило возможность руководителям союзных делегаций ознакомиться с современным состоянием российской армии, дабы иметь возможность разобраться в ее нуждах.

«Наши ресурсы людьми, военными материалами, всякого рода продуктами явно превосходят ресурсы противника. Поэтому наша победа неизбежна. Тем не менее, наше военное положение отнюдь не таково, каким оно должно было бы быть.... Необходимо, чтобы инициатива была захвачена нами и удержана в будущем. Мы можем сохранить ее лишь при помощи постоянной и непрерывной активности на всех фронтах. Для этой цели нам необходимо распределить наилучшим образом и по возможности с наибольшим эффектом все наши ресурсы, т. е. людей и военные материалы, и, таким образом, добиться наибольших

результатов полезного действия. Вот, господа, одна из целей «в сущности, главная цель наших совещаний»⁹¹.

Еще одной целью настоящей конференции была необходимость заключения нового финансового соглашения с Англией в текущем году. Вот почему министр иностранных дел России Н.Н. Покровский, назначенный председателем конференции, еще в начале января 1917 г., накануне выезда английской делегации в Россию, телеграфировал поверенному в делах в Лондоне о важности финансовых переговоров, и о желательности наличия в составе английской делегации «государственного деятеля вполне осведомленного о положении этого дела и снабженного широкими полномочиями английского правительства»⁹². Позже выяснилось, что вести финансовые переговоры от имени правительства и канцлера казначейства было поручено лорду Ревель-
120
стоку, ему срочно было присвоено звание полномочного министра.

Рассматриваемые на конференции вопросы финансирования России были тесно связаны с общими стратегическими задачами союзников. Еще до начала конференции было абсолютно ясно, что Восточному фронту, т.е. военным операциям России в 1917 г. придается большое, если не решающее значение. Вот почему английский премьер-министр так много говорил о составе делегации и ее «важной» миссии. Об этом также достаточно ясно упоминается, как в докладе министра иностранных дел Н.Н. Покровского Николаю II о работе конференции, так и в секретном докладе лорда Мильнера

93

своему правительству .

С другой стороны, английские политические деятели в переговорах с представителями российского правительства все резче подчеркивали финансовые трудности Англии.

Новый премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж еще за месяц до созыва конференции предупреждал российского посла, что финансовые «трудности нарастают с каждым днем и, что запасных фондов одной Англии больше не хватает, и что такова была проблема, которую во что бы то ни стало, следовало разрешить»⁹⁴. Эта установка премьера была позднее конкретизирована главой

английской делегации лордом Мильнером. Он сообщил российскому правительству, что Великобритания увеличила «налоговое бремя», подняв ставку подоходного налога с 6 до 25%, а по самым крупным налогам довела обложение до 40%, и, тем не менее, образовался военный долг в сумме свыше 3000 млн. ф. ст., из которых более 800 млн. фунтов истрачены на «нужды союзников», чтобы получить американские займы, Англия заложила «теперь почти все свои иностранные ценности»⁹⁵. Хотя картина сознательно сгущалась, чтобы умерить аппетиты союзников, но тот факт, что английский кредит являлся основой покупательной способности союзников (в том числе и России) на нейтральных рынках, был очевиден.

Ставку на это сделал и глава финансового ведомства России П.Л. Барк, когда в декабре 1916 г. обратился к председателю Совета министров кн. Го-

121

лицыну со специальным письмом по поводу предстоящей конференции.

Он старался ввести вновь назначенного председателя Совета министров в курс финансовых отношений с союзниками и выдвигал коренные финансовые проблемы, которые следовало решить. Поскольку они придавали чрезвычайно серьезное значение положению на Восточном фронте, П.Л. Барк советовал использовать выгодную конъюнктуру в интересах снабжения армии. Отношение союзников к роли Восточного фронта России, П.Л. Барк охарактеризовал в следующих словах: «Изъясненный взгляд на значение военных действий на Восточном фронте приводит наших союзников к убеждению в неизбежности оказания всемерного содействия России и Румынии в выполнении выпадающей на их долю стратегической задачи, причем содействие это в первую очередь должно выразиться в снабжении России военным снаряжением». П.Л. Барк указывал, что союзные правительства «допускают» возможность удовлетворения нужд России и Румынии «хотя бы ценою известного сокращения удовлетворения своих собственных армий»⁹⁶. Как мы видим, у политических деятелей России накануне конференции господствовали оптимистические настроения. Но со временем все изменилось.

Продолжая анализировать работу конференции, обратимся непосредственно к наиболее интересующей нас теме, а именно - финансовым переговорам.

Финансовая комиссия работала под председательством российского

07

министра финансов П.Л. Барка. Как рассказывал об этом ген. Гурко, вся подготовительная работа была проведена П.Л. Барком и лордом Ревельстоком, с которым еще до созыва комиссии «по большинству финансовых вопросов Барк достиг соглашения». На заседания комиссии был вынесен ряд принципиальных вопросов, в том числе и вопрос о курсе рубля.

Заседание состоялось 25 января/7 февраля 1917 г. На нем присутствовали: от Франции - Г. Думерг, от Великобритании - лорд Мильнер, лорд Ревельсток и посол Дж. Бьюкенен; от Италии - сенатор Шалойя и посол

Карлотти ди Рипарбелла; от России присутствовало восемь человек - ми-

122

нистр финансов П.Л. Барк; три дипломата - Н.Н. Покровский, С.Д. Сазонов, Нератов; два генерала - Беляев и Гурко; два адмирала - Григорович и Русин.

П.Л. Барк сделал подробный доклад о финансовом положении России, обратив особое внимание делегатов на состояние денежного рынка. По словам П.Л. Барка, особые трудности России проистекали из того, что российская торговля сократилась, так как порты, через которые раньше осуществлялся экспорт, были почти полностью закрыты, а новые налоги едва заполняли брешь, образовавшуюся в бюджете после прекращения торговли водкой. До 1 января 1917 г. военные долги России перевалили за 27 млрд. руб., а ежедневные военные расходы поднялись с 15 млн. руб. в 1914 г. до 40 млн. в 1916 г., составив 50 млн. к моменту конференции. Военные расходы России стали почти одинаковыми с расходами Великобритании.

«Чтобы покрыть военные расходы», - говорил П.Л. Барк, казна пользовалась займами и краткосрочными обязательствами казначейства. Последние были на 3 млрд. руб. размещены на частном рынке, а на 7 млрд. учтены Государственным банком. Вместо них были выпущены кредитные билеты, количество которых в

обращении увеличилось на 8 млрд. руб. и достигло почти 9,5 млрд. руб., вместо 1,6 млрд. до войны.

Долгосрочные займы внутри страны реализовались с затруднениями. Так обстояло дело с последним займом на 3 млрд. руб.

Продолжая анализ экономического положения страны, П.Л. Барк сообщил, что дороговизна в России поднялась в 4-5 раза, т. е. значительно больше, чем в Англии и других странах Европы. Для того чтобы смягчить «печальные последствия» выпуска бумажных денег, иначе трудно будет оплачивать военные расходы внутри страны, необходимо было принять меры против падения курса рубля, для чего в первую очередь следовало бы поддержать курс рубля на иностранных биржах. Если же курс рубля не будет поддержан в должной мере, то, по словам П.Л. Барка, «возможна катастрофа», как во время французской революции конца XVIII века.

Русская валюта обесценилась, по словам П.Л. Барка, на 37,5% в Париже и на 41,9% в Лондоне. Само российское правительство не имело средств контролировать денежные рынки Парижа и Лондона, поэтому союзники должны были ей помочь, так как «и в их интересах помешать падению рубля», ибо оно могло быть «гибельным» для кредита России, и могло очень осложнить ведение войны.

П.Л. Барк особенно подчеркивал важность вопроса об оплате военных расходов вне России - в США, Японии и Скандинавских странах. Часть заказов, предназначенных США, он полагал возможным передать Японии и

Ой

Швеции, но это опять требовало решения вопроса о валюте .

На обсуждение комиссии П.Л. Барк поставил новый вопрос о необходимости получить валюту для России на расходы по содержанию экспедиционных войск в Персии и покупке серебра для чеканки серебряных денег.

Ко времени созыва конференции Россия израсходовала большие средства на помощь Румынии". Кроме того, Россия «должна вскоре еще произвести издержки приблизительно в 300 млн. руб. в Румынии». П.Л. Барк предложил к этим расходам применить тот же принцип, который применялся при финансировании

Бельгии, Сербии и т. д., т. е. расходы должны быть отнесены в равной доле на счет Англии, Франции и России. П.Л. Барк не называл конкретных цифр необходимых России кредитов, но настаивал на том, чтобы союзники согласились с выдвинутыми им положениями, и тогда будут выяснены и «конкретные цифры».

Выступавший вслед за П.Л. Барком ген. Гурко остановился, главным образом, на общем принципе финансирования войны, который он мыслил как объединение средств союзников.

«Чтобы довести войну до победного конца, - говорил генерал Гурко, - «необходимо добиться этого объединения, прежде всего в сфере финансовой»¹⁰⁰. Россия сильна людьми, но слаба финансовыми ресурсами, следовательно, в интересах союзников основательно поддержать Россию финансами.

«Россия сделала все, что смогла, чтобы поддержать союзников»¹⁰¹, в том

124

числе и в сфере финансовой, поэтому Гурко настаивал, чтобы на конференции подтвердили «солидарность союзников в финансовых вопросах»¹⁰², и тем облегчили России продолжение войны.

Представитель Франции Думерг предлагал «немедленно перейти» к решению практических вопросов об оплате заказов в Скандинавии и Японии. Английские делегаты - лорды Мильнер и Ревельсток старались удержать обсуждение в плоскости общих вопросов, не торопясь переходить к конкретным решениям. «Лорд Мильнер указывает, - значится в протоколе финансовой комиссии, - что предметом заседания является заслушивание доклада о современном положении, сделанного министром финансов, а не принятие решений. Сначала надо обсудить, а затем принимать решение»¹⁰³. Эта точка зрения главы английской делегации, поддержанная П.Л. Барком, взяла верх, так как все дальнейшее заседание протекало в обсуждении ряда общих вопросов.

В центре обсуждения стал вопрос о курсе рубля. Министр иностранных дел Н.Н. Покровский внес предложение, чтобы о необходимости поддержания курса рубля было сказано в резолюции. Г. Думерг предложил использовать для поддержания курса рубля неизрасходованные остатки кредитов, предоставленных России Францией, а также поднял вопрос об увеличении экспорта русского хлеба

и леса, так как с увеличением экспорта «курс немедленно поднялся бы». Генерал Гурко указал на практическую невозможность для России в обстановке войны увеличить экспорт. «Нельзя обольщать себя надеждами на то, - говорил Гурко, - чтобы Россия увеличила экспорт во время войны, так как пропускная способность железных дорог доведена до максимума. Вследствие этого средства вывоза России во всех отношениях гораздо меньше, чем в довоенное время»¹⁰⁴. Лорд Мильнер признал, что вопрос «курса есть самый трудный, увы, англичане не волшебники»¹⁰⁵, а потому он рекомендовал России увеличить импорт.

П.Л. Барк несколько раз делал замечания, что союзники до сих пор не уделяли достаточного внимания курсу рубля, ограничиваясь только отпуском
125
кредитов для военных заказов, поэтому курс рубля за границей упал ниже курса германской марки.

Российская сторона пыталась убедить своих союзников в том, что она делает все возможное в современных условиях - стремится увеличить экспорт хлеба и леса; причем 300 тыс. стандартов пиломатериалов уже подготовлены к вывозу. Все же, по-видимому, аргументы П.Л. Барка и Н.Н. Покровского не очень убедили членов других делегаций. Резюмируя прения по этому вопросу, Барк высказал пожелание, чтобы делегаты запросили инструкции у своих правительств, но Думерг не счел это возможным, заявив, что, не будучи «финансовым делегатом», он не может принимать важных решений без А. Рибо, которому намерен доложить все вопросы лично.

Все более острое значение приобретал вопрос об оплате процентов по внешним займам, так как сумма процентов быстро увеличивалась. Если до войны расходы по государственным займам составляли около 400 млн. руб. в год, из которых меньше половины оплачивались за границей, то в 1916 г. только одних процентов было выплачено около 800 млн. руб.¹⁰⁶, большая часть которых приходилась на внешние займы. Что касается 1917 г., то к

117

Петроградской конференции союзников сумма достигла 653,8 млн. руб., а вместе с процентами по внутренним займам перевалила за миллиард рублей. П.Л. Барк

предложил не обсуждать вопрос о процентах в финансовой комиссии, а решить его путем индивидуальных переговоров с союзными делегатами, что и было принято.

На этом и закончилось обсуждение вопросов в финансовой комиссии. Подлинник протокола финансовой комиссии подписан участниками заседания. В журнале заседания нет и намека на принятие каких-либо конкретных решений. Правда, это было предварительное обсуждение вопросов не столько финансистами, сколько ответственными государственными деятелями и военными специалистами, которые могли обсуждать финансовые вопросы только с точки зрения их общего военного и политического значения.

Союзные делегаты выслушали все претензии представителей царского правительства, руководителей хозяйства, армии и флота. Они имели возможность посетить фронт и ознакомиться с состоянием армии, беседовали с лидерами русской оппозиции и были в курсе всей работы, которую вели английское и французское посольства. Русская армия в их глазах не потеряла своего значения в качестве важнейшего военного фактора в деле разгрома Германии, поэтому союзники в принципе согласились на предоставление России новых кредитов. Но практически все финансовые дела должны были разрешаться в более узком составе, путем переговоров между кредиторами и должником.

В связи с этим между лордами Мильнером и Ревелстоком со стороны Великобритании и П.Л. Барком со стороны России состоялся ряд бесед по финансовым вопросам. На некоторых из этих свиданий присутствовали в качестве консультантов К.Е. фон Замен, С.А. Шателен (Россия) и лорд Лейтон (Англия). В результате обмена мнениями 19 января/6 февраля 1917 г. был составлен протокол¹⁰⁸, подписанный в последний день работы конференции 20 января/7 февраля 1917 г. П.Л. Барком, лордами Мильнером и Ревелстоком. «Британские делегаты сразу заявили, - говорится в протоколе, - что они не могут принять окончательных обязательств от лица британского правительства. Их обязанностью является рассмотреть потребности России, тщательно и в самом благожелательном духе, и указать пути к их удовлетворению, которые представляются наиболее приемлемыми для британского казначейства, приняв во внимание те затруднения,

с какими в настоящее время встречаются британское правительство при удовлетворении на нейтральных рынках расходов не только Великобритании и России, но до известной степени и других государств». Оговорка о пределах полномочий английских делегатов имела существенное значение, так как этот протокол совещания должен был служить основой для соответствующих решений английского правительства о предоставлении России кредитов на 1917 год.

Потребности России были изложены в шести пунктах и на каждый из пунктов английские делегаты дали определенный ответ.

Россию интересовало, чтобы предметы боевого снабжения и вооружение, которые изготовлялись в самой Англии и доставлялись «натурой», не относились за счет ежемесячного кредита в 25 млн. фунтов. Российское правительство предложило оплачивать их краткосрочными обязательствами казны, как и поставки тяжелой артиллерии по соглашению от 27 октября 1916 г. На деле это означало фактическое увеличение кредита.

Английские делегаты согласились с предложением П.Л. Барка, считая, что «этот способ является возможным, и что они могут рекомендовать его их правительству»¹⁰⁹.

Что касается военного снаряжения и других материалов, покупаемых через Русскую комиссию в Лондоне, то расходы на эти покупки ограничивались программой, которую выработала комиссия снабжения (ее также должны были утвердить оба правительства). Английские делегаты выразили лишь пожелание, чтобы кредиты открывались «по мере надобности», а не вперед под всю программу.

Для производства платежей процентов по займам и расходов по учету и переучету обязательств казначейства англичане согласились открыть кредит в размере 3 млн. ф. ст. и 44 млн. флоринов¹¹⁰.

Потребности России в так называемых «свободных кредитах для торговых надобностей» значительно выросли, и министр финансов представил повышенную заявку вместо 2 млн. ф. ст. в месяц требовалось уже 5,5 млн. фунтов¹¹¹. Российское правительство сделало заявление, что этот кредит будет целесообразно

расходовать частными фирмами после основательных гарантий, что не будет нанесено ущерба покупкам самого правительства России.

Английские делегаты признали «особую важность», которую придает министр финансов этому вопросу, но в отношении заявленной суммы они не сделали определенных и положительных заверений, как по предыдущим

128

пунктам. Они обязались лишь «представить это дело британскому казначейству во всех подробностях», но воздержались взять на себя какое-либо обязательство относительно поддержки заявленной П.Л. Барком суммы перед английским казначейством.

Таким образом, в этом столь существенном для российского правительства деле оно от союзников ничего не добилося.

Подробное отражение в протоколе получил вопрос о поддержании курса рубля за границей. Здесь гораздо более четко и ясно, чем в первом протоколе конференции, изложены те последствия, которые угрожали финансам и всей хозяйственно-политической жизни России, если курс рубля не будет стабилизирован, а доверие к нему не будет восстановлено.

В этом случае, указывалось в протоколе, министру финансов окажется «невозможным собрать в России фонды, необходимые для покрытия военных издержек, и результатом явится, катастрофа не только финансовая, но также военная и политическая¹¹². П.Л. Барк просил английское правительство отпустить на укрепление рубля по 12 млн. ф. ст. на каждые три месяца до конца 1917 г. При этом П.Л. Барк заверил английских делегатов в том, что правительство примет дальнейшие меры к сокращению ввоза.

Английские делегаты поняли, как сильно вопрос о курсе рубля заботит министра финансов. Они разделяли его опасения относительно серьезных последствий, которые могут произойти как для России, так и для ее союзников, от дальнейшего обесценения рубля, и согласились рекомендовать своим правительствам принятие мер к поднятию его курса.

Вопрос о золоте совершенно не фигурирует в принятых решениях. До начала работы конференции Россия уже вывезла золота за границу на сумму 48 млн. ф. ст."³

Пропорционально к «открытым» Англией российскому правительству кредитам (402 млн. фунтов), это составило около 12%, а по отношению к использованному кредиту (358 млн. фунтов) - почти 13,7%¹¹⁴. В ходе неофициальных переговоров лорда Ревельстока с П.Л. Барком было достигнуто со-

129

глашение о выполнении российским правительством обязательства о вывозе золота по октябрьскому соглашению 1916 г. на 20 млн. фунтов (97 млн. долларов). В справке о золоте, подготовленной для министра финансов и датированной 11 января (ст. ст.) 1917 г., говорится, что «будет отправлено еще 20 млн. ф. стерлингов». Эта сумма действительно была отправлена в результате ноты А. Бальфура и нажима английских делегатов.

Таким образом, до Февральской революции царское правительство вывезло золота, по соглашениям с Англией, на общую сумму в 68 млн. ф. ст.¹¹⁵

В докладе министра иностранных дел Н.Н. Покровского Николаю II о работе «Союзнической конференции в Петрограде» в положительных тонах оцениваются результаты соглашения по финансовым вопросам.

«В области финансовой, - писал Н.Н. Покровский, - с нашей стороны были высказаны пожелания о предоставлении нам необходимых кредитов для оплаты наших заказов и для производства заграничных платежей по государственному долгу, об оказании нам содействия по делу поддержания курса рубля и некоторые другие...».

«Представители союзных держав, - писал Н.Н. Покровский, - признавая полную основательность наших пожеланий, выразили готовность представить своим правительствам об удовлетворении их в кратчайший срок». Ссылаясь на министра финансов, Н.Н. Покровский пишет о благожелательной готовности союзников «идти нам навстречу». Совещание, продолжает он, «далеко не представляло тех трудностей, с которыми приходилось встречаться при предшествующих финансовых переговорах, особенно летом минувшего года»¹¹⁷.

«В заключение настоящего доклада почитаю долгом высказать перед Вашим Императорским Величеством, что независимо от достигнутых на завершившейся конференции положительных итогов... такой способ сношения создал надлежаще широкую, твердую и определенную почву для переговоров с союзными делегатами, и в нем, быть может, следует видеть одну из причин успешного, в общем, хода этих переговоров»¹¹⁶.

«В этом стремлении к единению союзников с Россией я дерзаю видеть залог успеха общего с нами ратного дела и лучшее в отношении прочности связующих нас с союзниками государствами из предзнаменований на будущее»¹¹⁹.

Тем не менее, оптимистическим надеждам Н.Н. Покровского на «светлое» союзное будущее не суждено было сбыться, оказалось слишком поздно пытаться реанимировать прежние финансовые отношения.

Созванная в Петрограде в конце января 1917 г. межсоюзническая конференция, целью которой было окончательно урегулировать взаимоотношения России и Англии в военно-политической и финансовой областях накануне решающих сражений, стала поистине последним крупным эпизодом истории союза России и Англии при царской власти. По словам Д. Ллойд Джорджа, «тень быстро надвигающейся политической катастрофы витала все время над конференцией»¹²⁰.

Петроградская конференция стала своеобразным барьером, разделяющим ту, тяготеющую к Великобритании Россию, и то, что неминуемо должно было произойти с ней теперь.

Не успели союзные делегаты вернуться домой, как в России произошли великие перемены, поставившие жирную точку в межсоюзнических отношениях. Под натиском разъяренной толпы рухнула монархия дома Романовых. Царская Россия захлебнулась в Февральской революции 1917 г.

Начало русской революции свело на нет всю работу конференции. Несмотря на то, что финансовое соглашение, заключенное между союзниками в последние дни царской власти, пережило старый строй, оно не сыграло какой-либо

положительной роли, так как финансовые отношения с новым (Временным) Правительством строились не на его основе.

В целом, огромное разочарование, постигшее Западный мир в эти февральские дни, невозможно было ничем компенсировать. Те надежды, которые члены Антанты возлагали на свою союзницу - Россию, рухнули в одночасье. Крайность их суждений, увы, обернулась и против России, и против

131

них самих.

Однако обвинять Англию в политической слепоте довольно трудно. Дж. Бьюкенен писал в Лондон в начале 1917 г.: «Политическое недовольство может ежеминутно раздуть тлеющую свечу в пламя и нанести серьезный ущерб делу вообще». А несколько позже он отмечал, что «англо-русские отношения никогда не были лучше, чем в настоящее время. Как император, так и большинство русского народа твердо поддерживало англо-русский союз»¹²².

Подобная двусмысленность в оценке происходящего в России могла иметь чрезвычайные последствия. Неужели столь проницательный и опытный английский дипломат как Дж. Бьюкенен упустил из виду самое главное, а именно - необратимость происходящего?

Словно поддавшись знаменитому русскому «авось», английский посол не счел возможным завершить анализ на трагической ноте. Будучи западным человеком, он не мог поверить до конца в «тотальное помрачение умов». Вопреки всем явственным признакам краха, он верил в некий «мистический поворот русского сознания». В глубине души он надеялся, что «Россия выстоит, вопреки всему, при условии, что мы будем оказывать помощь»⁹. В конечном итоге, Великобритания стала жертвой этого убеждения, восприняв происходящее исполненной немотивированной надежды.

Глава III. Финансовое партнерство Англии и России после февраля 1917 года

§1. Новый взгляд Англии на Россию. Пересмотр ценности «русского союзника»

В результате Февральской революции политическая ситуация в России резко изменилась. Правящая династия Романовых, в лице ее главного представителя - русского императора Николая II, навеки потеряла свое законное право на власть. Русский народ, нужно отдать ему должное, не побоялся пойти на очередной политический эксперимент и, не задумываясь, сбросил "царя-батюшку". Можно сказать, что, то, о чем так долго мечтали три поколения «русских прогрессивно мыслящих людей, от декабристов до социал- демократов», случилось в эти февральские дни.

Буржуазно-демократическая революция февраля 1917 года была воспринята мыслящей Россией как огромный шаг на пути ускорения ее сближения с Западом. Восставшие увидели в происходящем - переход России от «азиатского деспотизма» в русло западной демократии. Для них революция была «священным пламенем», и они были готовы к любым жертвам ради нее.

В стране с многовековой историей монархии - образовалось двоевластие. Государство лишилось своего главного составляющего - подлинного правительства. Компромисс между Государственной Думой и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов дал стране Временное правительство, но это было лишь кратковременно затишье перед сильной бурей, развозившейся в октябре 1917 года и уничтожившей последние надежды на возрождение старого режима.

Весть о свержении Романовых в одночасье облетела всю Европу и вызвала бурю эмоций. Премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж, после столь неожиданного известия о свержении российского императора, сделал свой вывод: «Русский ковчег не годился для плавания. Этот ковчег был построен из гнилого дерева, и экипаж был никуда не годен. Капитан ковчеха способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана избрала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке. Руль захватила беспорядочная толпа

советников, набранных из Думы, советов солдатских, матросских и рабочих депутатов, политических организаций всех мастей и направлений, которые растрачивали большую часть времени и сил на споры о том, куда направить ковчег, пока, в конце концов, ковчег не был захвачен людьми, которые хорошо знали, куда его вести»¹.

Западный мир воспринял происшедшее с большим опасением. Русская революция пронеслась над Европой, словно шаровая молния, готовая в любое время нанести новый удар по устоям Старого Света. Великобритания смотрела на этот процесс, прежде всего, под углом зрения боеспособности России. Оказавшись перед лицом сложной русской реальности, она была готова признать новое правительство при условии обещания продолжать войну против германского милитаризма.

Ближайшие военные союзники России - Великобритания и Франция, стремясь сохранить свою внутреннюю стабильность, в конце концов, желали видеть в новом выборе России гарантию от сближения с Германией сейчас и в будущем. Хотя, в целом, они были далеки от иллюзорных надежд на безоблачное сотрудничество.

Политические метания внутри страны порождали еще большее недоверие в глазах представителей английского правительства. По их мнению, происходившее в России было прологом к еще большим катаклизмам. Опасения английского министра иностранных дел А. Бальфура можно считать просто провидческими: «Если в этой стране будет установлена республика, армия расколется на легитимистов и республиканцев, умеренные элементы ждет раскол и беспомощность, экстремисты завладеют аппаратом власти. В конечном счете, возникнет энергичное движение в пользу автократии, но к тому времени уже будет подписан позорный мир с Германией».

Из непосредственного опыта первых недель после торжества февральской революции английское правительство сумело сделать, по меньшей мере,

134

два основополагающих вывода. Первое, новому режиму не хватает реальной власти над страной. По уместному замечанию английского историка Б.Л. Гарта, «Временное правительство взобралось в седло, но у него не было вождей»³, и

прежде чем в России будет восстановлено нормальное функционирование всех ветвей власти, предстоит жесткая политическая борьба. Пока, что в высших эшелонах власти царил лишь хаос и растерянность. Правые, в лице Государственной думы, не желали видеть в правительстве представителей левого фланга, то есть уполномоченных от Советов. Левые ждали наступления рокового часа, когда смогут со всей силой обрушиться на правых. Во-вторых, нестабильность центральной власти предопределяла растущую неспособность России вести войну. Если даже гораздо более консолидируемый царский режим практически оказался в военном тупике, то, что говорить о его менее организованных приемниках, чьи шансы на успех были равны нулю. В этой ситуации английскому правительству следовало стремиться к двум целям: поскорее зафиксировать центральную власть и, как можно скорее добиться от нее более значимых гарантий военного партнерства, чем просто словесные уверения. Представители Британии отнюдь не были довольны внешнеполитическим манифестом Временного правительства от 20 марта 1917 года. Они отмечали отсутствие в нем конкретного заявления о решимости нового правительства продолжать войну до победного конца, до полного разгрома сил противника. Манифест казался им слишком пространным: ни малейшего намека на пагубность прусского милитаризма, ни слова о целях войны. Но П.Н. Милюков заверил представителей западных держав, что Временное правительство будет выполнять все прежние соглашения и союзы. Собственно, этого заявления оказалось достаточно, что бы вопрос о дипломатическом признании встал в практическую плоскость. Даже самые лояльные приверженцы дома Романовых вынуждены были прийти к выводу о необходимости поддержать новую власть.

Особенно энергично подошли к делу о признании Временного правительства американцы, чьи «государственные интересы» оказались затронуты

135

событиями в России. Посол США Д. Френсис открыто симпатизировал Временному правительству. В отличие от своих внешнеполитических конкурентов - Дж. Бьюкенена и М. Палеолога, отношения Д. Френсиса с русским царем и его правительством никогда не были простыми, и смена правящей верхушки не могла

не радовать амбиционного американца. Кроме того, США имели свои виды на «русского союзника». Скорейшее дипломатическое признание молодого государства в этом случае носило скорее скрытый стратегический характер, нежели было просто выражением дружеской симпатии.

Американский механизм внешних отношений сработал безукоризненно. 22 марта 1917 года американское правительство признало де юре Временное правительство. Американское признание приобрело еще большее значение через 15 дней, когда Соединенные Штаты вступили в войну с центральными державами на стороне России и ее союзников. Вступление Америки в войну вызвало в России прилив энтузиазма. С этого момента началась новая страница в истории американо-русских отношений. Вашингтон и Петроград, можно сказать, были готовы к долгосрочному партнерству. Точнее будет сказать, что Россия надеялась за счет дружбы с заокеанским партнером поправить свое пошатнувшееся материальное положение, а Америка рассчитывала с помощью России провести некую «политическую ревизию» внутри коалиции. Посол Д. Френсис был ярким приверженцем этой стратегии. Он полагал, что февральская революция, уничтожившая царизм, одновременно нанесла сокрушительный удар по прежним «привилегированным партнерам России», таким как Британия и Франция. Он был абсолютно уверен, что его самый главный конкурент - посол Британии Дж. Бьюкенен, потерял после свержения самодержавия долю политического влияния в российской столице, поскольку в отличие от Д. Френсиса он не был сторонником нового режима.

Однако, к большому сожалению американского посла, не все в России верили в результативность коалиционного слияния с США, были и те, которые сомневались в возможности крупных военных усилий со стороны нового партнера. При этом сам Д. Френсис признавал это, «некоторые из них указы-

136

вают на то, что Америка может повторить путь Японии, которая после объявления войны центральным державам не стала спешить с развертыванием армии»⁴. Но в то же самое время он бравировал тем, что, не взирая на некую осторожность среди русских, «большинство их воодушевлено в высшей степени. Русские

рассчитывают, что Америка сыграет важную роль в ходе войны. Получив эту поддержку, Россия, без сомнения, будет сражаться еще не менее восемнадцати месяцев»⁵. В февральской революции, полагал Д. Френсис, таится реальный шанс для Америки стать основным экономическим партнером огромной России, коренным образом изменить общую мировую геополитическую ситуацию. Фактически, Д. Френсис отводил США роль нового полноправного лидера мирового сообщества. Аргументируя это тем, что в условиях истощения мира только лишь Америка способна осуществить быструю и эффективную экономическую поддержку России. «Финансовая помощь Америки России, - писал Д. Френсис президенту В. Вильсону, - была бы мастерским ударом»⁶.

Оптимистический настрой американского посла не мог не сказаться на его непосредственном руководстве. В правящих кругах США стали разделять мнение Д. Френсиса о том, что за Россией, с ее просторами континентальных масштабов, будущее, и с нею надо дружить. Американское правительство понимало, что установление «теплых» отношений с Временным правительством позволит в дальнейшем добиться нужного результата. Молодое американское государство, как и прочие, пыталось получить максимальную долю выгоды из этой «европейской авантюры» - мировой войны. Правильнее будет сказать, дружба с Россией стала его главным козырем в борьбе за мировое господство. США получили долгожданный билет в большое будущее. Им представилась возможность поучаствовать в битве «европейских титанов» за право быть лидером мирового сообщества.

В Белом доме искали сравнительные характеристики событиям, происходившим в России. Они расценивали Первую мировую войну для России, как войну за освобождение от диктата Лондона, проводя параллель с амери-

137

канской войной за независимость. В Вашингтоне даже не исключали возможности предоставить России кредит в размере более 300 млн. долларов в качестве дружеской помощи, разумеется, не безвозмездно. Не следует думать, что США решили оказать спонсорскую помощь России. Просто, таким образом, они подстраховывали себя на случай неожиданных трудностей. Дружить с тем, кто

тебе должен выгоднее, нежели развивать отношения с тем, кто могущественнее тебя в финансовой сфере, поскольку первый всегда уязвимее, чем последний.

Но следует учесть, что взгляды американского президента на события в России несколько расходились с взглядами его посла. В. Вильсон не был, подобно Д. Френсису, ослеплен делами Временного правительства, словесно обещавшего добиться перелома на восточном фронте, а на деле не сумевшего остановить разрушение русской армии. Вступив в войну с центральными державами, он был абсолютно готов к худшему повороту в союзе с Россией и был крайне далек от иллюзорных надежд на безоблачное партнерство. Только в мае 1917 года он смог вздохнуть с облегчением, когда после очередной реорганизации Временного правительства, новые лидеры во главе с А.Ф. Керенским категорически отвергли идею сепаратного мира с Германией. В. Вильсон заверил новое российское правительство, что теперь США и Россия

- партнеры в борьбе за свободную демократию .

В то же самое время он окончательно убеждается в рациональности идеи об образовании на востоке Европы противовеса и англо - французам и японцам в виде поддерживаемой Америкой - России. В качестве рычага воздействия на Россию в Вашингтоне стало видеться более активное привлечение новых политических сил России к международным контактам. Государственный секретарь США Лансинг предложил послать в Россию делегацию американских политических экспертов - они объяснят историческое совпадение интересов двух великих стран. В. Вильсон хотел, чтобы в нее вошли люди широких взглядов, испытывающие энтузиазм в отношении перемен, происходивших в России. Главой делегации В. Вильсон назначил бывшего госу-

138

дарственного секретаря Элиу Рута , ныне преуспевающего адвоката. Выбор Э. Рута можно объяснить лишь упорным желанием Вильсона противопоставить новой русской демократии американский здравый смысл. Он считал, что следует обратиться к трезвому реализму, а не так дорогим сердцу русских - социальным утопиям.

Перед миссией была поставлена задача: «Найти наилучшие способы и средства эффективного сотрудничества между правительствами в деле ведения войны»⁹. По прибытию в Петроград миссия была размещена в Зимнем дворце. На протяжении шести недель американцы обзоредали и анализировали события, происходившие в обеих столицах и на фронтах. Завершив свою работу в России, Э. Рут заверил Временное правительство о готовности Вашингтона расширять дела с Петроградом при условии активизации военных усилий на восточном фронте. США были согласны оказать финансовую помощь России при одном условии. Объем кредитов будет зависеть от масштаба наступательных военных операций. Плата за военно-политическое сотрудничество была определена в 325 млн. долларов под низкие проценты¹⁰. На первый взгляд довольно крупная сумма, если посмотреть с чего начинали западные союзники, и, разумеется, такая малая жертва на фоне массовых потерь русской армии в условиях пассивности американских войск. План Э. Рута по укреплению морали русской армии был идеален по американским меркам и политически бездарен по русским. Американцы не предложили ничего нового, они, равно, как и другие союзники России, настаивали на продолжении войны, от которой так устал русский народ. «Демонстрация бескорыстной дружественности»¹¹ со стороны американского правительства была лишь пустой тратой времени.

Между тем, кроме установления контактов со своим заокеанским партнером, Временное правительство имело кое-какие обязательства перед своими европейскими коллегами по блоку и, непременно, должно было их выполнять. Временному правительству следовало определиться с выбором приоритетов в чью либо пользу, и оно его сделало. Последнее слово осталось за давним экономическим партнером России - Великобританией.

Через два дня после американцев с признанием Временного правительства выступили английское, французское и итальянское правительства¹². Английское правительство не питало никаких иллюзий относительно «надежности» Временного правительства. Но на этот момент это была единственная альтернатива официальной власти в России, и от нее во многом зависело будущее

двухсторонних отношений. «После отречения великого князя Михаила от престола единственной возможной для нас политикой было укрепление власти Временного правительства в его борьбе с Советами. Последний разрушал армию своей социалистической пропагандой, и хотя большинство его членов выказывали себя сторонниками продолжения войны, но крайние левые его члены отстаивали мир, во что бы то ни стало. Поэтому быстрое признание Временного правительства было просто необходимо»¹³. Правда, прежде чем совершить столь ответственный шаг, английский кабинет надеялся получить некие гарантии «добрососедского партнерства». Временное правительство должно было подтвердить свою «готовность продолжать войну до конца и восстановить дисциплину в армии»¹⁴. П.Н. Милюков незамедлительно дал соответствующие заверения, но отметил, что «правительство вынуждено действовать осторожно, ввиду крайних мер, и, что его собственное положение весьма затруднительно»¹⁵.

Официальное признание Временного правительства англичанами состоялось 24 марта 1917 г. Сама процедура признания была не менее торжественной, чем у американцев, но более значимой для нового правительства. Английское правительство возложило столь важную миссию на плечи своего полномочного представителя в России - Дж. Бьюкенена. В качестве главы дипломатического корпуса он выразил полное «удовольствие по поводу вступления в отношения с Временным правительством и заверил его в своей полной поддержке во всех вопросах, касающихся укрепления нашего союза и ведения войны»¹⁶, продолжив следующими словами: «В этот торжественный

140

час, когда перед Россией открывается новая эра прогресса и славы, более чем когда-либо необходимо не упускать из виду Германию, ибо победа Германии будет иметь последствием разрушение того прекрасного памятника свободе, который только что воздвиг русский народ. Великобритания протягивает руку Временному правительству, убежденная, это последнее, верное обязательство, принятым его предшественниками, сделает все возможное для доведения войны до победного конца, употребляя особые старания к поддержанию порядка и национального единства, к возобновлению нормальной работы на фабриках и

заводах, к обучению и поддержанию дисциплины в армии. Да, господа министры, если я сегодня имею честь произносить вам поздравление дружественной и союзной нации, то это потому, что мое правительство хочет верить, что под вашим высоким предводительством новая Россия не отступит не перед какими жертвами, и что, солидарная со своими союзниками, она не сложит оружия до тех пор, пока те великие принципы права и солидарности, свободы и национальности, защиту которых мы взяли на себя, не получают крепкой опоры и утверждения»¹⁷. После столь пламенной речи Дж. Бьюкенена - П.Н. Миллюков от имени своих коллег заверил послов, что Временное правительство решило поддержать соглашения и союзы, заключенные с его предшественниками, и продолжать войну до победного конца. Однако голословным «заверениям» Временного правительства «верой и правдой служить на благо общего дела» английские политики не настолько были готовы доверять, чтобы тут же поддаться на уговоры о новых финансовых дотациях.

Все мысли представителей английского правительства замыкались не на некоем будущем союзе всех демократий, на котором настаивали американцы, а на бескомпромиссной борьбе, в ходе которой новая Россия держала экзамен на «военную надежность». Лондон в этом вопросе был более скептичен, чем остальные. Лучшая на то время разведывательная служба в мире - британская, доставляла обескураживающие сведения о неутешительном состоянии русской армии и ее неспособности полноценно сражаться. В отличие от прочих союзников, Лондон еще на ранней стадии «российского перерождения»

141

испытывал явные опасения за перспективность такого союза. Оставалось одно - уповать на здравомыслие новой российской власти. По этому поводу уместно замечание британского посланника Дж. Бьюкенена: «Более чем когда - либо необходимо не упускать из вида, что победа Германии приведет к разрушению того прекрасного памятника свободе, который только что воздвиг русский народ. Великобритания протягивает руку Временному правительству, убежденная, что оно, верное обязательствам, принятым его предшественником, сделает все возможное для ведения войны до победного кон-

ца» . Но мы то видим, насколько новая Россия, с ее новыми социальными идеями, далеко отставала от стремящейся к победе любой ценой Англии.

Английское правительство постепенно начинает терять веру в Россию как в великую силу, способную сдерживать натиск Германии с востока. Надежда на генерацию неких внутренних сил, способных трансформировать русскую демократию в нужное русло, ушла быстро и навсегда. Отныне и до конца войны геополитическое значение России падает необратимо. Более всего обеспокоен, конечно же, Лондон. Английское правительство приложило максимум усилий, чтобы удержать Россию от необдуманных шагов, но видимо напрасно. Союзу двух великих мировых держав, двух титанов суши и моря - Англии и России - оставалось совсем немного, каких-то несколько месяцев.

Дж. Бьюкенен категоричен в своих прогнозах: «Военные перспективы в высшей степени неутешительны, и лично я потерял всякую надежду на успешное русское наступление. Равным образом я не держусь оптимистических взглядов на безоблачное будущее этой страны. Россия не созрела для чисто демократической формы правления»¹⁹. Донесения британской разведки подтверждают этот неутешительный вывод. Основой русской стратегии Британии становиться не свободный выбор, а жесткая историческая необходимость: следует, как можно дольше поддерживать своего союзника в боевой готовности и способствовать его внутренней консолидации, ибо распад России позволит Германии обратиться всей мощью на Запад. Остается только

142

одно - ставить на Временное правительство, далекое от стабильности, переживающее собственную политическую эволюцию, и верить в то, что это самое правительство способно здраво мыслить и принимать рациональные решения. Впервые за многие столетия мы видим, что послами Антанты (М. Палеологом в меньшей степени, Дж. Бьюкененом - в большей) овладевает сомнение в исторической необходимости дальнейшего союза с Россией. Вера Англии в «русского союзника» угасает на глазах.

§2. Изменение целей финансовой политики Англии по отношению к Временному правительству

С началом Первой мировой войны, как показывают статистические данные, финансовая ситуация в России резко ухудшилась. В связи с ростом чрезвычайных расходов и сокращением притока доходных поступлений в государственную казну, вызванного вполне объективным замешательством первых недель войны и «сжатием хозяйственной деятельности, сокращением производства некоторых продуктов, с которых взимаются акцизы, уменьшением числа заключенных сделок, облагаемых пошлинами, наконец, резким

уменьшением международного товарооборота, питающего таможенный до-

20

ход», финансовому ведомству России так и не удалось добиться положительной динамики в основном секторе экономики вплоть до падения царского режима.

Пришедшее на смену царскому Временное правительство столкнулось с множеством острейших проблем, среди которых видное место занимал вопрос, связанный с дальнейшим финансированием военной кампании России. При этом его положение усугублялось еще и внутривластной неразберихой. В том, что Временное правительство «унаследовало от царизма вконец расстроенные финансы», не было никаких сомнений, и это в свою очередь порождало эйфорию скорейшего реформирования финансовой сферы. Сложившаяся ситуация в скором времени могла реально подорвать внутренний потенциал страны ввиду того, что наблюдавшаяся разруха в народном хозяйстве, усугублялась расстройством финансовой системы. Перед ним встала задача срочно изыскать новые источники доходов для поддержания стабильного развития государства и покрытия чрезвычайных военных расходов, возраставших с каждым днем.

К моменту прихода Временного правительства и во время его деятельности не существовало единого утвержденного бюджета. Получилось так потому, что царское правительство не успело осуществить всю процедуру подготовки бюджетных смет и их утверждения к февралю 1917 г., когда грянула революция. В обстановке нарастания кризиса самодержавной власти подготовка бюджетной росписи на 1917 г. приняла затяжной характер. Только 1 ноября 1916 г.

министерство финансов внесло в Государственную думу бюджет на 1917 г. Не рассчитывая на утверждение росписи к 1 января 1917 г., министерство финансов подготовило временное расходное расписание на первую треть 1917 г., которое вводилось с начала нового бюджетного года. Расходование средств на военные нужды производилось на основании чрезвычайных сверхсметных ассигнований. При этом кредиты исчислялись на четырехмесячный срок в особых упрощенных перечнях и удовлетворялись за счет военного фонда.

Получилось так, что в период Временного правительства не было утверждено единой бюджетной росписи доходов и расходов. Расходование государственных средств проводилось либо на основании бюджета, внесенного на утверждение еще царским правительством, либо на основании сверхсметного бюджета, утвержденного в особых четырехмесячных перечнях, либо по временным, четырехмесячным расходным росписям, принятым министерством финансов к концу 1916 г.

Исторические особенности наложили резкий отпечаток на финансовую политику Временного правительства. Главная задача которого, после прихода к власти, заключалась в восстановлении государственных финансов и бюджетно-сметного дела, в укреплении денежной системы страны.

Несмотря на фактическое отсутствие у Временного правительства главного финансового документа государства - бюджета, ему пришлось испытать на себе все тяготы финансовой самостоятельности. Для ликвидации бюджетного дефицита, достигшего к марту 1917 г. - «17,5 млрд. руб., что на 28%

2\

превзошел дефицит 1916 года» , существовало два возможных пути решения: внутренний и внешний. Внутренний путь подразумевал под собой необходимость изменения налогового курса государства в сторону его усиления. Но в существующих условиях это было не так просто.

Временное правительство, понимая все остроту положения, должно было найти в кратчайшие сроки наиболее безболезненный путь разрешения сложившейся ситуации. Необходимо было немедленно принимать самые

энергичные меры к преодолению этой тенденции, к быстрому увеличению государственных доходов.

Обсуждая вопрос о возможных источниках дополнительных поступлений в государственную казну, министерство финансов предполагало использовать все те же, унаследованные от «старого режима», методы финансирования войны, а именно «усиление налогового обложения, повышения доходности казенных предприятий, широкую постановку кредитных операций и значительное увеличение прочих поступлений»²², для стабилизации экономической ситуации в стране.

С одной стороны, возможность коренной реформы налоговой системы, перекладывающей основную тяжесть налогового бремени с простого населения на имущие классы имела в своей основе некое прогрессивное начало, но при этом не было никакой гарантии ее успеха. Поскольку раздираемое различными политическими группировками и постоянно складывающимися коалициями, каждая из которых видела свой путь разрешения данной насущной проблемы, Временное правительство было ограничено в своих действиях. С другой стороны, трансформация налоговой политики в направлении преимущественного усиления прямого обложения имущих классов было

слишком рискованным шагом. Находясь в условиях конфронтации, когда об-

145

становка в стране была, прямо сказать, критическая, сопряженная с прогрессирующей инфляцией, постепенно возобновляющейся эмиссией денежных средств и полнейшей хозяйственной разрухой, Временное правительство было совсем не готово к реализации намеченного.

Провальной оказалась и эмиссионная политика новой власти. Временное правительство, отдавая себе отчет в том, что дальнейший выпуск бумажных денег несет в себе «реальную опасность» - «роняет покупательную способность рубля и тем самым ведет к прямому удорожанию войны, и к ухудшению общих условий народнохозяйственной жизни», взяло курс на скорейшее проведение «большого национального всероссийского займа у свободного русского народа»²⁴ для того,

чтобы с его помощью «сократить печальную и грозящую России необходимость усиленного выпуска новых бумажных

лг

денег». При таком подходе Заем должен был служить не только объектом для приложения избыточных капиталов, но и стать регулятором бумажноденежной эмиссии. Вот и в этом мы оказались солидарны с нашим основным союзником - Великобританией. Поскольку ее правительство также избрало одним из принципов преимущественного финансирования войны, наравне с налоговыми сборами - внутренний займ²⁶. За весь период войны английское правительство выпустило несколько краткосрочных обязательств, реализо-

лм

ванных на общую сумму в 2,5 млрд. ф. ст. , несмотря на то, что все эти займы не получили широкого распространения среди большинства населения. Но, похвастаться ошеломляющими результатами англичане не могли. Хотя, конечно, смотря с чем сравнивать, если с успехами российской кредитной политики, то здесь без комментариев - достижения английского правительства в разы успешнее.

Впрочем, Временное правительство, поспешно приступив в марте 1917 г. к разработке нового займа, равно как и английское, надеялось в скорейшем времени достичь желаемого результата. Этот заем министры Временного правительства хотели сделать массовым и распространить его среди самых различных групп населения. В связи с выпуском нового займа была развернута широкая агитационная программа за всеобщую подписку.

Подготовка займа была возложена на плечи министерства финансов совместно с банковскими кругами. Так 6 марта 1917 г. министр финансов М.И. Терещенко поставил перед частными банками вопрос об их помощи правительству в выпуске займа и «выразил надежду, что в новой России финансо-

ло

во-хозяйственная жизнь пышно расцветет». Делая ставку на внутренний кредит, новое правительство и банки во многом исходили из «своеобразия политического момента, социально-психологической атмосферы, сложившейся в России в первые недели после свержения самодержавия»²⁹, и пытались «использовать высокий подъем патриотического чувства, охватившего широкую общественность»³⁰. С

одной стороны, новый заем должен был дать необходимые денежные средства «для дальнейшего покрытия вызываемых войной чрезвычайных расходов»³¹, а с другой - явиться «лучшим доказательством доверия общества к новому строю». В третьих, Временное правительство надеялось на то, что «успех внутреннего займа откроет ему дверь к займам внешним»³³.

Временное правительство приняло все необходимые меры, чтобы задействовать в этом буржуазные круги. Облигации «Займа свободы» приносили 5 % годового дохода. Их подписной курс составлял 85% нарицательной стоимости. При приобретении облигаций этого займа допускалась рассрочка. Под залог облигаций займа Государственный банк выдавал ссуды в размере 75% их стоимости. Следовательно, для подписки на заем нужно было внести деньги значительно в меньшем количестве по сравнению с суммой подписки. Кроме того, частные банки получали право перезаклада облигаций «Займа свободы» в Государственном банке.

Несмотря на эти, столь выгодные условия, представители буржуазии не торопились приобретать облигации нового займа. В условиях военно-инфляционной конъюнктуры, быстрого падения покупательной способности рубля, покупка облигаций займов не являлась выгодным вложением денег для буржуазии.

На июльских заседаниях Экономического совета Временного правительства были отмечены плачевные итоги «Займа свободы». По заявлению М.И. Терещенко, «подписка на заем дает крайне ничтожные суммы, и этот источник не сыграет сколько-нибудь существенной роли в покрытии предстоящих расходов государства».

Общая подписка на «Займ свободы», до конца существования Временного правительства, составила около 3,5 млрд. руб., что было в несколько раз меньше первоначальных предложений. К тому же значительная часть облигаций была заложена в коммерческих и государственных банках. Благодаря «Займу свободы» удалось изъять из обращения лишь самое незначительное количество денег. На московском совещании в августе 1917 г. представители Временного правительства

признали бесперспективность этого финансового мероприятия. «Займ свободы» фактически провалился, а издержки этой компании нечем было компенсировать.

Дальнейшее ведение войны требовало новых расходов, совершенно исключительных по своим размерам, превосходящих все то, что можно было ожидать. Вдобавок, военные расходы не только росли изо дня в день, но они еще превзошли в несколько раз допустимый лимит военного бюджета на 1917 г. И если Временному правительству не удавалось покрыть военные траты за счет ужесточения налоговой политики, то оставалось только одно, обратиться к внешнему кредитованию.

В этом случае требовалось, как можно скорее возобновить финансовые отношения с прежними кредиторами царского правительства, либо завести новые связи в мировой финансовой олигархии. Однако быстро добиться значительных результатов в этом направлении было невозможно. Существовало много трудностей, которые создавали существенные осложнения.

Временное правительство не имело такого влияния на мировой арене, какое было у царского правительства, у него не было такого количества фи-

148

нансовых партнеров. Основной причиной настороженности потенциальных кредиторов являлась неустойчивость самого правительства и его неспособность справиться с антивоенными настроениями масс. Притом, что финансовая политика Временного правительства была направлена на привлечение иностранных капиталов³⁴, прежде всего - английских. В этом плане Временное правительство являлось продолжателем финансовых традиций царского правительства. Тем не менее, одного желания новой власти было не достаточно для того, чтобы рассчитывать на получение кредита. Необходимо было заручиться поддержкой со стороны предполагаемого кредитора, т. е. английского правительства. Временное правительство отдало свое предпочтение английскому капиталу не потому, что не рассматривало другие варианты, просто этот вариант оказался наиболее предпочтительным. Правда, нельзя сказать, что в Лондоне были также уверены в перспективности возобновления финансовых связей с новой российской властью.

Английское правительство сразу же после февральской революции заняло по отношению к Временному правительству более подозрительную и строгую позицию, чем оно занимало по отношению к царскому правительству. Английское правительство сначала не торопилось, а позднее совсем отказалось ратифицировать соглашения Петроградской конференции. В данном случае такое решение носило упредительный характер, так как утверждение финансового соглашения, заключенного с прежним правительством, повлекло бы за собой представление кредитов в том же масштабе, что и раньше. Будучи прекрасно информирована о нестабильном внутреннем положении новой России, Великобритания тем самым пыталась обезопасить свой финансовый рынок от чрезмерных запросов Временного правительства.

Повторные настояния российского поверенного в делах в Лондоне В.Д. Набокого на удовлетворение ряда финансовых требований Временного правительства привели его к весьма откровенному разговору с представителями английского правительства, о котором он в срочном порядке телеграфировал своему руководству. Дело, в конечном счете, заключалось в том, что англий-

149

ское правительство потеряло веру в боеспособность русской армии, ее возможность вести наступательные операции. Всякого рода словесные заверения Временного правительства о противном, говорилось в донесении В.Д.

Набокого, «этого безверия не устранили» . В этом В.Д. Набоков видел коренную причину того, что «никакие представления о необходимости для нас новых многомиллионных кредитов не в силах убедить здешнее правительство» . Телеграмма заканчивалась указанием на то, что союзники «на деле» ждут доказательства, что русская армия способна «на подвиг и победу» и всеми силами стремится к ним³⁷.

Последовавшие за апрельским кризисом события - отставка П.Н. Миллю-кого, Гучкого и создание коалиционного министерства, по словам В.Д. Набокого, привели к укреплению в Лондоне пессимистических настроений, граничащих с паникой, и убедили финансовые круги Англии в «боевой немощи России» . В этом, по глубокому убеждению большинства российской правящей элиты, и крылась

разгадка того, что английское правительство не хотело больше вкладывать средства в российскую экономику. Возможно, отчасти дело было и в этом, но все же главной причиной отказа в свободном кредитовании послужила бездарная внутренняя политика новой власти, сведшая на нет все «завоевания прошлых лет». Но отказать совсем в какой-либо финансовой помощи английское правительство также не могло. Слишком крупная шла игра, слишком многое было поставлено на карту. Поэтому, до выяснения обстановки, кредиты предоставлялись для нужд торговли и промышленности, а также поддержания рубля, по признанию П.Н. Милюкова, «в размерах, определенных предыдущим финансовым соглашениям, т. е. значительно меньше против норм февральской конференции». Он отмечал «сдержанность» английского правительства в открытии «новых кредитов», что вызывало у министерства финансов опасения в отношении платежей по иностранным заказам и поставкам. Опасения министерства финансов полностью оправдались. Ссылаясь на ограниченные средства, английское правительство действительно задерживало предоставление новых кредитов, указы-

150

вая на то, что «до момента вступления Америки в наш союз... о помощи союзникам в крупных размерах не могло быть и речи»⁴⁰.

Учитывая недостаток валюты и огромный рост заказов и потребностей различных ведомств, Временное правительство провело дальнейшую централизацию всего дела заграничного снабжения, образовав «Особый межведомственный комитет по заграничному снабжению», в который влилась и Комиссия по распределению валюты⁴¹. Предполагалось, что эта мера будет содействовать «успеху войны». Это решение означало усиление государственно - административного регулирования хозяйства страны.

8 апреля 1917 г. министр финансов Временного правительства М.И. Терещенко обратился к министру иностранных дел П.Н. Милюкову со специальным письмом, в котором в довольно радужных тонах сообщал о предложении кредитов со стороны американского правительства. Кроме того, он писал о взятых на себя Англией и невыполняемых ею финансовых обязательствах⁴². Так как переговоры с Соединенными Штатами были еще «не закончены», вернее они только начинались,

то М.И. Терещенко писал: «Я все же полагал бы необходимым и ныне настаивать на скорейшем заключении соглашения с Англией на основаниях, установленных Петроградской конференцией, с тем, чтобы Англия признала свое обязательство предоставить нам всю ту валюту, которая необходима для выполнения сообщенной ей нашей военной программы, за исключением платежей по железнодорожным заказам и торгово-промышленным закупкам в Америке»⁴³. Под влиянием положительных сообщений из США М.И. Терещенко сделал для Англии значительную скидку, сняв с нее расходы по железнодорожным заказам и рассчитывая в дальнейшем, по получении кредитов в США, освободить Англию и от «чисто военных платежей», взамен чего англичане должны были увеличить кредиты на нужды торговли и промышленности, на поддержание курса рубля, а также увеличить отпуск валюты для закупок в Японии и скандинавских странах. Таков был план максимум Временного правительства, о котором

П.Н. Миллюков незамедлительно поставил в известность поверенного в делах в Лондоне.

Этот план не был поддержан англичанами, прежде всего, по причинам, которые уже были указаны выше. Кроме того, переговоры с американцами о предоставлении кредита союзникам развивались не так динамично, как бы этого хотелось Временному правительству. В связи с этим Набоков присылал нерадостные вести. Английское правительство «отложило» рассмотрение «подробностей окончательного финансового соглашения с Россией до выяснения С-А. Соединенных Штатов к вопросу о финансировании заказов союзников»⁴⁴. Такова была официальная версия. Правда, английское правительство «утешало» российское правительство надеждой на столь широкое финансовое содействие со стороны США, что российскому правительству «не придется встретиться с какими-либо финансовыми затруднениями в вопросе о снабжении в том виде, в каком он был разрешен на конференции союзников в Петрограде»⁴⁵.

Но на деле все складывалось совсем иначе. План снабжения, принятый на Петроградской конференции, до сих пор не был реализован. И если бы даже американцы действительно субсидировали необходимые средства Временному

правительству, то все равно время было уже потеряно и многое, что должно было поступить в 1917 году, опоздало бы на год и могло быть доставлено только в 1918 году.

Еще в марте 1917 г. генерал Гермониус прислал из Лондона подробный перечень заказов на оборудование, размещение которых английское правительство прекратило в связи с «неопределенностью дальнейших контактов». В данном случае дело казалось довольно большой группы военных предприятий, заказавшей на 20 тонн оборудования, стоимостью около 1,5 млн. ф. ст., а также оборудования для вновь строившихся заводов, в том числе шести автомобильных заводов, что составляло около 25 тыс. тонн оборудования и станков, стоимостью около 2 млн. ф. ст.⁴⁶

Буквально все ведомства получали из Лондона тревожные сведения. 12 апреля 1917 г. Горный департамент министерства торговли и промышленности получил извещение о том, что английское правительство «совершенно прекратило помещение и размещение всех заказов на всякое заводское оборудование для России»⁴⁷. Между тем от этого оборудования, заказанного для казенных горных предприятий, зависело выполнение «срочных артиллерийских заказов». Меры английского правительства вполне могли нарушить план деятельности горных предприятий и окончание крупных строительных работ. В конце апреля 1917 г. адмирал Канин писал из Лондона о возможном намерении английского правительства передать выполненные для морского ведомства России заказы «на удовлетворение потребностей Англии и других союзников»⁴⁸. Одновременно сообщалось, что выполнение уже размещенных заказов зависело от сотрудника английского посольства в Петрограде генерала Пуля, который должен послать соответствующее ходатайство в Лондон. Речь шла об оборудовании мастерских военных предприятий морского ведомства - Ижорского, Адмиралтейского, Балтийского и других заводов.

Аналогичные известия поступали от агента министерства торговли и промышленности в Англии, который, также сообщал, что «остановились все заказы на всякое заводское оборудование»⁴⁹. Из частного источника агент узнал,

что вопрос о заводском оборудовании «в виде исключения» рассматривается комиссией военного министерства лорда Мильнера, которая в своих суждениях основывается на заключениях генерала Пуля, за поддержкой которого и рекомендовалось обратиться русским учреждениям.

В происходящем с российскими заказами не было ничего неожиданного, как могло показаться на первый взгляд. Представители Англии еще на Петроградской конференции особенно рекомендовали российскому правительству усилить промышленное производство и по возможности рассчитывать на собственные силы. По-видимому, этого не произошло, так как новое правительство не оставило попыток повысить промышленный потенциал России за счет зарубежных заказов.

Всеми вопросами военных поставок из-за границы занимался, созданный еще при царском правительстве, Комитет по заграничному снабжению, который сотрудничал с военными миссиями союзников.

Наряду с ним для «наилучшего налаживания контактов с союзниками» в Петрограде был создан Межсоюзнический комитет снабжения, в котором помимо чиновников Временного правительства заседали представители военных миссий союзников. На этих заседаниях решались все важнейшие дела, связанные с иностранными военными поставками. Теперь именно Межсоюзнический комитет во многом определял работу Комитета по заграничному снабжению. Первоначально союзники намеривались создать в Петрограде «Постоянное совещание послов союзных держав для обсуждения связанных с войной вопросов»⁵⁰. Создание такого органа означало бы открытый экономический контроль над деятельностью правительства, что без сомнения, могло вызвать широкое недовольство со стороны правящей элиты. В связи с этим Комитет по заграничному снабжению, обсуждавший 13 июля 1917г. этот вопрос, признал создание такого органа «нежелательным», так как, он неизбежно превратился бы «в новую инстанцию по делам нашего заграничного снабжения», а таких инстанций и без того достаточно, особенно в Лондоне. Союзники не настаивали на своем предложении и практически сразу отказались от своей идеи превратить совещание послов в постоянно действующий орган. Да, и настаивать, особенно

англичанам, не было никакого смысла, ибо английская военная миссия под руководством генерала Пуля совместно с Межсоюзническим комитетом отлично справлялись со своими контрольными функциями. Именно они внимательно следили за рациональным использованием выдаваемых России кредитов, договаривались о размещении русских заказов на заводах Англии и США и т. д. Российское правительство обязывалось при любых условиях связываться с Англией и направлять все новые требования по снабжению в соответствующие комитеты, производить все изменения в заказах и регулировать вопросы перевозок только

через генерала Пуля. Представитель английской военной миссии полковник

154

Берне имел возможность непосредственно сноситься с Главным артиллерийским управлением, в обход Комитета по заграничному снабжению. Сам генерал Пуль довольно часто вмешивался в распоряжения военного ведомства России. К Пулю непосредственно обращались представители заводов России по вопросам доставки купленных материалов из-за границы. Одним словом, постепенно английская военная миссия фактически стала тем центром в России, который регулировал деятельность органов Временного правительства, ответственных за заграничные поставки. Неоспоримо и то, что Межсоюзнический комитет был коллективным органом всех союзников в осуществлении экономического контроля над финансовой деятельностью Временного правительства.

Однако следует отметить, несмотря на то, что Великобритания и России старались сохранить отношения на прежнем уровне, между ними возникли серьезные трения в вопросах финансирования.

Взгляды английского правительства на финансовую помощь Временному правительству резко изменились под влиянием неудач русской военной кампании весны - лета 1917 года. Главный стратег и скептик Британии, премьер - министр Д. Ллойд Джордж начал сомневаться в наличии у России сил и возможностей восстановить фронт и продолжить сопротивление на восточном фронте. Летние месяцы 1917 года давали скептицизму все более весомые подтверждения. В то время как немецкая армия чувствовала себя достаточно уверенно на всех

направлениях. Русская армия, крупнейшая в мире, в это же время, потихоньку начала расслаиваться. Политические предпочтения армии и флота политизировались параллельно росту революционного накала в стране. В условиях такого напряжения всех сил нации и военных трудностей страны резкая социальная переориентация России грозила неминуемой катастрофой для всего русского народа. Все это не могло не беспокоить британского премьера. Поскольку нестабильное положение внутри России требовало скорейшего пересмотра русской политики Лондона.

Опасения Д. Ллойд Джорджа были столь серьезны, что, пожалуй, в первый раз он задумывается над возможностью заключения сепаратного мира на Западе⁵¹.

Но отвернуться от «бедной России» значило бы, помимо прочего,

52

подвергнуть серьезной опасности будущее самой Британии. Ввод финансовых санкций против России мог повлечь за собой риск потерять все сразу. Вместо того, чтобы «обрубить все концы», Великобритания была готова дать России последний шанс на реабилитацию.

Застыв в страхе, Британия стремилась не предпринимать ничего, что могло бы выглядеть как союзническое подталкивание ради империалистических идей. Главное сейчас было в другом, Россия должна была сама осознать все шаткость своего положения, чтобы вовремя принять необходимые меры и не скатиться по наклонной вниз.

Внутри страны А.Ф. Керенский стремился показать, что не упускает шансов выработать план по спасению «угасающей России», а вовне убеждал союзников, что Россия по-прежнему верна союзному договору, а всякие там разговоры о сепаратном мире, лишь происки недоброжелателей.

На самом же деле ситуация внутри страны потихоньку начала выходить из-под контроля. Четырех месяцев революции было достаточно, чтобы полностью расстроить финансы российского государства. Нарастивание темпов бумажно-денежной эмиссии повлекло за собой не только инфляцию, но и способствовало резкому ухудшению жизненного уровня преобладающей части населения России. Крестьяне прекратили платить налоги, требуя равноправия, рабочие и служащие

ратовали за увеличение заработной платы, и как результат государственная казна затрещала по швам. Министр финансов Временного правительства А.И. Шингарев отметил уменьшение «уплаты налогов в стране с 65% до 80%»⁵³, соответственно. Если в марте 1915 года Государственный банк России выпустил 160 млн. бумажных рублей, то к сентябрю 1917 г. было выпущено более 2 млрд. рублей⁵⁴. Расстройство денежной системы в последний период существования Временного правительства

усилилось благодаря резкому сокращению вкладов в банках и сберегатель-

156

ных кассах. За период с 1 марта по 1 октября 1917 г. вклады сократились с 3600 до 1600 млн. рублей⁵⁵. Нельзя также забывать, что расширение масштабов инфляции сочеталось и переплеталось с сокращением промышленного производства и продовольственным кризисом в стране. Само собой разумеется, что при таких условиях покупательная способность рубля падала особенно быстро, как внутри страны, так и на иностранных рынках. Последствием этого явилась необходимость более строгой регламентации иностранного вывоза. Недостаток валюты создал особые трудности в снабжении валютой русских войск в Персии и Финляндии. В Финляндии падение курса рубля приняло «катастрофический характер», и русская валюта там лишилась «почти всякой покупательной силы». На внутреннем денежном рынке дела обстояли еще хуже. По официальным данным, к марту 1917 г. покупательная способность рубля снизилась почти в четыре раза и составила 27 коп. По другим источникам - до 14 коп.⁵⁶ Разноречивость данных о покупательной способности рубля в годы войны совершенно естественна. Разложение хозяйства капиталистической России вызвало резкое обособление экономических районов друг от друга. Благодаря этому создавался такой разбой в ценах на одни и те же товары, что уже просто было невозможно отслеживать их ежедневный рост. По сравнению с другими национальными денежными единицами, рубль обесценился больше всего.

Получилось так, что Временное правительство, фактически, осталось без иностранной валюты, и в гораздо большей степени должно было пользоваться печатным станком, чем его предшественник. В отчете Иностранного отделения

Особой канцелярии по кредитной части о его деятельности при Временном правительстве ясно сказано о «исчерпании наших валютных ресур-

⁵⁷

сов». Эмиссионное право Государственного банка было увеличено с 4 марта - по 6 октября 1917 г. на 10 млрд. руб., а затем было доведено до 16,5

^{го}

млрд. руб. по окончанию указанного периода. С марта по октябрь 1917 г.

Временное правительство выпустило в обращение бумажных денег больше,

чем за все предыдущее время войны⁵⁹. В среднем каждый учетный месяц в

157

широкое обращение выбрасывалась сумма почти в 4-ре раза большая, чем в

среднем за месяц войны до Февральской революции (1048 млн. руб. против 264

млн. руб.)⁶⁰. Бумажные деньги стали покрывать почти 80% всех военных расходов.

Неудивительно, что государственный долг при Временном правительстве рос, как снежный ком.

Таким образом, разрыв между неудержимо возрастающими финансовыми потребностями государства и действительно поступившими доходами и чрезвычайными средствами увеличивался, финансовое расстройство принимало все более тяжелый и разрушительный характер. Все это еще раз свидетельствует о том, что попытка Временного правительства при помощи внутренних займов получить значительные средства для финансирования войны не увенчалась успехом.

На сколько мы уже успели убедиться, не лучше обстояло дело и с внешними займами. Многочисленные попытки министерства финансов Временного правительства добиться со стороны своих ближайших союзников (Англии и Франции) финансовой помощи так и не увенчались успехом. Англофранцузские финансисты, несмотря на свое признание Временного правительства, не верили в прочность его власти и потому старались повременить с открытием новых кредитов. Слабость правительства А.Ф. Керенского, неспособность его стабилизировать обстановку внутри страны, отмечали послы всех союзных государств в своих сношениях с Лондоном и Парижем⁶¹. Д. Ллойд Джордж в своих воспоминаниях подчеркивал, что на конференции стран Антанты, проходившей в

Париже в июле 1917 года англо-французским правящим кругам стало ясно, что «Керенский и его правительство совершенно потеряли контроль над общественным положением»⁶².

В соответствии с указанными обстоятельствами, как английские, так и французские правящие круги на протяжении всего периода существования Временного правительства проявляли крайнюю сдержанность в отношении оказания финансовой помощи России. Более того, кредиты, которые отпускались России по старым обязательствам, заключенным еще в дофевральский

158

период, всячески урезались. В отношении последнего, следует отметить, что ни о какой дискриминационной политики со стороны союзников здесь речи вовсе не шло, просто, таким образом, союзники пытались показать своему несознательному партнеру, насколько он зависим от их финансовой помощи и, насколько они заинтересованы в его участии. Если же говорить более конкретно, то англо-русское недопонимание сводилось к следующему.

В марте и апреле 1917 г. произошло незапланированное, но и не столь неожиданное сокращение кредита на русские заказы, размещенные за рубежом. За оба эти месяца было получено менее двух третей того, что было отпущено за каждый из первых двух месяцев 1917 г. царскому правительству, с которым, в отличие от Временного правительства, у союзников были четкие договоренности о сумме кредитов. А вот с Временным правительством у его западных союзников пока, что не было подписано ни одного финансового документа. Но вопреки этому обстоятельству, союзники не отказались от своих прежних обязательств и продолжили выплаты, хотя и в урезанном варианте. Кредиты за май 1917 г. составили только 10% оттого, что отпускалось в январе и феврале; в июне установленная сумма была сокращена еще в несколько раз. Из Лондона в Петроград приходили тревожные телеграммы. Помимо прекращения отпуска средств английское правительство реквизировало свыше 80 станков, приготовленных для России, и за два месяца навигации не отправило ни одного орудия⁶³. В конечном итоге, английское правительство вообще приостановило отправку тяжелой артиллерии в Россию. Английский военный министр лорд

Мильнер по этому поводу официально заявил, что английское правительство «не считало возможным посылать грузы в Россию, в то время как не было достаточной уверенности в том, что они достигнут своего конечного назначения и не будут своевременно использованы на фронте»⁶⁴. К 1 июля 1917 г. в нескольких портах США, Англии и Франции скопилось 400 тыс. тон грузов, предназначенных для отправки в Россию⁶⁵. Между тем, лорд Мильнер предоставил только 200 тыс. тон тоннажа, т. е. около 50% к наличным грузам. Такое значительное сокращение тон-

159

нажа сопровождалось указанием «на необходимость пересмотра наших программ и готовность принять для английского правительства часть наших заказов обратно»⁶⁶, с обещанием возобновить их при более благоприятных условиях.

Спустя какое-то время последовало новое письмо лорда Мильнера, в котором разрешалось пересмотреть порядок отправки грузов из всех стран, с правом увеличить, например, количество отправляемых грузов из США, за счет соответствующего сокращения грузов из Британии. Письмо заканчивалось недвусмысленным заявлением о том, что России необходимо прекратить дальнейшее размещение заказов, которое можно допустить «разве только по исключительным обстоятельствам».

Глава закупочной организации России за границей генерал Гермониус признал создавшееся положение с поставками «критическим», переложив тем самым всю ответственность за происходящее на союзное руководство. У него хватило бестактности заявить лорду Мильнеру, что российское правительство будет вынуждено «прибегнуть к грустной необходимости изменения плана наших военных действий на русском фронте»⁶⁸. Со стороны ген. Гермониуса было верхом безрассудства отвечать на предупреждения угрозами. Его заявление, как и требование Временного правительства о созыве конференции всех союзников для рассмотрения вопроса о тоннаже, произвели на английское правительство крайне негативное впечатление.

Не вызвало энтузиазма у Временного правительства и предложение английского посла, последовавшее вскоре за «рекомендательными» письмами лорда Мильнера. За завтраком с А.Ф. Керенским 11 августа 1917 г. Дж. Бьюкенен

потребовал включения Петрограда в прифронтовую полосу, чтобы на основе законов военного времени восстановить в нем дисциплину. При этом, заметив, что подобная мера вполне соответствует политики, проводимой Временным правительством. Кроме того, в случае получения положительного ответа со стороны правящей власти, Британия возобновит поставки российской армии артиллерийских орудий. В ответ А.Ф. Керенский заявил, что

160

«Если вы намерены торговаться насчет артиллерии, и не хотите помогать России, то вам лучше сказать об этом сразу»⁶⁹. Дж. Бьюкенен возразил своему оппоненту: «Мы не собираемся посылать на фронт артиллерию, если ее могут захватить германцы»⁷⁰.

По мнению Дж. Бьюкенена, Временное правительство безнадежно, и у него практически нет шансов спасти страну. Дж. Бьюкенен теряет веру в союзнические способности России: «Для нас пришло время сказать откровенно русскому правительству, что мы ожидаем, сосредоточения всей энергии русских на реорганизации армии, на восстановлении дисциплины на фронте и в тылу»⁷¹. Согласно его прогнозу, социалисты целенаправленно ведут Россию к гибели. У России нет средств, финансировать военные заказы, это должно взять на себя англичане и американцы, «если мы желаем, чтобы Россия вы-

IV

держала зимнюю кампанию» . Постепенно Дж. Бьюкенен стал приходить к мнению, что решить поставленную задачу мог бы, наверное, лишь генерал Корнилов, в случае прихода к власти. Пессимистический настрой английского посла не мог не отразиться на той позиции, которую заняло собственно само английское правительство в отношении российских властей. Принципиально во взаимоотношениях сторон ничего не изменилось, вот только наступило время, когда союзники перестали открыто доверять друг другу так, как это было раньше. Разумеется, осталось и то, что в некотором роде сближало их позиции. Теперь не только союзники не были уверены в боеспособности русской армии, а практически все высшее военное руководство России. Еще задолго до этого, ген. Алексеев на совещании высших военных деятелей в Ставке заявил, что «союзники с нами в

настоящее время перестали, по- видимому, считаться»⁷³, а после провала июньского наступления они и совсем потеряли доверие к Временному правительству. А.А. Брусилов и другие генералы считали, что армия не способна к наступлению до весны 1918 г. Еще меньше готовой к наступлению ее считали союзники. Июньское поражение 1917 года стало тому прямым подтверждением.

Начиная с июня 1914 г. Британия пыталась заменить в России Германию в качестве основного экономического партнера, поставщика технических специалистов и кредитов. В августе 1917 г. она, в какой-то степени, расписывается в своей неудачи. Английские промышленники стали закрывать свои предприятия в России и покидать страну, возникли перебои с поставками вооружения. Страна становилась все более неуправляемой. «Огромные массы солдат не желают воевать, в промышленности дело приближается к анархии, виды на урожай катастрофические. Если Керенский выступит с предложением сепаратного мира, большинство страны поддержит его»⁷⁴.

После провала июньского наступления в Петрограде в английском посольстве состоялось совещание представителей союзных держав, на котором было решено официально известить российское правительство, что ранее намеченный план перевозок в силу некоторых затруднений, не будет выполнен⁷⁵. Вскоре последовали официальные письма английского и французского военных атташе о необходимости сократить военные заказы в Британии и Франции⁷⁶. Английский военный атташе писал, что в интересах безопасности грузов российского правительства, их отправка должна быть доведена «до минимальной цифры». Французский военный атташе указывал на денежные затруднения и сокращение средств перевозок, которыми располагают союзные державы. В связи с этим, 10 августа 1917 г. французский генеральный консул Бертран информировал французское правительство о надвигающемся противостоянии сторон. Премьер А. Рибо собственноручно в строжайшем секрете написал заменившему А. Тома послу Нулансу, что «все союзники чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы Корнилов и Керенский сумели организовать энергичное правительство»⁷⁷.

В свете реально обозначившейся угрозы военного поражения, перед послами Запада встала задача подготовить свои правительства к реальности военнополитического паралича России. Более всего Дж. Бьюкенена беспокоило то обстоятельство, что А.Ф. Керенский и его коллеги в правительстве лишат армию боевой силы из-за опасения того, что она может быть использо-

162

вана против революции. «Это была бы главная и фатальная ошибка», - писал Дж. Бьюкенен. На наступившем в конце августа 1917 г. поворотном рубеже российской истории Англия как бы замерла, не зная, какую политику избрать, чтобы не оказаться вне игры.

Аналитическая мысль западных стран зашла в тупик. Главы правительств обратились к своим экспертам, но и те испытывали едва ли не раздвоение личности. Согласно оценке Нокса, основная масса русских войск уже не могла сражаться. Промышленность расстроена, и рабочий класс требует уступок со стороны работодателей и правительства. Русский экономический организм фактически потерял всякую привлекательность для западных инвесторов и экспортеров. В этом роковом августе 1917 г. даже британский премьер начал терять веру в эсеровское правительство России.

В самой России недооценка всей остроты финансового вопроса накладывала тяжелый отпечаток на общее состояние дел. Оценив сложившуюся ситуацию, министры Временного правительства все еще пытались кое-что «выжать» из английского правительства, апеллируя к потерявшим реальное значение решениям Петроградской конференции 1917 г. Министры иностранных дел и финансов Временного правительства обратились в июне 1917 года к английскому правительству со специальной запиской, большая часть которой представляла собой краткий очерк англо-русских финансовых отношений, а заканчивалась почтительной просьбой о заключении нового финансового соглашения и выдаче кредита в размере 25 млн. ф. ст. (на июль) . Кроме того, оставалась неиспользованная сумма от прежних кредитов, которую министры определили в 10-15 млн. ф. ст. В счет этой суммы, а также сумм от неоплаченных заказов Временное правительство получало ежемесячно 3-4 млн. ф. ст. По расчетам

министров Временного правительства, к началу июля 1917 г. источник средств для финансирования правительства и военной компании был полностью исчерпан.

Ответ английского правительства на прошение российской стороны оказался относительно благоприятным. Англичане сообщили, что в распоряже-

163

нии Временного правительства находится сумма не в 10-15 млн. ф. ст., а в 65 млн. ф. ст. Эта сумма была вполне достаточной, для того чтобы покрыть все обязательства российского правительства, включая и американские заказы. Английское правительство заверило Временное правительство, что английское казначейство признает наличие «значительного излишка для покрытия всех существующих потребностей» и, поэтому оно беспрепятственно будет производить расчеты «наличными». Английское правительство даже согласилось принять новые обязательства по закупкам военного снаряжения. Вместе с тем, оно категорически отклонило просьбу об авансе в 25 млн. ф. ст. на июль, как и просьбу на валюту в йенах по причине отсутствия такого кредита.

В отношении американских платежей по заказам через Моргана было довольно прямо указано, чтобы российский министр финансов «совершенно не беспокоился по этому поводу», так как английское правительство «все еще оплачивает» эти заказы. Вместе с тем, в английском ответе в довольно категорической форме было предъявлено требование, чтобы вопрос об оплате этих заказов был решен, возможно, быстрее и, чтобы оплата по ним производилась вне очереди за счет американских кредитов, предоставленных России.

Но в ответе английского правительства не было ни слова о коренном и принципиальном вопросе относительно подписания финансового соглашения на базе решений Петроградской конференции и о фиксированной ежемесячной сумме кредита. Тем самым вопрос о новом финансовом соглашении и о беспрепятственной реализации программы снабжения, выработанной за несколько месяцев до этого, был отложен. Не взирая на это, англичане соглашались производить оплаты по ранее сделанным заказам и выдавать Временному правительству небольшие пособия, размеры и время выдачи которых напрямую зависели от того, как быстро российское правительство будет оплачивать заказы

через Моргана за счет американских кредитов, вновь предоставленных России. В итоге получалось, что, фактически, Англия прекра-

164

щала с первого апреля 1917 года дальнейшее финансирование России в прежнем объеме, ограничиваясь выплатой остатков по первым двум кредитам. Временное правительство отнеслось к занятой Англией позиции в этом вопросе достаточно лояльно. Вместо ожидаемого всеми протеста последовало примирительное отношение.

Финансовое ведомство России сочло вполне реальным, что США достаточно богатая страна, чтобы отпустить российскому правительству лишних 200 млн. долларов для оплаты сделанных Англией заказов. М.И. Терещенко просил американцев отнести эти расходы на счет американского кредита, так как Англия получила кредит в США на свои собственные поставки. Судя по переписке между Д. Фрэнсисом и государственным секретарем США в июле-августе 1917 г., оба они, в конечном счете, сочли возможным удовлетворить просьбу Временного правительства. В то же время они были категорически против увеличения общей суммы русского кредита (сверх 500 млн. долл.). Д. Фрэнсис особенно подчеркивал, что эти платежи американцы будут покрывать исключительно за счет русского кредита, с чем не было согласно Временное правительство. В отношении стабилизации курса рубля Д. Фрэнсис считал, что это безнадежное дело, если Временное правительство не сумеет внушить к себе доверия.

В целом же никаких улучшений в финансовой политике Временного правительства не произошло. Английское правительство не только не открыло новых кредитов, но даже сократило на август ассигнования с 3-4 до 2 млн. ф. ст.⁸⁰ В отношении предоставления новых кредитов России полномочный посол Британии в США Ридинг считал, что требование Временным правительством 700 млн. долл. до конца года «совершенно безрассудно» (unreasonable), хотя констатировал, что это требование России рассматривалось Межсоюзническим советом в Лондоне и получило положительную оценку. Ридинг определил потребности России до конца учетного года в 350-400 млн. долл., при условии,

чтобы они включали и «задолженность британского правительства по американским расходам в пользу русского правительства с 1 апреля 1917 года».

По расчетам Ридинга и английского правительства получалось, что уже предоставленный США кредит полностью покрывал все потребности России, а последняя должна была выполнить свои военные обязательства, получив часть от этой суммы.

Вскоре и министерство финансов России ответило на записку британского посла от 20/7 июля 1917 г. по поводу состояния российских кредитов. В этом ответе министерство финансов признало, что в предположительных расчетах действительно «крылось некоторое недоразумение». Далее шли заверения в том, что Временное правительство принимает все возможные меры к скорейшему возмещению английскому правительству сумм, истраченных Англией по ее заказам для России в США.

Внутри страны Временное правительство чувствовало себя крайне неуверенно. Продовольственный кризис и развал железных дорог дезорганизовали всю жизнь страны. По признанию М.И. Терещенко, состояние железных дорог было «критическое». Правительство надеялось только на существенную помощь со стороны союзников. На Московском совещании российское правительство «было встречено холодно», особенно правыми, состоявшими из членов четырех Дум, представителей промышленности, торговли и военных.

18 августа 1917г. М.И. Терещенко разослал русским послам в Лондоне, Париже и Вашингтоне подробную информацию о финансовом положении России. Из телеграммы следовало, что правительство должно изыскать до конца года 15 млрд. руб. Общая сумма государственного долга на 1 января 1917 г. определялась в 33,6 млрд. руб.⁸¹, а на 1 января 1918 г. - ориентировочно в 60 млрд. руб.⁸² Подчеркивалась необходимость заключения «нового крупного внешнего займа»⁸³, как для заграничных расходов, так и для «удовлетворения потребностей внутри страны»⁸⁴. Перед послами также ставился вопрос, не могут ли они организовать за границей печатание бумажных де-нег⁸⁵.

В своем выступлении на Государственном совещании в Москве министр финансов Временного правительства Некрасов признал, что те расходы, которые производит Временное правительство, «нам не по карману»⁸⁶. Вместе с тем, так как опыт подписки на «Заем Свободы» дал отрицательный результат, то реально можно надеяться только на внешний кредит, который также определяется доверием международного капитала «к силе государства». В связи с этим, поскольку Временному правительству так и не удалось добиться от Британии достаточной финансовой поддержки, оно решило обратиться к новому кредитору.

Некоторую активность в предоставлении финансовой помощи Временному правительству проявили США, достаточно разбогатевшие за время Первой мировой войны и превратившиеся в одного из мировых кредиторов. Известная склонность американского правительства к предоставлению займов России объяснялась рядом простых причин. Первая из них заключалась в том, что американские держатели капитала рассматривали России как потенциальный рынок для вложения своих средств. На Уолл-Стрит вынашивали планы превращения огромной территории России в выгодную сферу приложения американских капиталов. История американо-российских финансовых отношений знает несколько примеров подобного рода. Американское правительство обратило свои взоры в сторону России еще задолго до того, как российская монархия перестала существовать. Первой кредитной сделкой в Америке можно считать открытие царскому правительству в октябре 1914 г. кредита на сумму 5 млн. долл. Министерство финансов России получило этот заем от нью-йоркского «National City Bank». Царское правительство платило по этому кредиту 6% годовых и 1/8 % комиссионного вознаграждения банку. Уже в следующем 1915 году этот же банк предоставил кредит еще на 10 млн. долл.

В 1916 г. несколько американских банков открыли кредит царскому правительству на 50 млн. долл. Сумма относительно небольшая, но условия предоставления намного тяжелее, чем у английского правительства. Кредит был выдан на три года под 6,5 %, взамен 150 млн. руб.⁸⁷, предоставленных американским банком в Петрограде. Эта же группа американских банкиров за

«оказание финансовой услуги» получала от царского правительства опцион (преимущественное право) на приобретение в любое время в течение трех лет 5,5-процентных казначейских билетов по курсу 94, % . В этом случае прибыль банков составила 17,25 %.

В конце 1916 г. на американском рынке был выпущен для реализации 5,5 - процентный заем русского казначейства на сумму 50 млн. долл. сроком на 5 лет и снова под высокий процент⁸⁹. Но здесь американцами было оговорено еще одно неременное условие кредитования: царское правительство обязывалось выплатить капитал по этому займу, а равно и погасить текущие купонные платежи - золотом. Условие было принято. Заем был заключен на относительно небольшую сумму. Очевидно, чтобы получить большую сумму требовалось согласиться на те условия, на которые царское правительство не могло пойти. После официального вступления Америки в Первую мировую войну в марте 1917 г. ее финансовые отношения с Россией перешли в другую плоскость.

Правительство США командировало в июне 1917 г. для переговоров с Временным правительством специальную миссию во главе с тесно связанным с Морганом сенатором Э. Руттом. Перед миссией Рута стояла задача проверить готовность России к продолжению войны и оказать ей практическую помощь в этом. Правительство США имело в виду установить непосредственный контакт с Временным правительством и нащупать почву для широкого проникновения американского капитала в Россию. С другой стороны, Э. Рут потребовал от Временного правительства упрочения его власти и усиления борьбы с революционными силами⁹⁰.

Кроме того, в Россию была также направлена специальная миссия Сти- венса, целью которой было установление американского контроля над железнодорожным транспортом России.

В программе деятельности русской экономической миссии в США в качестве одного из главных пунктов значилось привлечение американского капитала в российскую экономику⁹¹.

По мере того как ухудшалось экономическое положение России, сокращалось промышленное производство и снижалось финансовое насыщение внутреннего рынка, Временное правительство проявляло все большую инициативу в этом деле. Посол Временного правительства в США Б.А. Бахметьев получал неоднократные указания от министров о необходимости переговоров с влиятельными деловыми и руководящими правительственными кругами об американских капиталовложениях в России.

В начале июня 1917 г., когда в промышленности в результате продолжающейся войны началось резкое падение темпов производства, министр иностранных дел М.И. Терещенко, обеспокоенный тем, что ухудшение экономического положения России отрицательно скажется на настроении американских инвесторов, телеграфно требовал от Б.А. Бахметьева расширения инициативы в переговорах с американским правительством и банкирами: «По моим впечатлениям экономический кризис, являющийся естественным последствием экономического переворота, даст остро себя чувствовать еще два три месяца. Поэтому временная приостановка расширения не должна останавливать наших шагов, направленных к привлечению иностранных капиталов и подготовительных шагов к будущему развитию»⁹².

Помимо дипломатических рычагов, Временное правительство пыталось использовать и многочисленные другие средства, чтобы вызвать интерес у американских финансистов к использованию России как рынка для вложения капитала. Законодательные органы Временного правительства разрабатывали законы, которые должны были надежно оградить интересы иностранных акционерных обществ и частных лиц. Одним словом, Временное правительство

169

было готово оказать всемерное содействие американским кредиторам в случае получения финансовой поддержки с их стороны.

В ответ на телеграмму М.И. Терещенко Б.А. Бахметьев сообщил, что крупный заем можно получить только с ведома Конгресса США, перед которым пришлось бы в этом случае раскрыть всю серьезность финансового положения России.

23/10 августа 1917 г. Б.А. Бахметьев известил министерство иностранных дел, а Лансинг - Д. Френсиса об открытии Временному правительству нового кредита в 100 млн. долл.⁹³ В своем донесении Б.А. Бахметьев не приводит деталей предполагающегося использования отпущенных средств, но Лансинг, ссылаясь на министра финансов США Мак-Аду, подробно перечисляет для каких надобностей отпущен кредит. На первом месте стоит оплата контрактов по поставке оружия, и только 5 млн. долл. отпущено на расходы в скандинавских странах.

Средства на покупку 30 тыс. вагонов и 1500 паровозов было намечено открыть «из будущих кредитов», а сами заказы отсрочить до 1 ноября 1917 г. Вопрос об оплате английских заказов России еще не был решен, а общее требование Временного правительства о кредите в сумме 733 млн. долл. американцы обещали рассмотреть только в будущем.

Телеграмма заканчивалась повторным напоминанием о том, что американские кредиты «доступны лишь до тех пор, пока Россия остается в состоянии войны с Германией»⁹⁴. Эта мысль была подробно изложена и Д. Френсисом в официальном письме к М.И. Терещенко, посланном через несколько дней по получении инструкций от государственного секретаря. «В данной мне инструкции, - писал Д. Френсис, - повторяется также, что настоящие и прежние ссуды и кредиты были даны при том определенном условии, что они предоставляются лишь до тех пор, пока Россия будет участвовать в войне против Германии»⁹⁵.

Правительство США, равно как и другие союзные правительства, не исключало возможности заключения Россией сепаратного мира с Германией. И

170

вполне естественно, для того, чтобы задержать процесс революционизирования страны, США выступали в роли «щедрого союзника», время от времени подбрасывая Временному правительству небольшую порцию кредитов. Американские кредиты России носили открыто военный характер и были рассчитаны, прежде всего, на сохранение России в войне. Если до февральской революции 1917 г. военные усилия России оплачивались в основном английскими кредитами, то с момента «торжества революции», такой же характер приобрели американские кредиты, хотя американцы делали это по более сходной для себя цене.

Несмотря на неустойчивость политики Временного правительства, на частые смены «кабинетов» и рост революционной оппозиции, что чутко учитывали в Вашингтоне, американцы открывали новые небольшие кредиты, продолжая политику экономического переориентирования России в свою сторону. Довольно успешно продолжая начатое, правительство США в сентябре 1917 г. открыло Временному правительству очередной кредит в 125 млн. долл., в счет которого Б.А. Бахметьев получил аванс в 50 млн. долл.⁹⁶

Как раз в это время союзники сделали очередную попытку побудить Временное правительство быть более активным в борьбе с революционными силами. Английский, французский и итальянский послы в своей коллективной ноте заявили, что внутренние события «внушают опасения в силе сопротивления России, в возможности для нее продолжать войну»⁹⁷. Поэтому, заявили послы, общественное мнение союзных стран может потребовать от своих правительств «отчета за материальную помощь, оказанную ими России». Без слов было понятно, что союзные правительства окончательно потеряли доверие к Временному правительству и требовали от него «доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу». Только следуя этим курсом, Временное правительство могло рассчитывать на полную поддержку союзников. По заявлению М.И. Терещенко, эта

171

коллективная нота произвела на правительство «ужасающее впечатление». А.Ф. Керенский, как мог, пытался уверить союзников, что ни материальные затруднения, «ни внутренняя смута», не смогли сломить решимости правительства в полном единении со странами Антанты довести войну до победного конца.

Однотипные уверения А.Ф. Керенского не могли удовлетворить союзников, которые ждали решительных действий против сил революции и стремительного наступления на фронте. Неспособность того же правительства реализовать собственные намерения подрывала ценность его в глазах союзников, которые все более и более отказывали в финансовой поддержке.

Эти колебания стала проявлять не одна Англия, но и США, что особенно ясно сказалось при попытке Б.А. Бахметьева вести переговоры о дальнейших ассигнованиях. Он заявлял, что финансовая программа текущего года «вся выполнена», но в новой заявке правительству США просил о дополнительном кредите в 235 млн. долл.⁹⁸ Б.А. Бахметьев усиленно добивался, чтобы его просьба была подкреплена из Петрограда заявлением американского посла. Очевидно без такой «поддержки» он мало надеялся на успех своих «представлений».

Из названной Б.А. Бахметьевым суммы в 235 млн. долл., около 140 млн. долл. предназначались на новые заказы, которые предстояло разместить через созданную закупочную комиссию. Реальная потребность в валюте для всех платежей по новым заказам до 1 января 1918 г. определялась в 140 млн. долл., а с учетом платежей по кредитам, ранее открытым российскому правительству, должна была достигнуть 181 млн. долл., в том числе 33 млн. долл. в Швеции. Д. Френсис, запрошенный Лансингом относительно новой просьбы Б.А. Бахметьева, в принципе высказался за поддержку нового коалиционного правительства в России, против которого, по его словам, только одни «большевики». Для Д. Френсиса этого было достаточно, чтобы выступить в поддержку такого правительства. Тем не менее, правительство США не шло в полной мере «навстречу нашим пожеланиям», как сообщал директор кредит-
ной канцелярии К.Е. фон Замен. Вместо 235 млн. долл. он рассчитывал ре-

172

ально получить всего лишь 50 млн. долл.

Последующие попытки получить денежные субсидии из Америки не были столь успешны. Представители американского капитала стали более осторожны в своих контактах с русскими. И здесь напрашивается вывод, что Америка разочаровалась в русской революции и перестала верить в перспективность двухстороннего сотрудничества с правящим в России правительством. Вильсон и Лансинг уже сделали для себя суровые выводы. Русская революция, как и французская столетие назад - неизбежно пройдет весь цикл от умеренности к террору и затем обратится к реакции.

Но парадоксальность ситуации заключалась в том, что если бы даже Временному правительству удалось получить новые кредиты, они бы уже не помогли ему удержать власть в своих руках. Осенью 1917 г. стало окончательно понятно, Временному правительству остаются считанные дни.

Но, даже находясь в шаге от своего краха, это правительство проявило невиданную преданность Англии и всячески стремилось оградить ее интересы. Буквально накануне свержения Временного правительства, министерство иностранных дел обратилось к Д. Френсису с нотой, в которой просило поддержки посла в окончательном решении вопроса о компенсации Англии за ее расходы при размещении русских заказов через Моргана. Сумма этих расходов определялась в 165 млн. ф. ст.

В данном случае, следует отдать должное постоянству российского финансового ведомства, которое, не взирая на существующие сложности в отношениях с Англией, сумело сохранить уважение к своему финансовому партнеру.

Действительно, непросто складывались финансовые отношения двух стран в период недолгого правления Временного правительства. Пик наиболее успешных финансовых контактов Англии и России приходится на 1915-1916 гг., когда между ними царило полное взаимопонимание. 1917 г. - стал

годом снижения активности английского капитала на российском финансо-

173

вом рынке, особенно это касалось периода марта - октября 1917 г., по прошествии которого, Англия и вовсе приостановила на неопределенное время финансовую помощь России. Несмотря на то, что достаточно трудно определить точную цифру английских кредитов, открытых Временному правительству, нам удалось установить по архивным материалам приблизительную сумму английского кредита отпущенного России в период с 1 марта по 1 ноября 1917 года. В указанный период Временное правительство получило от Англии около 408 млн. руб.¹⁰⁰ Сумма, прямо скажем, незначительная, по сравнению с прежними авансами английского капитала. Она примерно в пять раз меньше английских ежемесячных кредитов 1915-1916 гг. Во всяком случае, можно определенно утверждать, что

американские кредиты 1917 года никак не могли компенсировать сокращения английских.

Как известно, в это время Временное правительство стремилось установить новые финансовые контакты и переключилось с Англии на США. Нельзя сказать, что США были столь же щедры в своих «авансах» Временному правительству как Англия, но все же открыли ему несколько кредитов. Российский посол в США Б.А. Бахметьев определил количество кредитов, предоставленных России частным американским капиталом в размере 450 млн. долл. Но эта цифра, по подсчетам американских авторов (Г. Фиск)¹⁰¹, несколько завышена, поскольку последний американский кредит в 125 млн. долл., открытый 1 ноября 1917 г., непосредственно перед «крушением империи», был аннулирован в декабре 1917 г. большевиками. Таким образом, общая сумма кредита составила 325 млн. долл., при фактическом авансировании в размере 187,730 млн. долл. Получается, что американскому правительству так и не удалось вытеснить английский капитал из экономической жизни России и стать лидером российского финансового рынка. Можно сказать, что совершенно беспочвенными являются утверждения о том, что США в период Временного правительства открыли России «кредиты на значительные суммы». При этом они якобы вытеснили из России своих англофранцузских союзников и стали «главным кредитором русской буржуа-

174

зии»¹⁰². Подобные утверждения, получившие широкое распространение в советской исторической литературе 50-60-х годов XX в.¹⁰³, решительно, не имеют под собой никаких оснований. Без сомнения, США кредитовали Временное правительство, но в значительно меньшем количестве, нежели англичане. И, разумеется, американские капиталисты хотели вытеснить с российского финансового рынка своих главных конкурентов - англичан и французов. Возможно, они даже бы сделали это, вот только судьба распорядилась по-своему. Грянувшая октябрьская революция 1917 года предрешила их финансовое фиаско в России.

Падение Временного правительства стало трагедией целого поколения русского народа. В исторически короткий период правления Временного

правительства противоречия между внешней и внутренней политикой Петрограда достигли экстремальной формы. Падение династии Романовых быстро привело к «незрелой» демократии, граничащей с анархией. Все группы населения и национальности страны почти одновременно потребовали своих прав. Видимо социальное и финансовое развитие страны оказалось недостаточным для участия в такой гигантской аванюре как Первая мировая война. Поражение правительства А.Ф. Керенского, последнего русского правительства, верившего в союз России с Англией, означало наступление новой эпохи, как для России, так и для Англии. Та Россия, которая еще со времен самого Петра Великого видела себя частью европейского мира, частью цивилизации Запада, опустилась в историческое небытие. При всей своей самобытности и одаренности, русский народ всегда отличался крайней импульсивностью и хроническим непостоянством. Вот и Временное правительство так и не смогло довести начатое до конца. Результат - политический раскол внутри страны и полнейший финансовый кризис.

Все это доказывает только одно, для нормального функционирования государства необходима финансовая стабильность.

Финансовую политику Временного правительства мы можем расценивать как провальную, еще более усугубившую и так крайне неблагоприятную

175

ситуацию, сложившуюся к этому времени в финансовой сфере государства. Не удалось Временному правительству сохранить на достойном уровне и англо-российские финансовые отношения. Настало время, когда ближайшие союзники по Антанте, Великобритания и Россия перестали понимать значимость своего партнерства. Получилось так, что финансовое недопонимание переросло в политическую разобщенность сторон. Октябрь 1917 г. окончательно развел их по разные стороны баррикад. От финансово-политического союза Великобритании и России осталась только громадная задолженность царского и Временного правительств, ложившаяся огромным бременем на следующие поколения.

Вопрос о внешней задолженности царского и Временного правительств за военные годы поднимается в связи с тем, что это один из наиболее запутанных вопросов в истории англо-российских финансовых отношений. По сути дела,

Временное правительство было правопреемником царской власти в целом, и в финансовой сфере в частности. Соответственно, с приходом его к власти, оно унаследовало долги прежнего правительства. Поэтому, когда мы говорим об общей задолженности, то подразумеваем совокупную сумму долга двух правительств.

В работах отечественных и зарубежных экономистов и историков неоднократно рассматривались вопросы военной и внешней задолженности России, но главным образом попутно, в связи с исследованием вопросов финансовой политики царского и Временного правительств в годы Первой мировой войны. В исторической литературе накопилось много различных расчетов военной задолженности России, в сравнении которых есть рациональное зерно.

По расчетам Ю.А. Павловского, военный долг России равнялся 7, 430 млрд. руб., причем большая часть этого долга - 568,2 млн. ф. ст. или 5, 377 млрд. руб., приходилась на долю Великобритании¹⁰⁴. Ю.А. Павловский приводит расчет этого долга. По его данным, Британская империя с 1914 г. и до сентябрьского соглашения 1915 г. предоставила России кредитов в размере

176

102 млн. ф. ст., а по двум соглашениям 1915 г. и 1916 г. - 450 млн. ф. ст. Кроме того, Англия открыла Временному правительству кредит на сумму в размере 9,7 млн. ф. ст. помимо названных государственных долгов. Синдикат русских банков под поручительство Государственного банка получил кредит у частных банков в размере 6,5 млн. ф. ст.

Таким образом, общая сумма английского кредита России составила 568, 2 млн. руб. Сравнивая эту сумму с другими расчетами, мы должны отметить, что она совпадает с цифрами, приведенными А.Г. Рафаловичем и на 6,5 млн. ф. ст. меньше данных, опубликованных в советской прессе¹⁰⁵. Эти расхождения объясняются тем, что там не был принят во внимание трассированный кредит в 6,5 млн. ф. ст., который необходимо учитывать.

Помощник российского финансового атташе во Франции П.Н. Апостол в

/- 106

своей работе о кредитных операциях во время войны называет сумму военного долга Англии в 579, 3 млн. ф. ст., так как включил в него 9,7 млн. ф. ст., выданных

английским правительством кредитов после Октябрьской революции 1917 года на нужды контрреволюции.

В английском кредите вызывает некоторое сомнение лишь цифра в 102 млн. ф. ст., отпущенная до сентябрьского соглашения 1915 г. Официально Англия открыла кредит в октябре 1914 г. в 12 млн. ф. ст., потом предоставила аванс в начале 1915 г. в 25 млн. ф. ст., затем увеличила его, но проследить путь образования и расходования этого кредита, по русским документам министерства финансов, не представляется возможным. Кроме того, в эту сумму входили и платежи английского правительства по заказам России, сделанным через Моргана.

Советские экономисты в своих трудах (В.П. Дьяченко, А.П. Погребин-
117

ский, Б.Б. Ривкин) более или менее согласно называют общую сумму цифру государственного долга России к концу 1917 г. - 60 млрд. руб., из которых 44 млрд. руб. внутреннего долга и 16 млрд. руб. внешнего, из которых 8,5 млрд. руб. внешнего долга относятся ко времени войны. На долю Англии от общей суммы приходится около 7 млрд. руб.

180

В работах американских экономистов (Фиск, Моультон) сумма внешнего долга России военного времени оценивается в 3,969 млн. руб. или 7,7 млрд. руб., следовательно, меньше, чем в трудах советских экономистов.

Характерно, что в эмигрантской литературе¹⁰⁹ внешний долг России определяется в сумме около 13 млрд. руб., включая гарантированные займы и займы городов.

Подводя общие итоги внешней задолженности России во время Первой мировой войны, отметим, что все итоговые данные, включающие английские и французские кредиты для покрытия долгов русских банков и промышленных фирм, кредиты частных американских банков российскому правительству, составляют в целом сумму значительно меньше 8 млрд. руб.

Некоторые расхождения в итоговых цифрах естественно есть, но они не столь значительны. В целом, они колеблются от 7328,0 млрд. руб. до 7788,0 млрд. руб. Доля Великобритании в итоговой задолженности России в усредненном варианте составляет 568 млн. ф. ст. или 5375,0 млрд. руб.

Принимая во внимание приведенные нами расчеты, можно сделать вывод, что финансовая политика Российской империи в годы Первой мировой войны носила стихийный характер. Большую часть внешнего долга России того периода составляют издержки военного времени. В роли главного кредитора царского и Временного правительств в годы Первой мировой войны выступала Британская империя. На нее приходится основная доля военного долга России.

Говоря о ситуации в целом, финансовые отношения Англии и России на протяжении всего этого временного отрезка складывались не просто. Особенно это стало заметно после февральских событий 1917 г. Окончательное охлаждение в англо-российских финансовых отношениях достигло своего пика осенью 1917 года. Октябрьская революция 1917 года прервала финансовый диалог двух стран.

Заключение

Подводя итоги проведенного диссертационного исследования, можно констатировать тот факт, что англо-российские финансовые отношения в ходе Первой мировой войны подвергались неоднократному пересмотру, как со стороны Великобритании, так и со стороны России.

В годы Первой мировой войны Англия и Россия оказались в одном военно-политическом лагере. Пребывая в состоянии войны с Германией, странам удалось установить крепкие финансовые связи. Появилась традиция, по которой царское правительство обращалось за финансовой помощью преимущественно к Англии. В частности, на протяжении всех лет Первой мировой войны продолжали осуществляться торговые и финансовые сделки между английскими и российскими предпринимателями. Кроме того, война на какое-то время сгладила политические противоречия между странами. Все это говорило об определенной заинтересованности Англии и России друг в Друге.

В период Первой мировой войны англо-российские финансовые отношения прошли сложную эволюцию, которая заключалась в изменении межгосударственных и экономических отношений между двумя странами.

Основы финансовых отношений Англии и России, определенные в диссертационном исследовании в хронологических рамках с июня 1914 г. по октябрь

1917 г., были обусловлены характером финансовых связей между Англией и Россией в указанный период, международной обстановкой, ходом военных действий, внутриполитическими тенденциями в России. Автор, на основе анализа широкого круга различных по характеру и содержанию источников, выделяет несколько проблем финансового взаимодействия союзников (Англии и России) в годы Первой мировой войны. К числу которых, мы можем отнести: финансовый максимализм государств, проблему вывоза «русского золота», военный долг России перед Великобританией, настойчивое требование России от Британии «чистых кредитов».

Таким образом, можно заключить следующее. В период правления царского правительства наметились основные проблемы англо-российских финансовых отношений.

Финансовая база российского государства того периода, складывающаяся из доходов от реализации различных финансовых операций, а также средств полученных от налогов и внутреннего кредита, была значительно насыщена денежными средствами, необходимыми для покрытия «мирных» расходов, но недостаточна для ликвидации военных издержек. Финансовое ведомство царского правительства, пытаясь побороть снижение темпов финансового насыщения Империи в условиях прогрессирующей инфляции и частичной хозяйственной разрухи, решилось прибегнуть к внешнему кредиту. Проведя глубокий анализ международного финансового рынка, царское правительство остановило свой выбор на английском капитале. До начала Первой мировой войны доля английского капитала на российском экономическом рынке была совсем незначительной (15% от общего оборота) по сравнению с германским и французским. Начавшаяся Первая мировая война кардинальным образом изменила ситуацию. Германия, из экономического партнера, долгое время господствовавшего на российском рынке, перешла в ранг - врага. Несговорчивость французского правительства в вопросе возврата российских государственных сбережений, оставшихся за рубежом после начала Первой мировой войны, отрицательно сказалась на двухсторонних франко-российских финансовых отношениях. Неблагоприятная финансовая ситуация в среде союзников России

вывела Великобританию на лидирующие позиции в финансовом рейтинге европейских государств. Российская финансовая программа стала одним из ее приоритетных направлений. Англороссийские финансовые отношения вышли на качественно новый уровень. В наметившемся финансовом сближении двух стран не обошлось без проблем. Первые трения возникли еще на стадии разработки кредитных соглашений 1914 г. Российская сторона была недовольна размерами кредитов и волокитой, связанной с их получением. Функции английского правительства в этом

180

вопросе были весьма значительны. В ведении английской стороны находился не только сам механизм кредитования, но и контроль над военными закупками России. Англо-российские отношения обрастали все новыми и новыми проблемами. Стремление английского правительства получить компенсацию своим трудам, в виде высылки золотого актива России, встретило недовольство в среде российских политиков. На Парижской и Лондонской конференциях 1915-1916 гг. российский министр финансов П.Л. Барк пытался доказать своим коллегам по Антанте, что российская экономика просто неспособна справиться с ежеквартальной высылкой золота. Английская сторона апеллировала тем, что затраты Англии на эту военную кампанию несопоставимы с финансовыми жертвами России. Да, и золотая наличность России в половину больше английской, в сравнении 150 млн. ф. ст. против 90 млн. ф. ст. В таком звучании проблема «русского золота» - стала главным камнем преткновения в англо-российских отношениях 1916 г. Для достижения консенсуса по этому вопросу России ничего не оставалось, как согласиться на условия своего финансового партнера, а Англии несколько смягчить свои требования. Это подтверждают и цифры: общая сумма, на которую Россия вывезла золота за границу вплоть до Февральской революции 1917 г., составила ~ 68 млн. ф. ст., что значительно меньше первоначальных требований Англии. Успех дальнейшего межгосударственного диалога по финансовому вопросу зависел от того, насколько стороны смогли адекватно оценить степень влияния их финансовой разобщенности на военные успехи. При этом оба государства возлагали надежды

на здравый смысл друг друга. Петроградская конференция января 1917 г. расставила все по своим местам. Несмотря на то, что английское правительство согласилось дать России очередной кредит, напряжение в их отношениях было на лицо. Тем не менее, царское правительство не теряло надежду и стремилось компенсировать финансовые неудачи текущего времени заключением нового финансового соглашения с Англией. Начавшаяся Февральская революция 1917 года внесла

серьезные коррективы в англо-российские финансовые отношения. Полити-

181

ческая паника, охватившая Россию, не могла благоприятно отразиться на финансовом диалоге двух стран.

Временное правительство, пришедшее на смену царскому, приступило к пересмотру основ построения финансовых отношений с Англией. Временное правительство оказалось несостоятельным в деле осуществления самостоятельной финансовой программы. Оно, стараясь избежать контроля со стороны Англии, попыталось установить новые финансовые контакты. Как никто другой на эту роль подошли США, долгое время стремившиеся вытеснить Англию из экономической жизни России. До сих пор их неоднократные попытки масштабного внедрения в экономику России заканчивались провалом, потому, что царское правительство держалось крайне настороженно в их отношении. Теперь, после падения монархического режима в России, у них появился реальный шанс воплотить в жизнь намеченное. Американское правительство избрало тактику «союзной солидарности». После признания Временного правительства в марте 1917 г. Америка направила в Россию группу делегатов с целью изучить внутривнутриполитическую обстановку. Параллельно с этим в США шла разработка экономической программы по внедрению на российский рынок. Американские политики пытались убедить Временное правительство в перспективности американо-российского финансового сотрудничества. Англия получила серьезного конкурента своим интересам в России.

В то же время, при значительных изменениях в экономических ориентирах Временного правительства, ему все же удалось сохранить англороссийские

финансовые отношения на должном уровне. Финансовая авантюра Временного правительства с американцами не дала желаемого результата. Американский кредит в 325 млн. долл., открытый новому российскому правительству, оказался лишь маленькой частью того, что обычно ежегодно получала Россия от английского казначейства. Тем не менее, время было упущено. Английское правительство с глубоким разочарованием смотрело в

сторону России. У Англии практически не осталось сомнений в том, что Рос-

182

сия уже не способна продолжать эффективную военную кампанию. Да, и в России социально-политическая обстановка была далека от идеальной.

Можно констатировать тот факт, что начавшаяся Октябрьская революция 1917 г. прервала англо-российские финансовые отношения, оставив нерешенным вопрос военного долга России перед Англией в размере 570 млн. ф. ст. или 5,5 млрд. руб. (сумма варьируется по разным источникам).

Великобритания, как, впрочем, и другие союзники России по Антанте, крайне негативно отреагировали на новую революцию в России. И если последствия февральской революции 1917 г., оказав определенное влияние на двухсторонние отношения, не смогли прервать англо-российское финансовое сотрудничество, то события октября 1917 г. окончательно развели Англию и Россию по разные стороны баррикад. Обе стороны прекрасно осознавали, что глубокие различия и противоречия, существующие между ними, не позволяют сделать их «Сердечное Соглашение» постоянным и плодотворным. Как показывает данное исследование, англо-российская Антанта не пережила такого сильного потрясения как Первая мировая война. Стало абсолютно ясно, что союз между Англией и Россией закончился, и их отношения перешли в плоскость враждебных. Между Великобританией и Россией образовалась финансовая пропасть.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы можем заключить, что англо-российские финансовые отношения периода Первой мировой войны были важным этапом в истории двухстороннего сотрудничества государств. Они показали противоречия политических и экономических интересов Англии и России, но укрепили их во мнении о необходимости сотрудничества в борьбе с

Тройственным союзом. В первую очередь это касалось России, которая в дипломатическом отношении все больше пыталась ориентироваться на Британию, внимательно прислушивалась к ее мнению, чтобы обеспечить расположенность Англии в плане получения своевременной финансовой помощи с ее стороны.

В этой очередной европейской схватке за власть на континенте Британской и Российской империям удалось на какое-то время сгладить существующие политические противоречия и установить финансовые отношения. Но их военно-экономический союз не выдержал испытание временем и распался.

Примечания

Введение

¹ Военные займы. Сборник статей / Под. ред. М.И. Туган - Барановского. - Пг., 1917.

² Кулишер, И. Экономия войны / И. Кулишер // Военные займы. - Пг., 1917. - С. 60-65.

³ Идельсон, В. Роль государственного долга Великобритании / В. Идельсон // Военные займы. - Пг, 1917.-С. 65-80.

⁴ Фридман, М.И. Роль займов в финансировании войны / М.И. Фридман // Военные займы. - Пг, 1917.-С. 116-117.

⁵ См.: Михайлов, И.А. Война и наше денежное обращение. Факты и цифры / И.А. Михайлов. - Пг, 1918; Михайлов, И.А. Государственные доходы и расходы России во время войны. Факты и цифры / И.А. Михайлов. - Пг, 1917.

См.: Каценеленбаум, З.С. Война и финансово-военное положение России / З.С. Каценеленбаум. - М, 1917; Пигу А.К. Политическая экономия войны //А.К. Пигу. - Л, 1924.

⁷ См.: Покровский, М.Н. Внешняя политика России (1914-1918) / М.Н. Покровский. - М, 1918; Покровский, М.Н. Империалистическая война: Сборник статей 1915-1917 / М.Н. Покровский. - М, 1928.

⁸ Зайончковский, А.М. Мировая война. 1914-1918 гг. / А.М. Зайончковский. - М, 1938.

⁹ Тарле, Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919 гг. / Е. В. Тарле / Соч. в 12-ти т-х. Т. V - XII. - М.: Изд-во АН СССР, 1958-1965

¹⁰ Россия в мировой войне в цифрах. - М, 1928; Сколько расходует Россия на войну, и откуда получаются эти деньги. - Пг, 1917.

¹¹ См.: Оль, П.В. Иностранные капиталы в России / П.В. Оль. - Л, 1922; Оль, П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России / П.В. Оль. - Л, 1925; Готье Ю.В. Публичные займы довоенной России / Ю.В. Готье // Вестник финансов. - № 5-6. - 1926. - С. 27-53.

¹² См.: Козлов, Н. Очерки снабжения русской армии военно-техническим имуществом / Н. Козлов. - М, 1926; Маниковский, А.А. Военное снабжение русской армии в мировую войну / А.А. Маниковский. - М. - Л, 1930.

¹³ Зак, А.Н. Разверстка государственных долгов / А.Н. Зак. - Берлин, 1923.

¹⁴ Павловский, Ю.А. Русский государственный долг / Ю.А. Павловский // The Russian Economist. - 1920.-P. 176-188.

¹⁵ Russian Public Finance During The War. Revenue and Expenditure / Ed. by P.N. Apostol. - New Haven, 1928.

¹⁶ См.: Погребинский, А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма / А.П. Погребинский. - М, 1968; Погребинский, А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX-XX вв.) / А.П. Погребинский. - М, 1954; Погребинский, А.П. Государственно- монополистический капитализм в России / А.П. Погребинский. - М, 1959; Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л. Сидоров. - М, 1960.

¹⁷ См.: Сидоров, А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л. Сидоров. - М, 1973; Сидоров, А.Л. Первая мировая война / А.Л. Сидоров. - М, 1968; Сидоров, А.Л. Внешняя политика России в к. XIX - н. XX вв. / А.Л. Сидоров. - М, 1945; Сидоров, А.Л. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время Первой мировой войны 1914-1917 гг. / А.Л. Сидоров // Исторические записки. - Т. 15. - Л. - М, 1945.

- ¹⁸ См.: Ривкин, Б.Б. Финансовая политика в период Великой октябрьской социалистической революции / Б.Б. Ривкин. - М., 1939; Дьяченко, В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства / В.П. Дьяченко. - М., 1947.
- ¹⁹ См.: Айрапетян, М.Э. Кабанов, П.Ф. Первая мировая война / М.Э. Айрапетян, П.Ф. Кабанов. - М., 1964; Виноградов К.Б. Буржуазная историография Первой мировой войны / К.Б. Виноградов. - М., 1962.
- ²⁰ См.: Васюков, В.С. Внешняя политика Временного правительства / В.С. Васюков. - М., 1966; Васюков, В.С. Предыстория интервенции. Февраль 1917 г. / В.С. Васюков. - М., 1968; Иоффе, А.Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль-октябрь) / А.Е. Иоффе. - М., 1958; Рубинштейн, Н.Л. Внешняя политика Временного правительства / Н.Л. Рубинштейн. - М., 1964.
- ²¹ См.: Волобуев, П.В. Экономическая политика Временного правительства / П.В. Волобуев. - М., 1962; Волобуев, П.В. Экономическая программа буржуазии и Временного правительства / П.В. Волобуев // Исторические записки Вып. 67. - М., 1960. - С. 17-77.
- ²² Ганелин, Р.Ш. Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений 1914-1917 гг. / Р.Ш. Ганелин.-Л., 1969.
- ²³ См.: Игнатьев, А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908-1914) / А.В. Игнатьев. - М., 1962; Игнатьев, А.В. Русско-английские отношения накануне октябрьской революции, февраль-октябрь 1917 г. / А.В. Игнатьев. - М., 1966.
- ⁴ См.: Остальцева, А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 г. в оценке современников / А.Ф. Остальцева // Ученые записки Саратовского университета. Т. 68. - Саратов. - 1960. - С. 139-155; Погодаев, Н.П. Оценка англо-русского соглашения русской буржуазной и официальной прессой / Н.П. Погодаев // Вопросы истории и историографии. - Томск. - 1982. - № 7. - С. 82-89.
- ²⁵ См.: Звавич, А.И. Русско-английские отношения в 1909-1914 гг. / А.И. Звавич /В кн.: Московский областной педагогический университет. Ученые записки. Т. 105. Вып. 6. - М., 1961. - С. 73103; Николаев, П.А. Отклики на Парижскую экономическую конференцию 1916 г. во Франции, Англии и России / П.А. Николаев // Труды Ленинградского отделения института истории Академии Наук СССР. Вып. 1. - Л., 1959. - С. 389-413.
- ²⁶ Алексеева, И.В. Агония Сердечного Соглашения / И.В. Алексеева. - М., 1990.
- ²⁷ Беляев, С.Г. Переговоры министра финансов П. Л. Барка в Париже и Лондоне в 1915-1916 гг. (по материалам французских архивов) / С.Г. Беляев // Россия и Первая мировая война: материалы международной научной конференции, 1 - 5 июня 1998 г. - Спб., 1999. - С. 497-509.
- ²⁸ Рудая, Е.В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1914 гг. / Е.В. Рудая // Россия и Европа в XIX -XX вв.: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. -М., 1996.-С. 175-183.
- ²⁹ Уткин, А.И. Первая мировая война / А.И. Уткин. - М., 2001.
- ³⁰ См.: Платонов, О. Терновый венец России. История русского народа в XX в. Т. I / О. Платонов. - М., 1997; Первая мировая война и международные отношения. - Спб., 1995; Первая мировая война: политика, идеология, историография. - Куйбышев, 1990; Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1991; Россия и Британия. Выпуск II. Чтения памяти Ерофеева Н.А. - М., 2000.
- ³¹ Asquith, H.H. The Genesis of War / H.H. Asquith. - L., 1923.; Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные за время войны / Д. Ллойд Джордж. - Пг., 1917.
- ³² Hall, H. Britain Achieves and the Sources for the History of the World War I / H. Hall. - L., 1925; Paton, W. The Position of the United Kingdom, 1912-1918 / W. Paton. - Washington, 1919; Hart, H.B. A History of the World War, 1914-1918 / H.B. Hart. - Boston, 1935; Hart, H.B. History of the World War I /H.B. Hart. - L., 1970.
- ³³ Dearie, N.B. On Economic Chronicle of the Great War for Great Britain and Ireland, 1914-1916 / N.B. Dearie. - L., 1929.
- ³⁴ Feis, H. Europe - The World's Banker, 1840-1914 / H. Feis. - New Haven, 1919.
- ³⁵ Фиск, Г. Межсоюзнические долги. Исследование о государственных финансах за военные и послевоенные годы / Г. Фиск. - М., 1995
- ³⁶ См.: Seton-Watson, H. The Russian Empire / H. Seton-Watson - Oxford, 1987; Smith, C.J. The Russian Struggle for Power, 1914-1917 / C.J. Smith. -N.-Y., 1956; Lederer, I. Russian Foreign Policy /I. Lederer. - New Haven, 1962; Miller, M.S. The Economic Development of Russia, 1905-1916 / M.S. Miller. -L., 1987.
- ³⁷ Keynes, J.N. Hopes Betrayed / J.N. Keynes. -N. - Y., 1983.
- ³⁸ Williams W. Anglo-Russian Relations, 1781-1947 / W. Williams. -N-Y., 1952; Lieven D.C. Russia and the Origins of the World War I / D.C. Lieven. - L., 1983.
- ³⁹ Blackwell, W. Russia. The Development from Peter The Great to Stalin / W. Blackwell. -N.-Y., 1974
- ⁴⁰ Kennedy, P. The Realities Behind Diplomacy, 1865-1980 / P. Kennedy. - L., 1981.
- ⁴¹ Pollard, S. The Development of the British Economy, 1914 - 1967 / S. Pollard. - L., 1983.

- ⁴² Stone, N. The Eastern Front, 1911-1917 / N. Stone. - N.-Y., 1975; Taylor, A.J.P. English History, 1914-1945 / A.J.P. Taylor. - Oxford, 1985.
- ⁴³ Пайпс, Р. Русская революция / Р. Пайпс - М., 1994; Warth, R. The Allies and the Russian Revolution / R. Warth. - L., 1954; Pares, B. The Fall of the Russian Monarchy: A Study of the Evidence / B. Pares.-N.-Y., 1961.
- ⁴⁴ См.: Economic Change and the National Question in the Twentieth Century. - Cambridge, 2000; Finance and Financiers in the European History, 1880-1960. - Cambridge, 2002; Hamilton, R. Hermis, U.N. Decisions for the War, 1914-1917 / R. Hamilton, U.N. Hermis. - Cambridge, 2004; Keegan, J. The World War I / J. Keegan - N. - Y., 1992; Peden, G.C. The Treasure and British Public Policy, 1906-1959 / G.C. Peden. - N.-Y., 2000; The Origins of the World War I. - Cambridge, 2003.
- ⁴⁵ McDonald, D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900-1914 / D. McDonald. - L., 1992.
- ⁴⁶ Пуанкаре, Р. Происхождение мировой войны / Р. Пуанкаре / Пер. с фр. - М., 1924; Paleologue, M. La Russie des Tsars Pendant la Grante Guerre / M. Paleologue. - Vol. II.- III. - Paris, 1922.
- ⁴⁷ Petit, L. Histoire des Finances Exterieur de la France Pendant la Querre, 1914-1919 / L. Petit. - Paris, 1929.
- ⁴⁸ См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел II. - Пг., 1914-1916 гг.; Международные отношения в эпоху империализма: документы и материалы из архивов царского и Временного правительств, 1878-1917. Серия III. Т. VI- VIII. - М., 1931-1938; The Great Britain Parliament. Parliamentary Debates (official report). House of Commons, 1914-1916. - L., 1914-1916; Great Britain. Cabinet Papers. List of Cabinet Papers, 1915- 1916.-L., 1966.
- ⁴⁹ См.: Монархия перед крушением, 1914-1917. Бумаги Николая II и другие документы. - М.-Л., 1927; Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. - Л., 1967; Pollard S. Documents on European Economic History / S. Pollard.-L., 1968.
- ⁵⁰ См.: Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. - Минск, 2003.; Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II / Пер. с англ. - Берлин, 1922.
- ⁵¹ См.: Барк, П.Л. Воспоминания / П.Л. Барк // Возрождение.- 1965. - № 162-165; Извольский, А.П. Воспоминания / А.П. Извольский. - М., 1924; Коковцов, В.Н. Из моего прошлого: Воспоми- ния(1902-1919) / В.Н. Коковцов. - М., 1991.; Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте: мемуары / А.Ф. Керенский. - М., 1993; Kerensky, A.F. The Catastrophe: Kerensky's Own Stoiy of the Russian Revolution / A.F. Kerensky. - N.-Y., 1927; Kerensky, A.F. Russia and Histoiy's Turing Point / A.F. Kerensky. - N.-Y., 1965; Милуков, П.Н. Воспоминания (1859-1917) / П.Н. Милуков. - М., 1990; Д. Ллойд Джордж, Военные мемуары. В 6-ти Т-х / Д. Ллойд Джордж. - М., 1934-1937; As- quith, H.H. Memories and Reflections, 1852-1925 / H.H. Asquith. - Boston, 1928; Asquith. H.H. Twenty- Five Years of the Parliamantaiy by the Earl of Oxford and Asquith / H.H. Asquith. - L., 1926.
- ⁵² См.: Берти, Ф. За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже 1914-1919 / Ф. Берти / Пер. с англ. - М.-Л., 1927; Бьюкенен, Дж. Мемуары посла / Дж. Бьюкенен. - М., 1981; Buchanan, G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memories / G. Buchanan. - Boston, 1923; Paleologue, M. Ambassador's Memories / M. Paleologue. - N. - Y., 1924; Francis, D. Russia from the American Embassy / D. Francis. - N.-Y., 1921.
- ⁵³ См.: Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. - М., 1981; Деникин, С.Ю. Очерки русской смуты / С. Ю. Деникин. - М., 1991; Данилов, Ю.Н. На пути к крушению / Ю.Н. Данилов. - М., 1992; Станкевич, В.Б. Воспоминания, 1914-1919 гг. / В.Б. Станкевич. - М., 1994.
- ⁵⁴ См.: Гиппиус, З.Н. Петербургские дневники: 1914-1919 / З.Н. Гиппиус. - Нью-Йорк - М., 1990; Готье, Ю.В. Мои записки / Ю.В. Готье // Вопросы истории. - 1991. - № 6; Михайловский, В. А. Россия на краю: из дневников 1917-1920 гг. / В. А. Михайловский // Москва. - 1993. - № 1.
- ⁵⁵ См.: Биржевые ведомости. 1914-1916 гг., Вестник Временного правительства. 1917 г., Вестник Европы. 1914-1916 гг., Правительственный вестник. 1914-1916 гг., Русские ведомости. 1914-1916 гг., Современный мир. 1914-1916 гг., Торгово-промышленная газета. 1914- 1917 гг., Новый экономист. 1914-1916 гг., The Morning Post. 1916., The Daily Telegraph. 1914-1916, The Russian Economist. 1915-1916, The Economist. 1911-1916., The Russian Year Book for 1914-1916, The Times Book of Russia. 1914-1916.

Глава I

- ¹ Каценеленбаум, З.С. Война и финансово-экономическое положение России. - М., 1917. - С. 51.
- ² См.: Woodward, E. Great Britain and the German Navy. - N. - Y., 1935.
- ³ См.: Massie, S. Dreadnought. Britain, Germany and the Coming of the Great War. - N. - Y., 1991.
- ⁴ Там же. - С. 57.
- ⁵ Там же. - С. 58.
- ⁶ Игнатьев, А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны. - М., 1962. - С. 16.
- ⁷ Там же. - С. 1.

- ⁸ См.: Бьюкенен, Дж. Мемуары посла / Дж. Бьюкенен. - М., 1991; Бьюкенен, Дж. Моя миссия в России. Военные дни / Дж. Бьюкенен. - Берлин, 1924; Buchanan, My Mission to Russia and other Diplomatic Memories / G. Buchanan. - Boston, 1923.
- ⁹ Цит. по: Бьюкенен Дж. Мемуары посла. - М., 1991. - С. 127.
- ¹⁰ Там же.-С. 18.
- ¹¹ Там же. -С.15.
- ¹² Lederer, I. Russian Foreign Policy. - New Haven, 1962. - P. 152.
- ¹³ Ibid. - P. 12.
- ¹⁴ Ibid. - P. 14.
- ¹⁵ Там же. -С. 15
- ¹⁶ Lederer, I. Russian Foreign Policy. - New Haven, 1962. - P. 152.
- ¹⁷ Ibid.-P. 110.
- ¹⁸ Ibid. -P.12.
- ¹⁹ Оль, П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве в дореволюционной России. - Л., 1925. - С. 15.
- ²⁰ Там же.-С. 17.
- ²¹ Уткин, А.И. Первая мировая война. - М., 2001. - С. 30.
- ²² Материалы по истории франко-русских отношений за 1900-1914. - М., 1922. - С. 623.
- ²³ The Russian Year Book for 1914. - London. -1914. - P. 575.
- ²⁴ Цит. по: Ллойд Джордж, Д. Речи, произнесенные за время войны. - Пг., 1917. - С. 41.
- ²⁵ Там же. - С. 42.
- ²⁶ Цит. по: Giraud, A. La commerce exterieure de la Russia. - Paris, 1915. - P. II.
- ²⁷ The Economist. - 20. VIII. - 1912. - P. 109.
- ²⁸ The Times Book of Russia: Finance, Commerce and Industries. - London -1916.-P. 101.
- ²⁹ Brailford, H.N. The Fruits of Our Russian Alliance. - London, 1923. - P. 11.
- ³⁰ The Economist. - 20. VI. -1912. - P. 110.
- ³¹ The Times Russian Supplement. -18 ноября. -1914.
- ³² Brailford, H.N. The Fruits of Our Russian Alliance. - London, 1923. - P. 12.
- ³³ The Economist. - 17. VIII. -1910. - P. 84.
- ³⁴ Оль, П.В. Иностранные капиталы в России. - Пг., 1922. - С. 67.
- ³⁵ Новый экономист. - №12. - 1913. - С. 4.
- ³⁶ The Economist.-20. VI.- 1912.-P. ПО.
- ³⁷ Оль, П.В. Иностранные капиталы в России. - Пг., 1922. - С. 64.
- ³⁸ The Russian Year Book for 1914. - London, 1913. - P. 154.
- ³⁹ Miller, M.S. The Economic Development of Russia. 1905-1916. - London, 1926. - P.121.
- ⁴⁰ The Economist. - 20. VII. - 1912. - P. 109.
- ⁴¹ Гиндин, И.Ф. Русские коммерческие банки. - М., 1948. - С. 397.
- ⁴² Зив, В.С. Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. - Пг., 1916. - С. 31.
- ⁴³ The Russian Year Book.1914. - London, 1914. - P. 575.
- ⁴⁴ Материалы по истории франко-русских отношений за 1900-1914 гг. - М., 1932. - С. 607- 627.(Отчет В.Н. Коковцова). - С. 695-720.
- ⁴⁵ Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. - М., 1960. - С. 207.
- ⁴⁶ Сидоров, А.Л. Война и финансовая политика царского правительства // Очерки по истории Октябрьской революции. Т.I. - М., 1927. - С. 55.
- ⁴⁷ Цит. по: Рожков Н. Хозяйство воюющей Европы // Современный мир. -1915. - №11. - С. 27.
- ⁴⁸ Гринер, Д. Займы дореволюционной России в годы Первой мировой войны // Советские финансы. -1947.- № 5. - С. 65-76.
- ⁴⁹ Russian Public Finance During the War. - New Haven, 1926. - P. 288.
- ⁵⁰ Ibid. - P. 234-236.
- ⁵¹ Ibid. - P. 289.
- ⁵² АВП РИ. - Ф. 126-И Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг. - Оп. 1. - Д. 284. - Л. - 7-8. Письмо П.Л. Барка С.Д. Сазонову от 3 августа 1914 г.
- ⁵³ Беляев, С.Г. Переговоры министра финансов П.Л. Барка в Париже и Лондоне в 1915-1916 гг. // Россия и Первая мировая война. - Спб, 1999. - С. 213.
- ⁵⁴ АВП РИ. - Ф. 126 - II. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг. - Оп. 1. - Д. 284. - Л. 11. Секретная телеграмма А.П. Извольского.
- ⁵⁵ Russian Public Finance During the War. - New Haven, 1926. - P. 290.
- ⁵⁶ АВПРИ.-Ф. 126-И. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.-Оп. 1. - Д. 284.-Л. 15.
- ⁵⁷ Graham, S. Russia and the World. - London, 1915. - P. 203.

- ⁵⁸ АВП РИ. - Ф. 126 - II. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг. - Оп. 1. - Д. 284. - Л. 19. Секретная телеграмма А.П. Извольского.
- ⁵⁹ Там же. - Л. 22-23.
- ⁶⁰ Там же.-Л. 23.
- ⁶¹ См.: Там же.
- ⁶² Там же. - Л. 38-39. Письмо П.Л. Барка С.Д. Сазонову.
- ⁶³ Ibid. - Р. 205.
- ⁶⁴ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. Серия III, т. VI, ч. 2. - М., 1939. - С. 371.
- "Там же.-С. 372.
- ⁶⁶ Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. - М., 1960. - С. 217.
- ⁶⁷ Цит. по: Готье, Ю. Публичные займы довоенной России // Вестник финансов. - № 5-6. - 1926.
- ⁶⁸ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. - М., 1960. - С. 213.
- ⁶⁹ Russian Public Finance During the War. - New Haven, 1928. - Р. 290.
- ⁷⁰ Ibid. - Р.292.
- ⁷¹ Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. - М., 1960. - С. 280.
- ⁷² Там же. - С.285.
- ⁷³ Там же. - С.290.
- ⁷⁴ Там же. - С.293.
- ⁷⁵ Там же.-С.295.
- ⁷⁶ Там же. - С.202.
- ⁷⁷ Там же. - С.205.
- ⁷⁸ Там же. - С.207.
- ⁷⁹ Там же. -С.211.
- ⁸⁰ Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. - М., 1960. - С. 221.
- ⁸¹ Правительственный вестник. -1914.-25 июня.
- ⁸² Цит. по: Финн - Енотаевский, А. Война и финансовая мобилизация // Современный мир. - 1914. - № 9. - С. 165.
- ⁸³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. Отдел II.-Пг., 1914.-С. 432.; Правительственный вестник. -1914. -10 августа.
- ⁸⁴ Алексинский, Г. Наследство. Русские финансы за последние десятилетия // Современный мир. - 1914.-№2. - С. 187-188.
- ⁸⁵ Финн - Енотаевский, А. Война и финансовая мобилизация // Современный мир. - 1914. - № 9. - С. 167-168.
- ⁸⁶ Там же, - С. 168.
- ⁸⁷ Там же.-С. 171.
- ⁸⁸ См.: Михайлов, И.А. Война и наше денежное обращение. Факты и цифры. - Пг., 1918; Загорский, С.О. Современная финансовая проблема // Современный мир. -1916. - № 2. - С. 17-23.
- ⁸⁹ См.: Михайлов, И.А. Государственные доходы и расходы России во время войны. Факты и цифры. - Пг., 1917; Фридман, М.И. О новых налогах // Биржевые ведомости. - 1914. -17 ноября.
- ⁹⁰ См.: Государственная роспись доходов и расходов на 1914 г. // Правительственный вестник. - 1914. -1 июля; Филатович, Б. Очерки мировой войны // Современный мир. - 1914. - № 11. - С. 111; Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. Отдел II.-Пг., 1914.-С. 132.
- ⁹¹ Финн - Енотаевский, А. Причины мировой войны // Современный мир. -1914. - № 10. - С. 160.
- ⁹² Lincoln, B.L. Passage through Armageddon. The Russia in War and Revolution 1914-1918. - N. - Y., 1986.-P. 90.
- ⁹³ Международные отношения в эпоху империализма (МО - далее). Серия III.- Т. VI. - Ч. I. - Док. №220.
- ⁹⁴ Там же.-Док. №236.
- ⁹⁵ Ллойд Джордж, Д. Речи, произнесенные за время войны. - Пг., 1917.- С. 29.
- ⁹⁶ Russian Public Finance During the War. - New Haven, 1926. - Р. 291.
- ⁹⁷ АВПРИ.-Ф. 126-II. Департамент, 1-5,«Война», 1914-1917 гг.-Оп. 1.-Д. 192.-Л. 43-44.
- ⁹⁸ Nolde, B. Russia in the Economic War. - New Haven, 1928. - Р.105.
- ⁹⁹ Ibidem.
- ¹⁰⁰ МО.- Серия III. - Т. VI. - 4.1. - Док. № 369.
- ¹⁰¹ Цит. по: Petit, L. Histoire des Finances Extérieures de la France pendant la Querrel1914-1919. - Paris, 1929.-P. 184.
- ¹⁰² Фиск, Г. Финансовое положение Европы и Америки после войны. - М., 1927. - С. 156.
- ¹⁰³ См.: Там же. - С. 156.
- ¹⁰⁴ Petit L. Op. cit.-P. 184.

- ¹⁰⁵ АВПРИ.-Ф. 126.-П. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.-Оп. 1.-Д. 192.-Л. 59-60.
Там же. - С. 60.
АВП РИ. - Ф. 126 - П. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг. - Оп.1. - Д. 192. - Л.59-60.
МО. Серия III. - Т. VI. - Ч. I. - Док. № 429.
Там же.
См.: Там же.
Кнох, А. With the Russian Army 1914-1917. - London, 1921. - P. 256.
Kennedy, D. The Realities Behind Diplomacy: Background Influence on British External Policy, 1865-1980. - London, 1981. - P. 397.
Ibid. - P.396.
- ¹¹⁴ АВПРИ.-Ф. 126.-П. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917гг.-Оп. 1.-Д. 192.-Л.108.
- ¹¹⁵ Там же.-Л. 118-120.
- ¹¹⁶ АВП РИ.-Ф. 126.-И. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.-Оп. 1.-Д. 192. - Л. 46-48.
- ¹¹⁷ Там же.-Л. 115.
- ¹¹⁸ Там же.-Л. 122
- ¹¹⁹ См.: Там же.
- ¹²⁰ МО, Серия III. - Т. VI. - Ч. II. - Док. № 419. - С. 299.
- ¹²¹ МО, Серия III. - Т. VI. - Ч. I. - Док. № 420.
- ¹²² Там же.

Глава II

- ¹⁵ The Great Britain Parliament. Parliamentary Debates (official report). Vol. XX. House of Commons. Vol. VII. of session. - L., 1915.
- ¹⁶ Peden, G.C. Op. cit.-P.-101.
- ¹⁷ Ллойд Джордж, Д. Указ. соч. - Спб., 1916. - С. 85.; Great Britain. Cabinet Papers. List of Cabinet Papers, 1915-1916.-L.r.H.M. Staff.Off, 1966.-P.234.
- ¹⁸ Рожков, Н. Хозяйство воюющей Европы // Современный мир. -1915. - № 11. - С. 68.
- ¹⁹ Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. - М, 1960. - С. 249.
- ²⁰ Ллойд Джордж, Д. Военные мемуары. Т. 1-2. - М, - С. 103.
- ²¹ Сидоров, А. Л. Указ. соч. - М, 1960. - С. 249.
- ²² Russian Public Finance. Op. cit. - New Haven, 1928. - P. 249.
- ²³ МО, Серия III.- Т. VIII.-4.1.-Д.№ 137 - С. 201.
- ²⁴ Russian Public Finance. Op. cit. - New Haven - P. 292.
- ²⁵ Daily Telegraph. - 9. II. -1915. - P. 76.
- ²⁶ МО, Серия III - Т. VIII. - Ч. II. - Док. № 868. - С. 449.
- ²⁷ Там же. - С. 500.
- ²⁸ См.: Там же.
- ²⁸ См.: Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л. Сидоров. - М, 1960; Погребинский, А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма / А.П. Погребинский. - М, 1968; Гринер, Д. Бляхер, В. Займы дореволюционной России в годы Первой мировой войны / Д. Гринер, В. Бляхер // Советские финансы. - 1947. - № 5. - С. 117131.
- ²⁹ АВП РИ. Ф.126 - П. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг. - Оп. 1. - Д. 192. - Л. 133 - 134; The Great Britain Parliament. Parliamentary Debates (official report). Vol. XXXV. House of Commons. Vol. VI. Of Session. - L, 1916.
- ³⁰ Цит. по: Churchill, H. The World Crisis. - L., 1915. - P. 5-7.
- ³¹ Цит. по: Buchanan, G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. - Boston, 1923. - P. 19.
- ³² Paleologue, M. An Ambassador's Memories. - N. - Y., 1925. - P. 19.
- ³³ Цит. по: Маниковский, А.А. Военное снабжение русской армии в мировую войну. - М.- Л, 1930. - С. 286.
- ³⁴ МО. Указ. соч. - Док. № 611. - С. 397.
- ³⁵ МО. Серия III. - Т. VIII. - Ч. 2. - Док. № 611.
- ³⁶ Там же.-Док. №648.
- ³⁷ Там же. - Док. № 690.
- ³⁸ Цит. по: Барк, П.Л. Воспоминания // Возрождение. - 1965. - №174. - С. 96-97.
- ³⁹ АВП РИ. - Ф. 126.-П. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.-Оп. 1.-Д. 195.-Л. 56.
- ⁴⁰ Там же. - С. 97.
- ⁴¹ МО. Серия III. - Т. VIII. - Ч. 2. - Док. № 824.
- ⁴² Там же. -Док. №823.
- ⁴³ Там же. - С. 95.

- ⁴⁴ АВП РИ. - Ф. 158 - Экономический департамент, 1-е делопроизводство. Оп. 348. - Д. 105. - Л. 192-194.
- ⁴⁵ Там же.-Л. 193.
- ⁴⁶ МО. Серия III. - Т. VIII. - Ч. 2. - Док. № 834-835.
- ⁴⁷ Палеолог, М. Царская Россия накануне революции. - М, 1923. - С. 63.
- ⁴⁸ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. - Минск, 2000. - С. 127.
- ⁴⁹ Там же.-С. 128.
- ⁵⁰ Каценеленбаум, З.С. Война и финансово-экономическое положение России. - М, 1917. С. 19.
- ⁵¹ См.: Francis, D. Russia from the American Embassy. - N. - Y, 1921.
- ⁵² Цит. по: Francis, D. Russia from the American Embassy. - N. -Y, 1921. - P. 201.
- ⁵³ Russian Public Finance. Op. cit. - New Haven, 1928. - Appendix IV.
- ⁵⁴ Ibid. - Appendix IV.
- ⁵⁵ Ibid. - P. 292.
- ⁵⁶ Ibid. - P. 295.
- ⁵⁷ АВПРИ.-Ф. 126-И. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.-Оп. 1.-Д. 193.-Л. 174.
- ⁵⁸ Там же.-Д. 222.-Л. 107.
- ⁵⁹ Там же.-Л. 103.
- ⁶⁰ Там же. -Д. 193.-Л. 174.
- ⁶¹ См.: Там же.
- ⁶² Цит. по: Petit, L. Histoire des Finances Exerieures de la France Pendant la Guerre 1914-1917. - L., 1929.-P. 218-219.
- ⁶³ АВП РИ. -Ф. 126-И. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.-Оп. 1.-Д. 193.-Л. 231.
- ⁶⁴ Ibid. - P.221.
- ⁶⁵ Ibid. - P. 227-230.
- ⁶⁶ Peden, G. C. Op. cit. - N. - Y., 2000. - P. 100. "Ibid. - P. 102.
- ⁶⁸ Ibid.-P. 103.
- ⁶⁹ Цит. по: Aufray, B. Pierre de Margerie (1861-1912) et la vie diplomatique de son tempg. - Paris, 1972. -P. 176.
- ⁷⁰ Ibid.-P. 180.
- ⁷¹ Ibid. - P. 181.
- ⁷² Цит. по: Монархия перед крушением 1914-1917 гг. Бумаги Николая II и другие документы. - М.- Л., 1927.- С.8.
- ⁷³ Aufray, B. Op. cit. - Paris, 1972. P. -183.
- ⁷⁴ Цит. по: Барк, П.Л. Ук. соч. - С. 107.
- ⁷⁵ Там же.-С. 108.
- ⁷⁶ Stone, N. The Eastern Front. - L., 1975. - P. 235.
- ⁷⁷ Беляев, С.Г. Петр Львович Барк: этапы карьеры // Из глубины времен. - 1966. - № 7. - С. 62-63.
- ⁷⁸ **Peden, G.C. Op. cit. - N. Y., 2000. - P. 104.**
- ⁷⁹ Рост внешнего долга Великобритании // Военные займы. - Пг., 1917. - С. 74.
- ⁸⁰ Keynes, J.N. Hopes Betrayed. - New Haven, 1983. - P. 197.
- ⁷¹ Ibid.-P. 199.
- ⁷² Ibid.-P. 201.
- ⁷³ Финансовое совещание союзников во время войны (Доклады министра финансов П.Л. Барка) // Красный архив, 1924. - С. 77.
- ⁷⁴ АВП РИ.- Ф. 126-И. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.-Д. 192.-Л. 376-380.
- ⁷⁵ Russian Public Finance...Op. cit.- New Haven, 1928. - P. 308.
- ⁷⁶ Ibid. - P. 309.
- ⁷⁷ Цит. по: Buchanan, G. My Mission to Russia...Op. cit. - Boston, 1923. - P. 31.
- ⁷⁸ Цит. по: Ллойд Джордж, Д. Военные мемуары, Т. I-II. - М., 1934,- С. 345.
- ⁷⁹ Там же. - С. 346.
- ⁸⁰ Там же. - С. 347.
- ⁸¹ Там же.-С. 349.
- ⁸² Там же. - С. 348.
- ⁸³ См.: Там же.
- ⁸⁴ См.: Там же.
- ⁸⁵ См.: Там же.
- ⁸⁶ Там же. - С. 347.
- ⁸⁷ Там же. - С. 349.
- ⁸⁸ Там же.-С. 350.
- ⁸⁹ См.: Там же.

- ⁹⁰ Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. - М., 1960. - С. 420.
- ⁹¹ Покровский, М.Н. Внешняя политика (1914-1917). - М., 1918. - С. 67.
- ⁹² Монархия перед крушением 1914-1917 гг. - М. - Л., 1927. - С. 67-77.
- ⁹³ Там же. - С. 77-78.
- ⁹⁴ Там же. - С. 78-81.
- ⁹⁵ Там же. - С. 79-80.
- ⁹⁶ Там же. - С. 67.
- ⁹⁷ Цит. по: Gurko, V. War and Revolution in Russia, 1914-1917. - N.-Y., 1919. - P. 193-196.
- ⁹⁸ Барк, П.Л. Воспоминания // Возрождение. - 1962. - № 162. - С. 86-90.
- ⁹⁹ Там же. - С. 91.
- ¹⁰⁰ Gurko, V. Op. cit., P. 195.
- ¹⁰¹ Ibid. - P. 196.
- ¹⁰² Ibid. - P. 194.
- ¹⁰³ Ibid. - P. 201.
- ¹⁰⁴ Ibid. - P. 203.
- ¹⁰⁵ Цит. по: Готье, Ю. Публичные займы довоенной России // Вестник финансов. - 1926. - № 5-6. - С. 77.
- ¹⁰⁶ Economic Change and the National Question in Twentieth Century. - Cambridge, 2000. - P. 183.
- ¹⁰⁷ Сколько расходуется Россией на войну, и откуда получаются эти деньги. - Пг., 1917. - С. 1-8.
- ¹⁰⁸ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской Социалистической революции. - М., Л., 1957. - Ч. 2. - С. 449.
- ¹⁰⁹ Там же. - С. 450.
- ¹¹⁰ Там же. - С. 451.
- ¹¹¹ Там же. - С. 452. ¹¹² Там же. - С. 453.
- ¹¹³ Правительственный вестник. - 1917. - 7 февраля.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Russian Public Finance... Op. cit. - New Haven, 1928. - P. 437.
- ¹¹⁶ Цит. по: Дневники и документы из личного архива Николая II. - Минск, 2003. - С. 169.
- ¹¹⁷ См.: Там же.
- ¹¹⁸ Цит. по: Там же. - С. 170.
- ¹¹⁹ См.: Там же.
- ¹²⁰ Цит. по: Ллойд Джордж, Д. Военные мемуары, Т. 1-11. - М., 1934. - С. 359.
- ¹²¹ Цит. по: Buchanan, G. Op. cit. - L., 1923. - P. 42-50.
- ¹²² Ibid. - P. 56.

Глава III

- ¹ Ллойд Джордж, Д. Военные мемуары. Том 4. - М., 1935. - С. 97.
- ² Цит. по: Buchanan, G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. - Boston, 1923. - P. 98.
- ³ Hart, L. The Real War. - London, 1930. - P. 304.
- ⁴ Francis, D. Russia from the American Embassy. - N. - Y., 1921. - P. 100.
- ⁵ Francis, D. Op. cit. - N. - Y., 1921. - P. 101.
- ⁶ Ibid. - P. 105.
- ⁷ Ibid. - P. 106.
- ⁸ Williams, W. American-Russian Relations: 1781-1947. - N. - Y., 1952. - P. 87.
- ⁹ Ibid. - P. 93.
- ¹⁰ Maddox, R. The Unknown War with Russia. - San Rafael, 1977. - P. 47.
- ¹¹ Maddox, R. Op. cit. - P. 33.
- ¹² Цит. по: Ллойд Джордж, Д. Указ. соч. - Том 4. - М., 1935. - С. 101.
- ¹³ Цит. по: Бьюкенен, Дж. Мемуары дипломата. - М., 1961. - С. 224.
- ¹⁴ Там же. - С. 225.
- ¹⁵ См.: Там же.
- ¹⁶ См.: Там же.
- ¹⁷ Там же. - С. 225-226.
- ¹⁸ Бьюкенен, Дж. Мемуары дипломата. - М., 1961. - С. 169.
- ¹⁹ Цит. по: Buchanan, G. Op. cit. - Boston, 1923. - P. 114.
- ²⁰ Михайлов, И.А. Государственные доходы и расходы России во время войны. Факты и цифры. - Пг., 1917. - С. 26.
- ²¹ **Там же. - С. 312.**
- ²² Михайлов, И.А. Указ. соч. - М., 1917. - С. 29.

- ²³ ГАРФ. - Ф. 6996. - Оп. 1. - Д. 287. - Л. 163.
- ²⁴ Там же.-Л. 165.
- ²⁵ Там же.-Л. 166.
- ²⁶ ГАРФ. - Ф. 6996. - Оп. 1. - Д. 391. - Л. 24.
- ²⁷ Идельсон, В. Внешний долг Великобритании // Военные займы. - Пг., 1917. - С. 70-75.
- ²⁸ ГАРФ. -Ф. 6996.-Оп. 1.-Д. 368.-Л. 145.
- ²⁹ Там же. - Л. 24.
- ³⁰ Там же. -Л. 143.
- ³¹ ГАРФ. - Ф. 1778. - Оп 1. - Д. 136. - Л. 46.
- ³² ГАРФ. - Ф. 6996. - Оп 1. - Д. 314. - Л. 26.
- ³³ Там же. - Л. 2.
- ³⁴ Торгово-промышленная газета. - 1917.-1 июля.
- ³⁵ Вестник Временного правительства. -1917.-25 апреля.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ См.: Там же.
- ³⁸ Вестник Временного правительства. -1917.-2 мая.
- ³⁹ Цит. по: Милюков, П.Н. Воспоминания (1859-1917). - М., 1990. - Т.И - С. 405.
- ⁴⁰ Там же.-С. 407.
- ⁴¹ Вестник Временного правительства. -1917.-5 мая.
- ⁴² Цит. по: Милюков, П.Н. История второй русской революции. Т. I. - София, 1921. - С. 108. ⁴³Там же.-С. 109.
- ⁴⁴ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. - Ч. II. - Док. №585. - М. - Л., 1957. - С. 473.
- ⁴⁵ См.: Там же.
- ⁴⁶ АВП РИ. - Ф. 158. Экономический департамент. 1-е делопроизводство. - Оп 348. - Д.105. - Л. 37.
- ⁴⁷ Там же.-Л. 42.
- ⁴⁸ Там же.-Л. 45.
- ⁴⁹ АВПРИ.-Ф. 126-II департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг.-Оп. 1.-Д. 192.-Л. 501.
- ⁵⁰ Там же.-Д. 192.
- ⁵¹ Lloyd George, D. War Memories. - L., 1935. - Vol. II. - P. 1130-1135.
- ⁵² Graubard, S. British Labor and The Russian Revolution. - Cambridge, 1956. - P. 27.
- ⁵³ Военные займы. Сборник статей. - Пг., 1917. - С. 150.
- ⁵⁴ Мукосеев, В.А. Военные займы России // Военные займы. - Пг., 1917. - С. 171.
- ⁵⁵ Погребинский, А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. - М., 1968.-С. 163.
- ⁵⁶ Там же. - С. 140.
- ⁵⁷ Экономическое положение России... Указ. соч. - 4.П. - М. - П., 1957. - С.387-389.
- ⁵⁸ Там же. - С. 383.
- ⁵⁹ Там же.-С. 384.
- ⁶⁰ См.: Там же.
- ⁶¹ Цит. по: Buchanan, G. Op. cit. - Boston, 1923. - P. 373.
- ⁶² Ллойд Джордж, Д. Указ. соч. - Том V. - М., 1938. - С. 75.
- ⁶³ Экономическое положение России...Указ. соч. - Ч. II. - М. - П., 1957. - С. 493.
- ⁶⁴ Там же. - Док. №611. - С. 499.
- ⁶⁵ См.: Там же.
- ⁶⁶ Там же.-С. 166. ⁶⁷Там же.-С 168.
- Там же.-С. 169-170.
- Kerensky, A.F. The Catastrophe. - N. Y., 1927. - P. 216.
- Цит. по: Buchanan, G. Op. cit. - Boston, 1923. - P. 373.
- Ibid.-P. 379.
- Ibid. - P. 380.
- Зайончковский, А.М. Мировая война 1914-1918 гг. - М., 1938. - С. 134.
- Кнох, А. With The Russian Army 1914-1917. - L., 1921. - P. 637.
- Экономическое положение России...Указ. соч. - Ч. II. - М. - Пг., 1957. - С. 495.
- Там же.-С. 505-506.
- Abraham, R. Kerensky, A. The First Love of the Revolution. - N-Y., 1987. - P. 258.
- Бьюкенен, Дж. Мемуары дипломата. - М., 1961. - С. 245.
- Экономическое положение России...Указ. соч. - Ч. II.-М. - Пг., 1957. - С. 541.

- Там же.-С. 551-552.
 Russian Public Finance During The War. - New Haven, 1927. - P. 325.
 Ibid. - P. 327.
 Экономическое положение России...Указ. соч. - ЧП. - М. - Пг., 1957. - С. 376.
 Там же. - С. 377.
 Там же. - С. 378.
 Там же. - С. 412-413.
 Бляхер, В. Гринер, Д. Займы дореволюционной России в годы Первой мировой войны // Советские финансы. - 1947. - № 5-6. - С. 40.
 Там же.-С. 41.
 См.: Там же.
 Цит. по: Васюков, В.С. Внешняя политика Временного правительства. - М., 1966. - С.227.
 Экономическое положение России...Указ. соч. - Ч. II. - М. - Пг., 1957. - С. 453.
 Там же. - С. 460.
 Там же. - С. 554.
 Там же.-С. 354-355.
 Там же. - С. 554-555.
 Там же. - С. 557-558.
 Там же.-С. 513-514.
 Там же.-С. 558-559.
 Там же.-С. 559-560.
 АВ ПРИ. - Ф. 158 Экономический департамент. - Оп 348,- Д. 105. - Л. 76.
 Цит. по: Фиск, Г. Финансовое положение Европы и Америки после войны. - М., 1926. - С. 145.
 Цит. по: Ривкин, Б.Б. Финансовая политика в период Великой октябрьской социалистической революции. - М., 1957. - С. 50-51.
⁰³ См.: Там же.
¹⁰⁴ Павловский, Ю.А. Русский государственный долг / Ю.А. Павловский // The Russian Economist.- 1920.- №1.- Р. 176-188.
¹⁰⁵ Чубаков, И. Внутренние и zahraniчные кредитные операции России / И. Чубаков // Вестник финансов.- 1926.- №5-6. - С.137-138.
¹⁰⁶ Russian Public Finance During the War. Revenue and Expenditure / Ed. by Apostol P.N. - New Haven, 1928.
¹⁰⁷ См.: Дьяченко, П.В. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства / П.В. Дьяченко. - М., 1947; Погребинский, А.П. Очерки финансов дореволюционной России / А.П. Погребинский. - М., 1954; Ривкин, Б.Б. Финансовая политика в период великой октябрьской социалистической революции / Б.Б. Ривкин. - М., 1957.
¹⁰⁸ Фиск, Г. Межсоюзнические долги. Исследование о государственных финансах за военные и после военные годы / Г. Фиск. - М., 1925.
¹⁰⁹ Зак, А.Н. Разверстка государственных долгов / А.Н. Зак. - Берлин, 1923.

Библиография

Источники

I. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ)

1. АВП РИ. - Фонд 126 - II Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг. - Оп. 1. - Д. 192. - Л. 38-49. Письмо П.Л. Барка С.Д. Сазонову от 7 сентября 1914 г.
2. АВП РИ. - Ф. 126. - Оп. 1. - Д. 192. - Л. 59-60. Копия телеграммы С.Д. Сазонова от 13 августа 1914 г.
3. АВП РИ. - Ф. 126. - Оп. 1. - Д. 192. - Л. 108-134. Письмо П.Л. Барка С.Д. Сазонову от 10 марта 1915 г.
4. АВП РИ. - Ф. 126.-Оп. 1.-Д. 192.-Л. 376-380.

5. АВП РИ. - Ф. 126. - Оп. 1. - Д. 192. - Л. 501. Секретная телеграмма А.П. Извольского от 23/10 августа 1914 г.
6. АВП РИ. - Ф. 126.-Оп. 1.-Д. 193.-Л. 174.
7. АВП РИ. - Ф. 126.-Оп. 1.-Д. 195.-Л. 56-97.
8. АВП РИ. - Ф. 126. - Оп. 1. - Д. 222. - Л. 4. Письмо С.Д. Сазонова П.Л. Барку от 22 декабря 1914 г.
9. АВП РИ. - Ф. 126. - Оп. 1. - Д. 222. - Л. 25-26. Текст записки и копия сопроводительного письма С.Д. Сазонова от 6 февраля 1915 г.
10. АВП РИ. - Ф. 126. - Оп. 1. - Д. 284. - Л. 7-8. Письмо П.Л. Барка С.Д. Сазонову от 3 августа 1914 г.
- И. АВП РИ. - Ф. 126. - Оп. 1. - Д. 284. - Л. 11-19. Секретная телеграмма А.П. Извольского от 16 августа 1914 г.
12. АВП РИ. - Ф. 126. - Оп. 1. - Д. 284. - Л. 29-34. Письмо П.Л. Барка С.Д. Сазонову от 27 августа 1914 г. и телеграмма МИД в Бордо.
13. АВП РИ. - Фонд 138. - Секретный архив министерства. - Оп. 467. - Д. 652. - Л. 117. Телеграмма М.И. Терещенко от 4 августа 1917 г.
14. АВП РИ. - Ф. 138. - Оп. 467. - Д. 652. - Л. 168. Телеграмма М.И. Терещенко от 31 августа 1917 г.
15. АВП РИ. - Ф. 138. - Оп. 467. - Д. 674. - Л. 122. Телеграмма М.И. Терещенко от 17 августа 1917 г.
16. АВП РИ. - Фонд. 158. - Экономический департамент, 1-е делопроизводство. - Оп. 348. - Д. 105. - Л. 192-196. Письмо П.Л. Барка от 9 декабря 1915 г.
17. АВП РИ. - Ф. 158. - Оп. 348. - Д. 158. Письмо П.Л. Барка председателю Совета министров от 9 октября 1915 г.
18. АВП РИ. - Фонд 323 - Дипломатическая канцелярия при Ставке: Оп. 584. -Д. 132,201.
19. АВП РИ. - Фонд 323. - Оп. 584. - Д. 132. - Л. 46-48.
20. АВП РИ. - Ф. 323. - Оп. 584.- Д. 201. - Л. 172.

II. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. ГАРФ,-Фонд 601. - Николай II: Оп. 1.-Д. 391.-Л. 15-17.

2. ГАРФ.- Ф. 601. - Оп. 1. - Д. 549. - Л. 425-437.
3. ГАРФ. - Фонд 1778. - Канцелярия министра-председателя Временного правительства: Оп. 1. - Д. 136. - Л. 46-62.
4. ГАРФ.-Ф. 1778. - Оп. 1.-Д. 405.-Л. 19-46.
5. ГАРФ. - Фонд 1779. - Канцелярия Временного правительства: Оп 1. - Д. 25. -Л. 26-29.
6. ГАРФ.-Ф. 1779.-Оп. 1,-Д. 32. - Л. 12-15.
7. ГАРФ.-Ф. 1779.-Оп. 1.-Д.37.-Л. 6-17.
8. ГАРФ. - Фонд 6996. - Министерство финансов Временного правительства. -Оп 1.-Д. 8.-Л. 117.
9. ГАРФ. - Ф. 6996. - Оп. 1. - Д. 8. - Л. 34.
10. ГАРФ.-Ф. 6996.-Оп. 1.-Д. 122.-Л. 23.
11. ГАРФ.-Ф. 6996.-Оп. 1.-Д. 287.-Л. 163-165.
12. ГАРФ. - Ф. 6996. - Оп. 1. - Д. 314. - Л. 26.
13. ГАРФ.-Ф. 6996.-Оп. 1.-Д. 368.-Л. 15.
14. ГАРФ. -Ф. 6996.-Оп. 1. - Д. 391. - Л. 145.

Опубликованные источники

I. Стенографические отчеты заседаний Правительствующего Сената

1. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. Отдел II. - Пг.: Сенатская типография, 1914.
2. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1915. Отдел II. - Пг.: Сенатская типография, 1915.
3. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. Отдел II. - Пг.: Сенатская типография, 1916.
4. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. Отдел II. - Пг.: Сенатская типография, 1917.

II. Стенографические отчеты заседаний английского Парламента и Кабинета министров

1. Great Britain. Cabinet Papers. List of Cabinet Papers, 1915-1916. - L.: H. M. Staff. Off., 1966. - 347 p.
2. The Great Britain Parliament. Parliamentary Debates (official report). Vol. XV- XIX. House of Commons. 1914-1916. -L.: H. M. Staff. Off., 1914-1916.

III. Публикации финансовых и иных документов

1. Государственная роспись доходов и расходов на 1914 г. // Правительственный вестник. -1914.-1 июля.
2. Материалы по истории франко-русских отношений за 1900-1914. - М.: Соцэкизд, 1922.- 844 с.
3. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств, 1878-1917. Серия III. Т. VI-VIII. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931-1938.
4. Монархия перед крушением, 1914-1917. Бумаги Николая II и другие документы. - М.-Л.: Гиз, 1927.- 216 с.
5. Финансовые совещания союзников во время войны (доклады министра финансов П.Л. Барка) / Подг. Б.Л. Романов // Красный архив. 1924. Т. V. - С. 50-81.
6. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март - октябрь 1917. В 2-х ч. -М.-Л.: Академия Наук СССР, 1957. Ч. 1.- 692 с., Ч. 2.- 655 с.
7. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. - Л., Наука, 1967.- 540 с.
8. Pollard, S. Documents on European Economic History / S. Pollard. - L.: Arnold, 1968.- 580 p.
9. Pollard, S. Documents on European Economic History / S. Pollard. - L.: Arnold, 1988.-588 p.

IV. Периодические издания

1. Биржевые ведомости. - Пг., 1914-1916 гг.
2. Вестник Временного правительства. - Пг., 1917 г.
3. Вестник Европы. - Пг., 1914-1916 гг.

4. Новый экономист. - Пг., 1914-1916 гг.
5. Правительственный вестник. - Пг., 1914-1916 гг.
6. Русские ведомости. - Пг., 1914-1916 гг.
7. Современный мир. - Пг., 1914-1916 гг.
8. Торгово-промышленная газета. - Пг., 1914-1916 гг..
9. The Daily Telegraph. - L., 1914-1916.
10. The Russian Economist. - L., 1915-1916.
11. The Morning Post. - L., 1916.
12. Temps. - Paris, 1915.
13. The Economist. - L., 1911-1916.
14. The Russian Year Book for 1914. - L., 1913.
15. The Russian Year Book for 1915. - L., 1914.
16. The Russian Year Book for 1916. - L., 1915.
17. The Times Book of Russia: Finance, Commerce, and Industries. - L., 1914.
18. The Times Book of Russia: Finance, Commerce, and Industries. - L., 1915.
19. The Times Book of Russia: Finance, Commerce, and Industries. - L., 1916.

V. Публикации

1. Алексинский Г. Наследство. Русские финансы за последние десятилетия / Г. Алексинский // Современный мир. -1914. - С. 187-193.
2. Далин С. Коалиционное министерство и мобилизация промышленности в Англии / С. Далин // Современный мир. -1915. - № 9. - С. 71-93.
3. Загорский С.О. Современная финансовая проблема / С.О. Загорский // Современный мир. -1916. - № 2. - С. 17-23.
4. Филатович Б. Подготовка войны / Б. Филатович // Современный мир. - 1914.-№ 10.-С. 170-192.
5. Финн - Енотаевский А. Война и финансовая мобилизация / А. Финн - Енотаевский // Современный мир. -1914. - №9. - С. 162-188.
6. Финн - Енотаевский А. Мировая война и судьба капитализма / А. Финн - Енотаевский // Современный мир. -1914. - №6. - С. 115-126.

7. Финн - Енотаевский А. Причины мировой войны / А. Финн - Енотаевский // Современный мир. - 1914. - № 10. - С. 138-170.

8. Фридман М.И. О новых налогах / М.И. Фридман // Биржевые ведомости. - 1914.- 17 ноября.

VI. Мемуары

1. Воспоминания императора Николая II и царской семьи

1. Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. - Минск.: Харвест, 2003.- 368 с.

2. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II / Пер. с нем. - Берлин, 1922. - 264 с.

2. Мемуары политических деятелей Англии и России

1. Барк, П.Л. Воспоминания / П.Л. Барк // Возрождение. - 1965. - № 162-165.

2. Извольский, А.П. Воспоминания / А.П. Извольский. - М.- Пг.: Петроград, 1924.- 190 с.

3. Извольский, А.П. Воспоминания / А.П. Извольский. - М.: Международные отношения, 1989.- 196 с.

4. Коковцов, В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания (1903-1919) / В.Н. Коковцов.-М.: Современник, 1992.-591 с.

5. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте: мемуары / А.Ф. Керенский-М.: Республика, 1993,- 384 с.

6. Ллойд Джордж, Д. Военные мемуары. В 6-ти Т-х / Д. Ллойд Джордж. - М.: Соцэкгиз, 1934-1937. Т. I-Й. - 678 е., Т. III. - 446 е., Т. IV. - 444 е., Т. V. - 367 е., Т. VI. - 252 с.

7. Ллойд Джордж, Д. Правда о мирных переговорах / Д. Ллойд Джордж. В 2- х Т. Т. I. -М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.- 556 с.

8. Ллойд Джордж, Д. Речи, произнесенные за время войны. - Пг.: Книгоиздательство М.В. Попова, 1917. - 212 с.

9. Милюков, П.Н. Воспоминания (1859-1917). В 2-х т. / П.Н. Милюков. - М.: Современник, 1990. - Т. II.- 447 с.

10. Миллюков, П.В. История второй русской революции / П.В. Миллюков. Т. I. - София.: Изд-во Софийского университета, 1921,- 237 с.
11. Пуанкаре, Р. На службе Франции. Воспоминания за 10 лет / Р. Пуанкаре /Пер. с француз-М.: Соцэкгиз, 1936.- 526 с.
12. Asquith, H.H. Memories and Reflections. By The Earl of Oxford and Asquith, 1852-1927/ H.H. Asquith. - Boston: Little, 1928. - 678 p.
13. Asquith, H.H. The Genesis of War / H.H. Asquith. - L.: Arell, 1923.-235 с.
14. Asquith, H.H. Twenty-five years of Parliamentary by the Earl of Oxford and Asquith. V. I-II. / H.H. Asquith. - L.: Cassell, 1926. - V.I.- 272 p. V. II. - 270 p.
15. Churchill, Y. The World Crisis / Y. Churchill. - L.: BDF, 1915. - 324 p.
16. Lloyd George, David War Memories of David Lloyd George / D. Lloyd George. - L.: Nicholson & Watson, 1933. - 529 p.

3. Мемуары дипломатов стран Антанты

1. Берти, Ф. За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже, 1914-1919 гг. / Пер. с англ. / Ф. Берти. - М.-Л.: Гиз, 1927.- 230 с.
2. Бьюкенен, Дж. Мемуары посла / Дж. Бьюкенен. - М.: Международные отношения, 1991.- 341 с.
3. Палеолог, М. Воспоминания посла / М. Палеолог. - М.: Наука, 1992.- 275 с.
4. Палеолог, М. Царская Россия во время мировой войны / М. Палеолог. - М.- Пг.: Лениздат, 1923.-314 с.
5. Палеолог, М. Царская Россия накануне революции / М. Палеолог. - М.: Соцэкгиз, 1923.- 186 с.
6. Buchanan, G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memories / G. Buchanan. - Boston: Little, 1923. - 373 p.
7. Francis, D. Russia from the American Embassy / D. Francis. -N.-Y.: St. Martin's Press, 1921.-345 p.
8. Paleologue, M. Ambassador's Memories / M. Paleologue. - N.-Y.: The Century Co, 1925.-297 p.
9. Paleologue, M. La Russie des Tsars pendant la Grante Guerre. Vol. II-III / M. Paleologue. - Paris: Plon-Nourri, 1922. - Vol. II. - 347 p. Vol. III. - 357 p.

4. Воспоминания российских военных

Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. - М.: Воениздат, 1981.- 246 с.

Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. - М.: Воениздат, 1983.- 256 с.

Данилов, Ю.Н. На пути к крушению / Ю.Н. Данилов. - М. - Наука, 1992.476 с.

Данилов, Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914-1915 гг. / Ю.Н. Данилов. - Берлин, 1921.- 175 с.

Деникин, С.Ю. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль - сентябрь 1917 г./ Репринт, воспр. / С.Ю. Деникин. - М.: Наука, 1991. - 519 с.

Станкевич, В.Б. Воспоминания, 1914-1919 / В.Б. Станкевич. - М.: Наука, 1994.- 236 с.

Gurko, V. Features and Figures of The Past / V. Gurko. - L.: Cassel, 1939. - 676 p.

Gurko, V. War and Revolution in Russia, 1914-1917 / V. Gurko. - N. - Y.: Far- rell, 1919.-426 p.

5. Мемуары современников

1. Вайсенберг, Л.М. Моя Англия. (Воспоминания 1912-1917 гг.) / Л.М. Вайсенберг / Пер. с англ. - Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931.- 96 с.

2. Гиппиус, З.Н. Петербургские дневники, 1914-1919 гг. / З.Н. Гиппиус. -N. - Y. - М.: Центр Про, 1990.-318 с.

3. Готье, Ю.В. Мои записки / Ю.В. Готье // Вопросы истории. -1991. - № 6.

4. Михайловский, В.А. Россия на краю: из дневников 1917-1920 гг. / В.А. Михайловский //Москва. - 1993. - № 1.

Исследовательская литература

1. Айрапетян, М.Э. Кабанов, П.Ф. Первая мировая война / М.Э. Айрапетян, П.В. Кабанов. - М.: Изд-во «Просвещение», 1964.- 298 с.

2. Алексеева, И.В. «Агония сердечного Согласия» / И.В. Алексеева. - Л.: Лениздат, 1990.- 320 с.

3. Беляев, С.Г. Переговоры министра финансов П.Л. Барка в Париже и Лондоне в 1915-1916 гг. (по материалам французских архивов) / С.Г. Беляев // Россия и

Первая мировая война: материалы международной конференции, 15 июня 1998 г. - Спб, 1999. - С. 497-509.

4. Беляев, С.Г. Петр Львович Барк: этапы карьеры / С.Г. Беляев // Из глубины веков. - 1966. - № 7. - С. 62-77.

5. Бляхер, В.Я. Государственные финансы дореволюционной России и их аннулирование советским правительством / В .Я. Бляхер. - М.: Министерство высшего образования СССР. Московский государственный экономический институт, 1955,- 122 с.

6. Васюков, В.С. Внешняя политика Временного правительства / В.С. Васюков. - М.: Мысль, 1996.- 472 с.

7. Васюков, В.С. Предыстория интервенции накануне февральской революции. 1916-1917 гг./В.С. Васюков-М.: Наука, 1989.-308 с.

8. Всеобщая история. Современные исследования. -М.: Наука, 2002.- 179 с.

9. Виноградов, К.Б. Буржуазная историография Первой мировой войны / К.Б. Виноградов. - М.: Изд-во социально- экономической литературы, 1962. - 402 с.

10. Виноградов, К.Б. Д. Ллойд Джордж / К.Б. Виноградов. - М.: Наука, 1970.276 с.

11. Военные займы. Сборник статей / Под. ред. М.И. Туган-Барановского. - Пг.: Типография «Правда», 1917.-196 с.

12. Волобуев, П.В. Экономическая политика Временного правительства / П.В. Волобуев. -М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.- 484 с.

13. Волобуев, П.В. Экономическая программа буржуазии и Временного правительства / П.В. Волобуев // Исторические записки. Вып. 67. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. - С. 17-77.

14. Ганелин, Р.Ш. Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений. 1914-1917 гг. / Р.Ш. Ганелин. - Л.: Наука, 1969.- 417 с.

15. Гиндин, И.Ф. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917г./ И.Ф. Гиндин // История СССР. - 1957. - № 5. - С. 166-172.

16. Гиндин, И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в трудах Теодора де фон Лауэ / И.Ф. Гиндин // История СССР. - 1971. - №4. - С. 204-232.

17. Гиндин, И.Ф. Русские коммерческие банки / И.Ф. Гиндин. - М.: Соц-экизд, 1948.- 156 с.
18. Готлиб, В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны / В.В. Готлиб. -М.: Соцэкизд, 1936.- 526 с.
19. Готлиб, В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны / В.В. Готлиб. -М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960,- 604 с.
20. Готье, Ю.В. Публичные займы довоенной России / Ю.В. Готье // Вестник финансов. - 1926. - № 5-6. - С. 27-53.
21. Гринер, Д. Бляхер, В. Займы дореволюционной России в годы Первой мировой войны / Д. Гринер, В. Бляхер // Советские финансы. - 1947. - № 5. - С. 117-131.
22. Зайончковский, А.М. Мировая война. 1914-1918 гг. / А.М. Зайончковский -М.: Наука, 1938.- 835 с.
23. Зайончковский, А.М. Первая мировая война / А.М. Зайончковский. - Спб.: Изд-во «Полигон», 2000.- 880 с.
24. Зак, А.Н. Разверстка государственных долгов / А.Н. Зак. - Берлин: Типография V& Co, 1923.- 178 с.
25. Игнатьев, А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908-1914) / А.В. Игнатьев. -М.: Соцэкгиз, 1962. 244 с.
26. Игнатьев, А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции, февраль-март 1917 г. / А.В. Игнатьев. - М.: Изд-во Наука, 1966.340 с.
27. Иоффе, А.Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль-март) / А.Е. Иоффе. -М.: Госполитиздат, 1958.- 355 с.
28. История внешней политики России, конец XIX - начало XX вв. Т.V. - М.: Международные отношения, 1997.- 672 с.
29. История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции) / Отв. ред. А.В. Игнатьев. - М.: Международные отношения, 1999. - Кн. 5. - 296 с.
30. История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918-1945 / Под. ред. Е.Ф. Языкова. - М.: Наука, 1989. - 186 с.

31. История Первой мировой войны, 1916-1919 гг. / Под. ред. А.Д. Шеманского. В 2-х Т. Т.I-II - М.: Наука, 1975.- Т.I.- 446с. Т.II.- 607 с.
32. К вопросу о финансовых отношениях царской России с Англией во время мировой империалистической войны 1914-1917 гг. // Ученые записки Ростова - на - Дону университета. Т. 63. - Ереван.: Изд-во Ростова - на - Дону университета, 1958. С. 53-75.
33. Катков, Г.М. Февральская революция / Г.М. Катков. - М.: Исток, 1997. - 124 с.
34. Каценеленбаум, З.С. Война и финансово-экономическое положение России / З.С. Каценеленбаум. - М.: Культурно-просветительское и агитационное бюро студентов, 1917.- 79 с.
35. Керенский, А.Ф. Палей, О.В. Царская семья и Временное правительство / А.Ф. Керенский, О.В. Палей. - Махачкала.: Дагестанское книжное издательство, 1991.- 405 с.
36. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. - М.: Изд-во Слово, 1997. - 344 с.
37. Козлов, Н. Очерки снабжения русской армии военно-техническим имуществом / Н. Козлов. - М.: Государственное изд-во. Отдел военной литературы, 1926.- 147 с.
38. Корелин, А.П. С.Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России к концу XIX- началу XX вв. / А.П. Корелин // Отечественная история. - 1999. - №3. - С. 45-74.
39. Котсонис, Я. Подданный и гражданин: налогообложение в России до и после 1917 года и его подтекст / Я. Котсонис // Россия XXI. - 1999. - № 1. - С. 168-189.
40. Лопухин, В.Б. Люди и политика (конец 19 - начало 20 вв.) / В.Б. Лопухин // Вопросы истории. - 1966. -№9-11.
41. Маниковский, А.А. Военное снабжение русской армии в мировую войну / А.А. Маниковский. - М. - Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930. - 408 с.
42. Мануйлов, А.А. Финансирование войны / А.А. Мануйлов // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Изд. 7-е. Т. 47. - Спб. - С. 405-452.

43. Мау, В. Реформы и догмы: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма (1914-1929) / В. Мау. - М.: Изд-во «Дело», 1993.-259 с.
44. Международные отношения. Политика. Дипломатия. ХУ1-ХХ вв. Сборник статей к 80-летию академика И.М. Майского. - М.: Наука, 1969,- 560 с.
45. Минц, И.И. История Великого Октября. Т. I. / И.И. Минц - М.: Мысль, 1977.- 178 с.
46. Мировые войны XX века. Первая мировая война. Книга 2-ая. Первая мировая война. Документы и материалы. - М.: Наука, 2002.- 546 с.
47. Михайлов, И.А. Война и наше денежное обращение. Факты и цифры / И.А. Михайлов. - Пг.: Типография «Правда», 1918. - 148 с.
48. Михайлов, И.А. Государственные доходы и расходы России во время войны. Факты и цифры / И.А. Михайлов. - Пг.: Типография «Правда», 1917. - 164 с.
49. Михалевский, Ф.И. История денег и кредита / Ф.И. Михалевский. - М.: МКУ, 1925.-349 с.
50. Николаев, П.В. Отклики на Парижскую экономическую конференцию 1916 г. во Франции, Англии и России / П.В. Николаев // Труды Лен. Отделения института истории А.Н. СССР. Вып. 1. - Л.: Типография Ленинградского отделения института истории А.Н. СССР, 1959. - С. 389-413.
51. Новотович, Ф.Я. Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны / Ф.Я. Новотович // Исторический записки. - 1947. - №. 23. - С. 210-236.
52. Об особенностях империализма в России. - М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963-440 с.
53. Оль, П.В. Иностранные капиталы в России / П.В. Оль. - Л.: Институт экономических исследований. Труды института. №3,1922.- 304 с.
54. Оль, П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве в дореволюционной России / П.В. Оль. - Л.: Институт экономических исследований, 1925.305 с.

55. Остальцева, А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года в оценке современников / А.Ф. Остальцева // Ученые записки Саратовского университета. Т. 68.- Саратов, 1960. С. 139-155.
56. Очерки истории СССР. 1907 - март 1917 гг. // Под. ред. проф. А.Л. Сидорова. - М.: Учпедгиз, 1954.- 352 с.
57. Павловский, Ю.А. Русский государственный долг / Ю.А. Павловский // The Russian Economist. - 1920. - № 1. - Р. 176-188.
58. Пайпс, Р. Русская революция / Р. Пайпс. Ч. I. - М.: РОССПЭН, 1994. - 546 с.
59. Платонов, О. Терновый венец России. История русского народа в XX веке / О. Платонов. Т. I. - М.: Родник, 1997.- 896 с.
60. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. - М.: Наука, 1994, - 118 с.
61. Первая мировая война и международные отношения. - Спб.: Изд-во К. Н., 1995. - 129 с.
62. Первая мировая война: политика, идеология, историография. - Куйбышев.: Изд-во Куйбышевского государственного университета, 1990.- 155 с.
63. Первая мировая война. Пролог XX века. - М.: Наука, 1998.- 696 с.
64. Пигу, А.К. Политическая экономия войны / А. Пигу. - Л.: Военное издательство ленинградского военного округа, 1924.- 148 с.
65. Погодаев, Н.П. Оценка англо-русского соглашения 1907 года русской буржуазной и официальной прессой / Н.П. Погодаев // Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск. - 1982. - С. 82-89.
66. Погребинский, А.П. Государственно - монополистический капитализм в России / А.П. Погребинский. - М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.- 168 с.
67. Погребинский, А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма / А.П. Погребинский. -М.: Изд-во «Финансы», 1968.- 268 с.
68. Погребинский, А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX - XX вв.) / А.П. Погребинский. - М.: Госфиниздат, 1954.- 268 с.
69. Покровский, М.Н. Внешняя политика России (1914-1918 гг.) / М.Н. Покровский. - М.: Из-во. Ком. Акад., 1918. - 246 с.

70. Покровский М.Н. Империалистическая война: Сборник статей 1915-1917 / М.Н. Покровский. - М.: Изд-во Ком. Акад., 1928. - 184 с.
71. Ривкин, Б.Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции / Б.Б. Ривкин. - М.: Госфиниздат, 1957.- 319 с.
72. Россия в мировой войне, 1914-1918 гг. (в цифрах).-М., 1925.-68 с.
73. Россия и Британия. Выпуск II.- Чтения памяти Ерофеева Н.А. - М.: Наука, 2000.- 192 с.
74. Россия и Британия. Выпуск III. Чтения памяти Трухановского В.Г. - М.: наука, 2001.-416 с.
75. Россия и Первая мировая война: материалы международной научной конференции, 1-5 июня 1998 г. / Отв. ред. Смирнов Н.Н. - Спб.: ,1999.- 564 с.
76. Рубинштейн, Н.Л. Внешняя политика Временного правительства / Н.Л. Рубинштейн. - М.: Наука, 1964.- 236 с.
77. Рудая, Е.В. Союзники - враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1914 гг. / Е.В. Рудая // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. - М.: Наука, 1996. - С. 175-183.
78. Сидоров, А.Л. Внешняя политика России в конце XIX - начале XX вв. / А.Л. Сидоров. - М.: Наука, 1945.-238 с.
79. Сидоров, А.Л. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время Первой мировой войны, 1914-1917 гг. / А.Л. Сидоров // Исторические записки. Т. 15. -М.-Л. - 1945.-С. 68-91.
80. Сидоров, А.Л. Первая мировая война / А.Л. Сидоров. - М.: Наука, 1968.368 с.
81. Сидоров, А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л. Сидоров. -М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960.- 580 с.
82. Сидоров, А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А. Л. Сидоров. -М.: Наука, 1973,- 656 с.
83. Сколько расходует Россия на войну, и откуда получают эти деньги. -Пг.: Типография «Правда», 1917.-158 с.

84. Страхов, В.В. К вопросу о финансовой политике царского правительства в годы Первой мировой войны / В.В. Страхов // Вестник РГПУ имени С.А. Есенина. - 2001. - №1. - С. 69-84.
85. Тарле, Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919 гг. / Е.В. Тарле / Соч. в 12-ти т-х. Т. V - XII. - М.: Изд-во АН СССР, 1958-1965.
86. Туполев, Б.М. Происхождение Первой мировой войны / Б.М. Туполев // новая и новейшая история. - 2002. - №4. - С. 27-47.
87. Уткин, А.И. Дипломатия Вудро Вильсона / А.И. Уткин. - М.: Аглогитм, 1989.- 342 с.
88. Уткин, А.И. Первая мировая война / А.И. Уткин. - М.: Алгоритм, 2001.562 с.
89. Фей, С. Происхождение мировой войны / С. Фей. Т. 1-Й. - М.: Соцэкгизд, 1934.- 222 с.
90. Фиск, Г. Межсоюзнические долги. Исследование о государственных финансах за военные и послевоенные годы / Г. Фиск. - М.: Соцэкгизд, 1925.212 с.
91. Фулин, Ю.В. Отречемся от старого мира / Ю.В. Фулин. - М.: Московский рабочий, 1987.- 238 с.
92. Чубаков, И. Внутренние и заграничные кредитные операции России / И. Чубаков // Вестник финансов. - 1926. - № 5-6. - С. 125-137.
93. Шамес, М.Е. Экономическая система империализма. Первая мировая война / М.Е. Шамес. - Л.: Прибой, 1925.- 132 с.
94. Швецов, А.П. Аннулирование советской властью займов царского и Временного правительств / А.П. Швецов // Ученые записки Саратовской областной партийной школы. Вып. I. - Саратов: Изд-во саратовской партийной школы, 1948. - С. 65-74.
95. Экономическая история зарубежных стран / Под. ред. В.И. Голубовича. - М.: Эксмо, 1996.-124 с.
96. Abraham, R. Kerensky, A. The First Love of Revolution / R. Abraham, R. Kerensky. -N.-Y.: Columbia University Press, 1987.- 503 p.
97. Aufray, B. Pierre de Margerie (1861-1912) et la Vie Diplomatique de Son Tempg / B. Aufray. - Paris: Rosser, 1976,- 234 p.

98. Beloff, M. Wars and Welfare: Britain, 1914-1945 / M. Beloff. - Baltimore: Arnold, 1984.- 281 p.
99. Blackwell, W. Russian Economic Development from Peter The Great to Stalin / W. Blackwell. -N. -Y.: Columbia University Press, 1974. - 716 p.
100. Bless, C. History of Great Britain, 1900-1914. - N. -Y.: Columbia University Press, 1967.- 155 p.
101. Brailsford, H.N. The Fruits of Our Russian Alliance / H.N. Brailsford. - L.: The Anglo-Russian Company, 1923. - 64 p.
102. Curl, P.V. Documents on American Foreign Relations / P.V. Curl. -N. - Y.: Harper, 1955.-546 p.
103. Dearie, N.B. On Economic Chronicle of the Great War for Great Britain and Ireland, 1914-1916/N.B. Dearie.-L.: Milford, 1929. - 397 p.
104. Economic Change and The National Question in Twentieth Century. - Cambridge: Cambridge University Press, 2000. - 433 p.
105. Fay, S. The War Office At War / S. Fay. - L.: Hutchinson, 1937. - 288 p.
106. Feis, H. Europe - The World' Banker, 1840-1914. An Account of European Foreign Policy and the Connections of World Finance and Diplomacy Before the War / H. Feis. - New Haven: Yale University Press, 1919. - 645 p.
107. Finance and Financiers in The European History, 1880-1960. - Cambridge: Cambridge University Press, 2002. - 455 p.
108. Fyle, A.J. Understanding The First World War: Illusions and Relations / A.J. Fyle. - N. - Y.: Lang, 1983.-391 p.
109. Gottlieb, W.W. Studies in Secret Diplomacy during The First World War / W.W. Gottlieb. -L.: Staff, 1927. - 372 p.
110. Granbard, S. British Labor and The Russian Revolution / S. Granband. - Cambridge: Cambridge University Press, 1956. - 276 p.
111. Grigg, J. Lloyd George David. A Biography / J. Grigg. N. - Y.: Maxmillan, 1975.- 872 p.
112. Hall, H. Britain Achieves and The Sources for the History of the First World War / H. Hall. - L. - New Haven: Yale University Press, 1925. - 445 p.

113. Hamilton, R. Herwig, U. N. Decisions for the War. 1914-1917 / R. Hamilton, U. N. Herwig. - Cambridge: Cambridge University Press, 2004. - 266 p.
114. Harries, M. The Last Days of Innocence / M. Harries. - L.: Yale University Press, 1994.-235 c.
115. Hart, L. A History of the World War I. 1914-1918 / L. Hart. - Boston: Terry Books, 1935.-635 p.
116. Hart, L. Henry B. Europe in Arms / L. Hart. - L.: Faber-Faber, 1937. - 348 p.
117. Hart, L. History of the World War I / L. Hart. - L.: Pan Books, 1970. - 504 p.
118. Hart, L. The British Way in Warfare / L. Hart. - L.: Faber-Faber, 1932. - 312 p.
119. Hart, L. The Real War / L. Hart. - L.: Minstone, 1930. - 376 p.
120. Keegan, J. The First World War / J. Keegan. -N. -Y.: Crown, 1998. - 702 p.
121. Kennedy, Paul The Realities Behind Diplomacy: Background Influences on British External Policy, 1865-1980 / P. Kennedy. - L.: Allen and Unwind, 1981. - 416 p.
122. Kennedy, Paul The Rise and The Falls Of The Great Powers / P. Kennedy. - L.: Random House, 1987. - 677 p.
123. Kennedy, Paul Strategy and Diplomacy, 1870-1945. Eight Studies / P. Kennedy. - L.: Allen and Unwind, 1983. - 274 p.
124. Keynes, J.N. Hopes Betrayed / J.N. Keynes. - N. - Y.: Sloam, 1983. - 234 p.
125. Keynes, J.N. How to Pay for the War. A Radical Plan for the Chancellor for the Exchequer / J.N. Keynes. - L.: Macmillian, 1940. - 188 p.
126. Knox, A. With The Russian Army, 1914-1917/ A. Knox. - L.: Bridge Press, 1921.- 345 p.
127. Lederer, I. Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective / I. Lederer. - New Haven: Yale University Press, 1962. - 620 p.
128. Le May, G.H.L. British Government. 1914-1953. Select Documents / G.H.L. Le May. - L.: Methuen, 1955. - 416 p.
129. Liddle, P. Testimony of War, 1914-1918 / P. Liddle. - Salisbury: Russell, 1979.-96 p.
130. Lieven, D. Russia and The Origins of The First World War / D. Lieven. - L.: Allen and Unwind, 1983.- 176 p.

131. Lincoln, B.L. Passage through Armageddon. The Russia in War and Revolution, 1914-1918/B.L. Lincoln.-N.-Y.: Bristol, 1986.-226 p.
132. Maddox, R. The Unknown War with Russia / R. Maddox. - San Rafael: Rosen, 1977.-348 p.
133. Massie, R. Dreadnought. Britain, Germany and the coming of the Great War / R. Massie. -N. - Y.: Pantom House, 1991. - 1007 p.
134. McDonald, D. United Government and Foreign Policy in Russia. 1900-1914 / D. McDonald. - L.: Page and Company, 1992. - 184 p.
135. Miller, M.S. The Economic Development of Russia with Special Reference to Trade, Industry and Finance, 1905-1916 / M.S. Miller. - L.: Cass, 1967. - 321 p.
136. Moyer, L. Victory Must Be Ours / L. Moyer. - L.: Page and Company, 1995. - 246 p.
137. Nolde, B. Russia in The Economic War / B. Nolde. - New Haven: Yale University Press, 1928. - 232 p.
138. Pares, B. The Fall of The Russian Monarchy: A Study of the Evidence / B. Pares. - N.-Y.: Schochen , 1961.- 342 p.
139. Pares, B. Russia between Reform and Revolution / B. Pares. - N. - Y.: Schochen, 1962.-352 p.
140. Paton, W. The Position of the United Kingdom, 1912-1918 / W. Paton. - Washington: Morton Press, 1919. -178 p.
141. Peden, G.C. The Treasure and British Public Policy, 1906-1959 / G.C. Peden. - N. -Y.: Oxford University Press, 2000. - 426 p.
142. Petit, L. Histoire des Finances Exterieur de la France Pendant la Querre 1914-1919 / L. Petit. - Paris: Le More, 1929.- 326 p.
143. Pollard, S. The Development of the British Economy, 1914-1967 / S. Pollard. -N. - Y.: St. Martin's Press, 1969. - 518 p.
144. Pollard, S. The Development of the British Economy, 1914-1967 / S. Pollard. -L.: Arnold, 1983.-440 p.
145. Pribram, A.F. England and The International Policy of The European Great Powers, 1871-1914 / A.F. Pribram. - Oxford: Oxford University Press, 1931. - 244 p.

146. Robbins, K. Sir Edward Grey. A Biography of Lord Grey of Fallodon / K. Robbins. - L. Cassell, 1971.-438 p.
147. Robbins, K. The Eclipse of the Great Power - Modern Britain, 1870-1975 / K. Robbins. - L. - N. - Y.: Longman, 1983. - 408 p.
148. Robbins, K. The First World War / K. Robbins. - Oxford - N. - Y.: Oxford University Press, 1984. - 186 p.
149. Robertson, J.M. The New Tariffism / J.M. Robertson. - L.: Allen Unwind, 1918.-64 p.
150. Rowland, P. David Lloyd George. A Biography / P. Rowland. - N. - Y.: Maxmillan, 1975. - 872 p.
151. Russian Public Finance During the War. Revenue and Expenditure / Ed. by N.P. Apostol. - New Haven: Yale University Press, 1928. - 461 p.
152. Seton-Watson, H. The Russian Empire / H. Seton-Watson. - Oxford: Oxford University Press, 1967. - 236 p.
153. Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895-1939. - Edmonton: Edmonton's Press, 1934. - 156 p.
154. Smith, C. J. The Russian Struggle for Power, 1914-1917 / C. J. Smith. -N. - Y.: Philosophy Library, 1956.- 345 p.
155. Stamp, J. British Incomes and Property. The Application of Official Statistics to Economic Problems from 1914 to 1918 / J. Stamp. - L.: King, 1927. - 544 p.
156. Stamp, J. Taxation During The War J. Stamp. - Milford, New Haven: Yale University Press, 1932. - 249 p.
157. Steiner, Z. Britain and The Origins of The First World War / Z. Steiner. - L.: Basing stoke. Macmillan, 1977. - 350 p.
158. Stone, N. Europe Transformation, 1878-1919 / N. Stone. - Cambridge: - Cambridge University Press, 1984. - 468 p.
159. Stone, N. The Eastern Front, 1911-1917 /N. Stone. -N. - Y.: Scriuer, 1975. - 348 p.
160. Taylor, A.J.P. English History. 1914-1945 / A.J.P. Taylor. - Oxford: At The Clarendor Press, 1965. - 709 p.
161. Taylor, A.J.P. English History. 1914-1945 / A.J.P. Taylor. - Oxford. - N. - Y.: Oxford University Press, 1992. - 719 p.

162. The Cost Of The War To Russia. - New Haven: Yale University Press, 1932. -221 p.
163. The Origins of The First World War. - Hamilton - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - 337 p.
164. The Treasure and British Public Policy, 1906-1959. - N. - Y.: Oxford University Press, 2000. - 381 p.
165. The Twentieth Century: from 1914 to the Present. -N. - Y.: Crowell, 1967. - 243 p.
166. Thomas, D. England in The Twentieth Century, 1914-1963 / D. Thomas. - Baltimore: Penguin Books, 1965. - 304 p.
167. Twentieth-Century British Social Trends. - L.: Antony Rowe Ltd, 2001. - 732 p.
168. Twentieth-Century British and Social Welfare. - L. - N. - Y.: Crowell, 1976. -442 p.
169. Warth, R. The Allies and The Russian Revolution / R. Warth. - L.: Durham, 1954.- 224 p.
170. Wildman, A. The End of the Russian Imperial Army. The Old Army and Soldier's Revolt / A. Wildman. - Princeton: New Jersey University Press, 1980. - 401 p.
171. Williams, W. Anglo-Russian Relations: 1781-1947 / W. Williams. -N. - Y.: Gold Press, 1952.-342 p.
172. Woodward, D. Great Britain and the German Navy / D. Woodward. - N. - Y.: Elmore, 1935.- 158 p.
173. Woodward, D. The Collapse of Power. -L.: Listom, 1973.-235 p.
174. World War I / Ed. by M. Weiberg. - L.: Ashgert, 2005. - 604 p.

¹ The Cost of the War to Russia. - New Haven, 1932. - P. 209.

² АВП РИ. - Ф. 126 - II. Департамент, 1-5, «Война», 1914-1917 гг. - Оп. 1. Д. 222. - Л. 4. Письмо С.Д. Сазонова П.Л. Барку от 22 декабря 1914 г.

³ Барк, П.Л. Воспоминания // Возрождение. - 1965. - № 162. - С. 97.

⁴ Russian Public Finance During the War. Revenue and Expenditure. - New Haven, 1928. - P. 304.

⁵ Ibid.-P. 305.

⁶ Цит. по: Peden, G.C. The Treasure and British Public Policy, 1906-1959. - N. - Y., 2000. - P. 81.

⁷ Russian Public Finance. Op. cit. - New Haven, 1928. - P. 293.

⁸ Э. Де Фалерио - Т. Деликассе. 10/23 декабря 1914 г. АЕФ (Archives Economiques et Financières). В. 31254 // Беляев, С.Г. Переговоры министра финансов П.Л. Барка в Париже и Лондоне в 1915-1916 гг. (по материалам французских архивов).

⁹ Ibidem.

¹⁰ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. Серия III. - Т. VIII.- Ч. I. - Док. № 135 - С. 181-184. (полный текст соглашения).

¹¹ Т. Деликассе - П. Камбону. 24 января / 6 февраля 1915 г.// АЕФ // Беляев, С.Г. Переговоры министра финансов П.Л. Барка в Париже и Лондоне в 1915-1916 гг. (по материалам французских архивов).

¹² Peden, G.C. Op. cit. - N. Y., 2000. - P. 99.

¹³ Ibid. - P. 98.

¹⁴ Ллойд Джордж, Д. Речи, произнесенные за время войны. - Спб., 1917. - С. 77.

Размещено на сайте: <http://www.fox-notes.ru>